БЕЗОПАСНОСТЬ РОДИНЫ ХРАНЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В художественно-документальных очерках писатели и журналисты рассказывают об отваге, мужестве, профессиональном мастерстве львовских чекистов в борьбе с врагами нашей страны.

- Глеб Кузовкин
  - ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ
  - Волченко Николай
  - Тюфяков Иван
  - Доброхотова Дина
  - Романченко Николай
  - Петренко Николай
  - Нечай Мирослав
  - Кириллов Юрий
  - Виноградский Виталий
  - Савчак Василий
  - Дзяный Борис
  - Коломиец Валентина
  - Мельничук Ярослав
  - Егоров Константин
  - Петров Олег
  - Вербинскии Михаил
  - Григоренко Клара
  - Танитовский Валентин
  - Карпий Владимир
  - Антоненко Борис
  - Любащенко Иван
  - Любащенко Иван

Глеб Кузовкин
БЕЗОПАСНОСТЬ РОДИНЫ ХРАНЯ

70-летию органов государственной безопасности Украины — посвящается

ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Более 70 лет назад в нашей стране свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, увенчавшаяся образованием первого в мире Советского социалистического государства.

С великой радостью трудящиеся всей планеты встретили это историческое событие, видя в нем начало новой эпохи.

В то же время еще больше ожесточились наши внутренние и внешние враги, пытавшиеся свергнуть власть рабочих и крестьян, задушить молодую Советскую республику. Вооруженная интервенция, мятежи, диверсии, заговоры, шпионаж, провокации, саботаж, террор — эти и другие средства широко использовались контрреволюцией. В очень сложном, трудном положении оказалось наше государство.

Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя указанию В. И. Ленина о том, что: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться…», принимали экстренные и решительные меры. Создавались вооруженные силы, специальные органы, которые могли бы дать отпор противнику, пресечь вражеские действия, сделать все необходимое для обеспечения революционного порядка в стране.

На сорок четвертый день после свершения Октябрьской революции — 20 декабря 1917 года — постановлением Совета Народных Комиссаров была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Ее председателем, по предложению В. И. Ленина, был назначен мужественный борец за дело революции Феликс Эдмундович Дзержинский.

С первых дней существования органов ВЧК в основу их деятельности легли ленинские положения о пролетарской диктатуре и социалистической демократии, неразрывной и тесной связи с массами, строгом соблюдении социалистической законности.

На полях гражданской войны, в борьбе с разрухой, голодом, детской беспризорностью, в годы предвоенных пятилеток, в период Великой Отечественной войны чекисты вносили свой достойный вклад в защиту и укрепление могущества социалистической Отчизны, проявляя беспредельную преданность Коммунистической партии, мужество и отвагу. За это они снискали почет и уважение советского народа.

На всех исторических этапах развития нашего общества органы государственной безопасности своей деятельностью

активно содействовали и содействуют революционным преобразованиям в стране, сверяя каждый шаг с тактикой и политикой Коммунистической партии.

В решениях XXVII съезда, других документах КПСС выработана четкая политическая линия деятельности органов государственной безопасности. В частности, в Политическом докладе говорилось: «В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно возрастает ответственность, лежащая на органах государственной безопасности. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, они ведут большую работу по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины».

Этим принципам всегда следовали и следуют сотрудники Управления КГБ по Львовской области, которые вписали немало ярких страниц в историю органов ВЧК—КГБ.

Еще накануне Великой Отечественной войны ими успешно проведены операции по вскрытию и ликвидации законспирированной немецкой агентурно-шпионской сети и националистических организаций. Во взаимодействии с пограничным отрядом обезврежены десятки вооруженных групп, пытавшихся перейти Государственную границу СССР.

Мужество, профессиональное мастерство, готовность к самопожертвованию продемонстрировали чекисты Львовщины в годы Великой Отечественной войны. В послевоенные годы они принимали самое активное участие в ликвидации банд оуновского подполья, становлении Советской власти на западноукраинских землях.

И в настоящее время не прекращается борьба с коварными происками империалистических разведок, зарубежными антисоветскими центрами, которые пытаются овладеть нашими военными и экономическими секретами, инспирировать враждебные проявления. Но тщетны их попытки. Следуя курсу партии на перестройку, чекисты способствуют революционным преобразованиям нашего общества, надежно берегут мирный труд советских людей.

О доблестных воинах незримого фронта — львовских чекистах — написано немало произведений. Мы благодарны писателям, журналистам, издательству «Каменяр», создавшим не один десяток книг о их славных боевых делах.

С большим интересом были встречены читателями книги «Есть такой фронт», «Шла война народная», «Незримое сражение», «Сильные духом», «Люди высокого долга» и другие.

И вот перед нами новый сборник «Безопасность Родины храня», повествующий о чекистах Львовщины, посвященный 70-летию органов госбезопасности Украины.

С волнением читаем первые строки очерка журналиста Ивана Тюфякова «Легендарный разведчик»: «Человеком из легенды называют отважного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Его славные боевые дела, подвиги — явление исключительное… Николай Иванович прожил короткую, но яркую жизнь, заслужив высочайшую благодарность потомков. Он ушел в бессмертие, оставаясь жить среди людей, как вечный пример мужества и героизма в борьбе за честь и свободу любимой Родины». О нем, славном сыне Коммунистической партии, советского народа, и его соратниках правдиво, с высоким уважением и любовью повествует автор.

Люди никогда не забудут имя доблестного чекиста Федора Уланова. Тяжело раненным он был захвачен врагами. Его подвергали зверским пыткам, но Уланов не проронил ни слова. Ничего не добившись, бандиты сожгли героя заживо. О его подвиге рассказал в очерке «Пламя» писатель Николай Романченко.

В очерках сборника перед нами встают образы достойных представителей органов государственной безопасности Николая Струтинского, Михаила Дудника, Бориса Красавина, Александра Ипатова, Михаила Глущенко, Ивана Шорубалка, Емельяна и Павла Колодяжных, Вячеслава Толстого, Павла Чернова, Виктора Карпенко, Михаила Волова, Петра Дубровского, Михаила Ежова и других, для кого законом жизни являются беззаветная преданность Родине, высокая бдительность, гуманность, отвага, постоянное стремление с достоинством и честью выполнять свой долг перед партией и народом.

Можно с уверенностью сказать, что книга «Безопасность Родины храня» послужит благородному делу воспитания наших людей в духе советского патриотизма, любви и преданности социалистической Родине.

С. И. МАЛИК, *генерал-майор,*
начальник Управления КГБ УССР по Львовской области

Волченко Николай
СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

За плечами у Николая Павловича Волченко большая жизнь. Она определяется не только количеством прожитых лет, а и событиями, свидетелем и непосредственным участником которых он был. На груди майора в отставке — ордена Красного Знамени, Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, многие медали.

Семнадцатилетним юношей пришел он в 1921 году по комсомольской путевке на работу во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию. Двадцать семь лет отдал Николай Павлович трудной, напряженной и опасной чекистской работе. Борьба с политическим бандитизмом, недобитыми белогвардейцами, агентурой империалистических государств, ликвидация гитлеровских шпионов и диверсантов, националистического подполья в послевоенные годы — вот далеко не полный перечень того, чем отмечена биография Н. П. Волченко. И во все времена жизненным идеалом для Николая

Павловича был и остается Феликс Эдмундович Дзержинский — пламенный революционер, рыцарь революции, с которым ему довелось дважды встречаться. Об этом и о долгих годах чекистской службы он рассказывает.

* * *

Память моя хранит много ярких воспоминаний о долголетней чекистской службе.

В 1921 году райком комсомола направил меня, подручного слесаря Харьковского проволочно-гвоздильного завода, на работу во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию (ВУЧК) в Харькове, тогдашней столице Украины.

У всех нас, молодых и тех, кто прошел горнило гражданской войны, был один образец для подражания — Феликс Эдмундович Дзержинский. И, придя в старинный особняк на Совнаркомовской улице, где тогда размещалась ВУЧК, я не знал, что судьба меня дважды сведет с этим замечательным человеком.

Первая встреча состоялась зимой 1921 года. Находящийся в Харькове Дзержинский оказывал помощь руководству ВУЧК в организации борьбы с политбандами в республике. А когда из-за снежных заносов возникли перебои в движении поездов на Юго-Западной магистрали, Феликс Эдмундович, являвшийся также наркомом путей сообщения, возглавил аварийные работы.

Однажды на субботник вместе с рабочими-железнодорожниками вышли чекисты.

Мои товарищи Владимир Бойко и Иван Чистов обратили внимание на высокого худощавого мужчину в шинели, энергично орудующего лопатой. Он сбрасывал в кучу снег. Мужчина работал нагнувшись, и лицо его было трудно разглядеть. А когда разогнулся, мы с удивлением узнали Феликса Эдмундовича Дзержинского. Человек большой скромности, он выделялся лишь своим азартом в работе, и это несмотря на плохое состояние здоровья, подорванное тюрьмами и ссылками.

Мы, комсомольцы, получили тогда предметный, запоминающийся навсегда урок — каким должен быть чекист.

Вторая встреча с Феликсом Эдмундовичем состоялась в мае 1926 года. Меня вместе с сотрудниками Николаем Кунцевичем и Александром Яковлевым на время прикрепили к группе личной охраны Ф. Э. Дзержинского, прибывшего в Харьков.

Старший группы московский товарищ при инструктаже напомнил нам о том, что в нашем городе на Феликса Эдмундовича пять лет назад было совершено покушение. Мы

хорошо знали тот случай. Утром, когда Дзержинский приехал к дому, где он обосновал свой штаб, к нему подскочила молодая женщина и выхватила револьвер. Он успел увидеть только ее лицо, перекошенный рот и смотрящий в упор зрачок пистолетного дула. Феликс Эдмундович мгновенно отбросил голову в сторону. Пуля пролетела мимо. Второй раз выстрелить не удалось, оружие нападавшей уже находилось в руках чекистов…

Закончился инструктаж. Мое сердце радостно билось от предчувствия предстоящей встречи с великим человеком, имя которого уже при жизни было овеяно легендами. Конечно же, не оставляло и волнение от осознания высочайшей ответственности за порученное дело.

Приехав со старшим охраны на вокзал, мы проследовали к вагону, охраняемому часовым. Постучавшись, вошли и застали Феликса Эдмундовича с двумя товарищами за ужином. Тут же последовало приглашение к столу. Скромный ужин состоял из чая, черного хлеба, сыра. Дзержинский строго придерживался принципа жить в тех же условиях, в которых жили массы трудящихся.

Хотя Феликс Эдмундович непринужденно, дружески разговаривал с нами, все-таки было видно, что он устал. Ежедневная напряженная работа не могла пройти бесследно.

В Харькове Дзержинский посещает предприятия, беседует с рабочими, хозяйственниками, советуется с ними о путях подъема производства. Мне посчастливилось лично слышать речь Ф. Э. Дзержинского, выступавшего на Всеукраинском съезде горнорабочих, на совещании директоров металлургических заводов, на заседании Центральной межведомственной комиссии УССР по снижению розничных цен.

«Вся страна должна знать и верить, что мы ничего не замазываем, — говорил Феликс Эдмундович в одном из своих выступлений, — и боремся за поднятие и улучшение промышленности рабоче-крестьянского государства. Надо уметь видеть правду и воспринимать ее от масс и от всех участников производства».

В первые дни пребывания Ф. Э. Дзержинского в Харькове мне казалось, что он больше занимается народнохозяйственными вопросами и меньше времени уделяет чекистской работе. Но вскоре я убедился, что Феликс Эдмундович ежедневно осуществляет личное руководство деятельностью органов госполитуправления. До глубокой ночи он принимал и беседовал с начальниками оперативных отделов, приезжавшими сюда со всех концов страны.

На долгие годы программой по пресечению деятельности контрреволюции явилось выступление Дзержинского на расширенном оперативном совещании сотрудников ГПУ УССР. Оно закончилось в час дня. Мы вместе с Дзержинским последовали на обед. Он, казалось, задремал, откинувшись на заднее сиденье автомашины «Паккард». На переднем сидел я, рядом — водитель, начальник нашего гаража моряк-балтиец Горюнов. Слышу, Феликс Эдмундович, обращаясь к нам, говорит: «Желательно, товарищи, вначале поехать на природу, подышать свежим воздухом».

Я посоветовал отдохнуть в расположенном неподалеку от города лесопарке. Во-первых, туда ведет хорошая мощеная дорога. Во-вторых, там редкий лес, который хорошо просматривается, — подумал я.

День выдался отличный. Дзержинский прохаживался по тропинке между деревьями. Остановился, сорвал полевой цветок.

Мое внимание в этот момент привлекли три женщины, собиравшие грибы, и поэтому вопрос Феликса Эдмундовича прозвучал неожиданно:

— Здесь приятные места, красивые поляны и сухо. Вы раньше бывали здесь, какие тут грибы растут?

— Извините, — несколько смущаясь и торопясь, начал отвечать я, — грибами не увлекаюсь, рыбалка совсем иное дело. А сюда приезжаем с ребятами на велосипедах, но не часто — времени маловато. Кроме службы, учусь на вечернем рабфаке.

— Похвально. В молодые годы надо укрепляться физически и духовно. Чека не может состоять из калек и неучей, — заметил Феликс Эдмундович. Затем снял с себя пальто, разостлал его на траве, сел и, достав из кармана газету, начал ее просматривать. Через несколько минут он прилег и задремал, закрыв лицо газетой. Мы берегли его сон. Кто-кто, а мы знали, как он нужен Феликсу Эдмундовичу. Через двадцать минут Дзержинский проснулся и, посмотрев на часы, сказал: «Пора, пожалуй, нам в город. Спасибо вам за прогулку».

Ф. Э. Дзержинский, посвятивший всю свою жизнь борьбе за счастье трудового народа, всегда стремился к товарищескому контакту с людьми. За несколько дней до отъезда в Москву он присутствовал на отчетном докладе секретаря нашей комсомольской организации о состоянии политической работы среди членов союза. Внимательно слушал, время от времени задавал короткие вопросы, делал заметки в блокноте. После доклада сказал: «Неплохо, совсем неплохо. Ваш комсомольский огонек, храбрость и достаточно ясный ум открывают хорошую перспективу для продвижения на оперативную работу».

Слова Дзержинского, его высокая оценка, данная комсомольцам, побудили меня выступить. Набравшись смелости, я высказал свое мнение о том, что, к сожалению, наше руководство не выдвигает комсомольцев-чекистов по службе, ссылаясь на отсутствие вакантных должностей.

Феликс Эдмундович, слушая меня, чуть улыбался, кивал головой, потом сказал: «Вот вы как защищаете свою братию! Конечно, все, что вы сообщили, мы проверим. Мне кажется замечание справедливым. Попробуем посодействовать».

Дзержинский не забыл о своем обещании. Сразу же после его возвращения в Москву был издан приказ, согласно которому во всех оперативных отделах были введены по две-три должности стажеров. В управлении на эту должность я был назначен одним из первых.

Перед отъездом в Москву Феликс Эдмундович сфотографировался с группой харьковских чекистов. Долгое время я не мог достать этот снимок. И лишь спустя несколько лет нашел эту драгоценную фотографию, которую бережно храню.

Иногда, вглядываясь в лица запечатленных на ней товарищей, с кем делил и краюху хлеба, и патроны для нагана, кто прикрывал меня от бандитской пули, вспоминаю те далекие и близкие двадцатые годы.

Многие боевые друзья-товарищи не перешагнули тридцати-сорокалетний рубеж жизни. Они пали смертью храбрых в борьбе с врагами Родины. В их числе заместитель председателя Киевской губернской чрезвычайной комиссии И. Кравченко и начальник оперативного отделения Д. Янковский. Они были убиты при ликвидации петлюровской организации «Казачья рада». Мученической смертью погибли под Киевом от рук кулаков Ф. Николаенко и М. Филькенштейн. Предательски был убит оперуполномоченный Житомирского погранотряда Потажевич на конспиративной встрече с агентом-двурушником. На могилах героев мы клялись с достоинством продолжать их дело.

Мужество и отвага старших товарищей, их опыт помогали нам становиться достойными их, овладевать методами чекистской работы.

Однажды во время моего дежурства пограничники доставили под конвоем 13 перебежчиков из панской Польши. Они ночью пришли на погранзаставу, сдали дежурному оружие и, отказавшись назвать себя, потребовали доставить их в ГПУ УССР.

Я по внешнему виду перебежчиков, загорелых крепких парней со шрамами на руках и лицах, догадался, что они побывали в боевых переделках. Их вожак, крупный сорокалетний мужчина, также отличался своей наружностью. Грубое лицо с колючим

жестким взглядом широко поставленных глаз и татуировка на груди довершали известный стереотип бандитского атамана. На вопросы задержанные отвечать отказались, требуя встречи с высоким начальством.

Главаря мы привели на допрос к заместителю председателя Комиссии ГПУ УССР К. М. Карлсону. В сопровождении меня и коменданта секретно-оперативной части П. П. Устьянцева неизвестный переступил порог кабинета.

— Проходите, — сказал Карл Мартынович. — Вы хотели говорить с председателем комиссии ГПУ Украины. Я его заместитель — Карлсон. Если вы согласны говорить, готов выслушать.

Вожак, переступая с ноги на ногу, несколько секунд постоял в нерешительности. Он, конечно, не знал, что ему предстоит беседа с одним из соратников Дзержинского, большевиком с солидным стажем подпольной партийной работы, прошедшим через горнило империалистической и гражданской войн, чекистом, глубоко постигшим тайны человеческой психологии.

— Я Задов Лев Николаевич, — произнес наконец он охрипшим голосом. — Был в 20-е годы в махновской повстанческой армии заместителем начальника штаба по разведке. Явился с повинной.

— Чем вызван ваш нелегальный переход границы с оружием в руках спустя четыре года после разгрома махновской банды?

— Тоска но родному краю была настолько сильной, что хотел даже покончить жизнь самоубийством, но решил добровольно предстать перед Советской властью.

— Но вы могли вернуться и официальным путем, через консульство.

— Когда я советовался с Махно, он высказался против моего возвращения, пригрозил расстрелом. Установил слежку, пришлось ночью бежать из лагеря. Чтобы запутать следы, вначале отправился в Польшу, а уже затем сюда.

Такова была история перехода махновского палача. Его руки были обагрены кровью многих невинных жертв. Но Советская власть, учитывая чистосердечное раскаяние Л. Задова, решила ограничиться лишь условным тюремным заключением. Но он и его брат Даниил не оценили этого. Спустя два года они связались с контрреволюционерами, совершили новое тяжкое преступление. После этого суд приговорил их к исключительной мере наказания.

За годы чекистской деятельности мне приходилось не раз рука об руку работать с пограничниками. Хорошо запомнилась одна операция по задержанию иностранных агентов, проведенная

начальником отделения Н. В. Сарсковым вместе с воинами 25-го погранотряда в Молдавии. Тогда государственная граница проходила по реке Днестр.

Чекисты, ведя «игру», установили конспиративную связь с одной из зарубежных контрреволюционных организаций, так называемым «русским объединением военнослужащих» активного ее члена, полковника царской армии, бывшего помещика Саратовской губернии.

Его-то и поджидали на поросшем кустами берегу Днестра.

Прошла первая ночь, вторая. Наступила третья. На этот раз небо заволокло тучами, начал моросить осенний дождик. Время перевалило далеко за полночь, когда мы услышали негромкие всплески весел. Три тени неожиданно возникли у старого полуразрушенного рыбацкого мостика. Гребец тут же отогнал лодку в камыши.

Один из них, подойдя к лежавшему невдалеке от кромки воды плоскому камню, достал из-под него пакет. Как потом оказалось, в нем были паспорта и удостоверения личности на имя служащих плодоовощетреста.

Напряжение нарастало. Служебная собака, лежавшая с нами, навострила уши, готовая по первой же команде броситься на гостей из-за кордона. Но замысел операции был другой. Темные фигуры в брезентовых плащах, с низко надвинутыми капюшонами, пройдя мимо нас, углубились в лежавший на их пути овраг. Там их и поджидала группа захвата. Чекисты и пограничники в короткой яростной схватке обезоружили лазутчиков.

На румынском берегу считали, что переход границы прошел удачно…

При обыске у задержанных изъяли оружие. В одежде полковника обнаружили несколько ампул сильнодействующего яда, предназначенного для диверсий.

В ходе дознания была выявлена небезынтересная деталь. При подготовке к переходу границы полковник, желая укрепить себя духовно, посетил в селе Кицканы монастырь. По его просьбе священник отслужил молебен за успех предстоящего тайного мероприятия против большевиков и освятил оружие, в том числе предназначенный для убийства мирных жителей яд.

Но врагу-фанатику ничего не помогло, задуманный кровавый план провалился. Чекисты — участники операции — по приказу председателя ОГПУ были награждены ценными подарками.

С тех пор прошли годы, десятилетия. На мою долю и долю моих соратников по чекистской работе выпало немало сложных дел и трудных испытаний. Мы с честью прошли войну, внесли

частицу и своего ратного труда в Великую Победу над гитлеровской Германией. В те огненные дни, выполняя специальные задания, обезвреживали фашистских шпионов и диверсантов, добывали важные сведения о противнике, рискуя жизнью, проникали в стан врага, в его разведывательные органы, активно участвовали в боевых операциях партизанских отрядов.

Во время Великой Отечественной войны я был начальником оперативного подразделения Краснодарского краевого управления НКВД, на фронте руководил специальной разведгруппой 18-й, затем 56-й и 47-й армий.

После войны мне довелось принимать участие во многих чекистско-войсковых операциях по ликвидации националистического подполья и вооруженных оуновских банд в западных областях Украины, в том числе и на Львовщине.

Вспоминаются теперь уже далекие 1945–1946 годы. К тому времени основные военные формирования, крупные банды ОУН—УПА были разгромлены, но не добиты. Борьба, подчас ожесточенная, продолжалась.

Старые, и особенно молодые «кадры», разуверившиеся в авантюристической политике «проводников», а также под влиянием известного обращения правительства Украинской ССР, — приходили с повинной, сдавали оружие и, оформив юридически реабилитацию, приступали к мирному полезному труду.

Оуновская СБ (служба безопасности) жестоко мстила им за «зраду самостийной Украине». Но и СБ крепко доставалось от тех, кто уже не желал проливать невинную кровь. Зная псевдо своих бывших главарей, места явок, схронов, тайных складов оружия, они помогали чекистам наносить ощутимые удары по волчьим логовам, открыто став грозой для бандитов.

Свободнее почувствовали себя селяне, смелее начали вступать в создаваемые колхозы. Примером этого явилось село Трудовач на Львовщине, в котором была создана комсомольская организация из сельской молодежи, насчитывающая в своих рядах девятнадцать юношей и девушек. Отважные комсомольцы смело вели борьбу против жестоких врагов, призывали односельчан вступить в коллективное хозяйство. Шесть юных бойцов Трудовача отдали свои жизни в битве за становление новой, свободной жизни в родном селе.

Верховоды ОУН, бессильные остановить все более возрастающее политическое влияние партийных и советских органов на население, а также процесс разложения и распада националистических низовых организаций на местах, давали указание самыми жестокими способами и методами срывать все

мероприятия советских органов и прежде всего коллективизацию.

Закордонный — центральный провод ОУН, узнав о начавшейся подготовке в западных областях к выборам депутатов в Верховный Совет СССР, дал директиву всеми мерами сорвать это важнейшее государственное мероприятие, не допустить местное население на избирательные участки. В директиве предписывалось: тех, кто активно участвует в кампании, считать «зрадныками», запугивать, избивать, терроризировать, поджигать избирательные участки, убивать кандидатов в депутаты и т. д.

Помню, бандиты дважды пытались напасть на избирательный участок в селе Добринивка, но оба раза их попытки были присечены чекистско-оперативной группой, которой руководил я. Чтобы запугать жителей села, они установили пулемет на горе и вечером, накануне дня выборов, открыли огонь по помещению избирательного участка. Оперативная группа, зайдя с тыла, выбила банду из этой засады. Два бандита были убиты, остальные скрылись в лесу.

Утром в воскресенье голосование проходило нормально. Крестьяне, пожилые и молодые, еще до начала церковного богослужения, куда они направлялись, заходили на избирательный участок и опускали бюллетени в урны. День прошел без происшествий. Очевидно, бандиты извлекли урок из сражений с нами и решили больше не рисковать.

Но рано утром следующего дня, когда я с двумя солдатами возвращался на автомобиле из села Добринивка, везя с собой урны с бюллетенями, нам преградил путь завал из срубленных деревьев. Я понял, что бандиты устроили засаду вблизи завала и ждут нас. Мы первые открыли по ним огонь и бросили несколько гранат. Раздались выстрелы убегавших оуновцев. Мы убрали деревья с дороги и без потерь добрались до райцентра.

Прибыв в Рогатин, мы в присутствии секретаря райкома партии Козюберды передали счетной комиссии запечатанную урну с бюллетенями избирателей, проголосовавших за кандидатов в депутаты.

…В 1946 году центральный провод ОУН усиленно засылал в западные области Украины, в том числе и Львовскую, своих «проводников», требуя от них сбора разведывательных данных, вменяя им в обязанность поддерживать связь с краевым проводом и местными организациями, руководить подрывной деятельностью.

Их обезвреживанием занимался заместитель начальника Львовского областного управления МГБ полковник Козлов. Мне нередко приходилось бывать с ним на операциях. Расскажу об одной из них.

Однажды стало известно, что два члена краевого провода «Буг-2» по кличке Ярема и Вилюс с личной охраной уже двое суток находятся на территории Бобркского и Глинянского районов. С ними был и представитель из-за кордона. В связи с тем, что дороги замело, пришельцы находятся не в схронах, а в хатах. Кроме того, стало известно, что оба проводника и боевики СБ одеты в форму офицеров Советской Армии.

Полковник Козлов вместе со мной наметил план операции с привлечением опытных оперативных работников: капитанов Бельченко, Замихловского, старшего лейтенанта Белянского.

Вечером наша чекистско-войсковая группа под руководством полковника Козлова, с трудом преодолевая глубокие сугробы, добралась до села. Оставив машины в лесу, мы двинулись к тем хатам, в которых вероятнее всего могли находиться бандиты.

Я с командиром взвода и бойцами, зайдя на одно подворье, осмотрел амбар, коровник. И тут неожиданно появился молодой, шустрый ястребок — связной, прибежавший с места засады группы Козлова. Он сообщил о том, что две крупные фигуры, то есть члены краевого провода, которых должен был брать Козлов, перешли накануне нашего прибытия в другую хату, ту, возле которой мы сейчас находимся.

Мы быстро окружили дом. Лишь только залегли, как послышался негромкий разговор и из хаты вышло двое бандитов. Постояв несколько минут, они подождали еще троих, а потом все вместе направились к конюшне и начали седлать лошадей. В эту же минуту я, сняв кольцо с гранаты, встал во весь рост и громко приказал бандитам:

— Сдавайтесь, гады, или бросаю гранату.

Один из них, успевший вскочить на коня, выстрелил из обреза в нашу сторону. И тогда я бросил гранату. Испуганно заржали кони, вырываясь из рук бандитов, среди которых поднялась паника. Они открыли беспорядочную стрельбу и бросились в разные стороны. Но вырваться из нашего окружения им не удалось.

Среди убитых оказались члены краевого провода по кличке Ярема и Вилюс в форме советских офицеров, с орденами и медалями на гимнастерках. При обыске были изъяты автоматы, пистолеты, гранаты, боеприпасы, листовки. Кроме того, оуновская переписка, представляющая оперативный интерес.

Тщательное изучение документов помогло установить место укрытия референта пропаганды краевого провода ОУН и связных закордонного провода. По возвращении с операции я получил задание от полковника Козлова заняться новым делом. И снова началась нелегкая работа…

Закончил я свою долголетнюю службу в должности заместителя начальника оперативного отдела областного Управления МГБ в рядах доблестных львовских чекистов, с которыми дружу и поныне.

Тюфяков Иван
ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Человеком из легенды называют отважного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Подвиги, совершенные им в годы Великой Отечественной войны, яркой страницей вошли в историю борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Действуя в составе знаменитого партизанского отряда «Победители», которым командовал Дмитрий Николаевич Медведев, доблестный разведчик проявил исключительное мужество, находчивость и отвагу, осуществляя дерзкие операции в оккупированных гитлеровцами городах Львове и Ровно.

Николай Иванович прожил короткую, но яркую жизнь, ставшую примером беззаветного служения Отчизне для молодого поколения.

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка теперешнего Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье Ивана Павловича и Анны Петровны Кузнецовых.

Родители нарекли сына Никанором и ласково называли его Ника, Никоша. Однако это имя с детства не нравилось мальчику, и он стал называть себя Николаем, а впоследствии официально сменил его.

В семье Ника был третьим ребенком после сестер Агафьи и Лидии. Рос он крепким, смышленым мальчиком. С помощью старшей сестры рано выучился читать и писать.

Учиться Кузнецов начал в родной Зырянке, а в 1922–1924 годах продолжал учебу в Балаирской школе, находившейся в нескольких километрах от дома. Семилетку же ему пришлось кончать в Талице. Здесь впервые обнаружились его незаурядные способности к иностранным языкам.

Узнав, что в Талице живут бывшие военнопленные немцы, осевшие на Урале со времен первой империалистической войны, Николай познакомился с ними, часто встречался и разговаривал по-немецки, совершенствуясь в живой разговорной речи.

Окончив школу-семилетку, Николай поступил на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума. Этот год для юноши был знаменателен тем, что его приняли кандидатом в члены комсомола.

Летом 1927 года неожиданно умер отец. Николай, как единственный мужчина в семье, бросает учебу и взваливает на себя хозяйственные заботы. Он решает остаться в деревне, но вскоре, по настоянию матери, поступает в Талицкий лесной, ныне лесотехнический, техникум.

В конце 20-х годов началась индустриализация страны, перестройка деревни на социалистический лад. Кузнецов вместе с другими комсомольцами едет в деревню, агитирует крестьян вступать в колхозы…

Самой большой страстью Кузнецова становятся книги. С ними он был неразлучен, читал запоем, используя каждую свободную минуту. Особенно его увлекла литература о героических подвигах русского народа. Любил произведения Пушкина, Лермонтова, Максима Горького.

Трудовая биография Кузнецова началась в городе Кудымкаре Коми-Пермяцкого автономного округа, где с апреля 1930 года Николай работал помощником таксатора по устройству лесов в окружном земельном управлении. Он руководил группой лесоустроителей, которые прокладывали таксационные визиры, определяя запасы леса, прорубали просеки, отводили делянки

для рубки, составляли геодезические планы. Молодой техник вместе с лесоустроителями исколесил весь таежный край. Здесь будущий разведчик впервые познал трудности походной жизни, научился беречь огонь костра и тепло человеческой дружбы.

Николай зарекомендовал себя неутомимым комсомольским активистом. Выезжал с бригадами в деревни, помогал крестьянам создавать колхозы, участвовал в раскулачивании деревенских богатеев, был уполномоченным Кудымкарского райкома и окружкома комсомола по обмену комсомольских билетов, руководил кружком политграмоты, часто выступал на собраниях. Когда Кузнецов жил в Кудымкаре, многие поражались тому, как свободно он разговаривал с коми-пермяками на их родном языке.

В 1932 году, во время отпуска, Николай успешно сдал экзамены и поступил на заочное отделение Уральского индустриального института. Через два года он переезжает в Свердловск, где работает статистиком треста «Свердлес». В то же время Кузнецов переводится с заочного отделения на вечернее и поступает на курсы немецкого языка. В мае 1935 года стал работать на «Уралмаше» расцеховщиком конструкторского отделения.

Работая на заводе, Николай начал заниматься в секции альпинизма. Вместе с товарищами он выезжает на занятия по скалолазанию на Чертово городище около железнодорожной станции Исеть.

Кузнецов отлично стрелял, недаром на лацкане пиджака у него был значок «Ворошиловский стрелок», любил прыгать с парашютной вышки.

ПОДГОТОВКА К РАБОТЕ В ТЫЛУ ВРАГА

Весной 1938 года Н. И. Кузнецов переехал в Москву. Здесь он продолжал совершенствовать свои знания немецкого языка. В его квартире была большая библиотека на немецком языке. Он изучает литературу и искусство, историю, философию и экономику этой страны.

С первых дней Великой Отечественной войны Н. И. Кузнецов рвался на фронт. Вскоре он был зачислен в воздушно-десантные войска. Перед отправкой в действующую армию Кузнецов пишет своему соученику по техникуму Ф. А. Белоусову:

«Москва, 8 июля 1941 года.

Милый Федя!

В этот грозный для нашей любимой Родины час я решил тебе, моему лучшему другу юности, высказать наболевшие мысли. Я еду послезавтра на фронт, назначен на ответственный участок в парашютно-десантные части. Будем выполнять очень ответственное задание нашего командования. Мало шансов на то, что я останусь жив в этой грозной борьбе с ненавистным Гитлером. Ты сам понимаешь, что десанты высаживаются не для прогулки и не дома. Но если суждено умереть, то я до последнего издыхания буду громить всех гадов, посягнувших на святую нашу землю, политую нашим потом и кровью нашего народа. Не бывать по-ихнему, будем уничтожать их, как ядовитых гадов, беспощадно! Пусть память о нашей дружбе будет всегда с тобой, мой друг. Тогда отомсти фашистским гадам за меня, если придется, не давай им пощады. Мой брат Виктор сражается уже на передовой линии, он был в армии в Барановичах, вестей нет, может, погиб, буду мстить и за него. Я полон сознания, что наше дело правое, и мы уничтожим фашистского изверга… Привет всем друзьям.

Твой друг юности Ника».

Однако на фронт Николай Иванович тогда не попал. Командование решило, что человека с такими блестящими знаниями не только немецкого языка, но и Германии, да еще с типично «арийской» внешностью использовать в обычном парашютно-десантном подразделении просто нецелесообразно.

Весной 1942 года стал формироваться партизанский отряд «Победители» для разведки в глубоком тылу противника. Во главе отряда были поставлены испытанные коммунисты, прошедшие огонь гражданской войны, Дмитрий Николаевич Медведев и Сергей Трофимович Стехов.

Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев родился 22 августа 1898 года в городе Бежица на Брянщине. С детства познал он нужду и тяжелый труд. Юношей вступил в Красную гвардию, сражался на фронтах гражданской войны. В 1920 году Медведев стал членом РКП (б) и в этом же году начал служить во Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Медведев обладал огромным опытом чекистской работы, знанием человеческой психологии, железной волей, был отважен и находчив.

В августе 1941 года Д. Н. Медведев с группой москвичей-добровольцев совершил рейд по тылам врага в Брянские леса. Группа разрослась в партизанский отряд и в течение четырех месяцев успешно громила фашистов. По возвращении в Москву Д. Н. Медведев был награжден орденом Ленина и вскоре получил новое задание — выйти с отрядом в глубокий тыл противника на

территорию Западной Украины.

Комиссаром отряда был назначен С. Т. Стехов, такой же опытный и бесстрашный боец партии.

В состав «Победителей» включили и разведчика, который под видом немецкого офицера должен был находиться среди оккупантов, вести разведывательную работу. Согласно легенде Николай Иванович взял себе имя Пауля Зиберта, уроженца Восточной Пруссии.

Началась интенсивная подготовка. Одного знания немецкого языка было, конечно, мало. Кузнецову пришлось досконально изучить структуру и уставы германского вермахта, усвоить манеры и нравы немецкого офицера. Для этого Николай Иванович, одетый в форму военнослужащего вермахта, подолгу находился среди военнопленных, беседовал с ними.

Перед отправкой во вражеский тыл Николай Иванович написал письмо брату Виктору:

«…В ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете… Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно…

И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы.

Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона…

Твой брат Николай».

В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ «ПОБЕДИТЕЛИ»

Местом действия партизанского отряда «Победители» была выбрана Ровенская область. Центр ее — город Ровно — фашисты превратили в столицу оккупированной Украины. Здесь разместились рейхскомиссариат во главе с наместником Гитлера Эрихом Кохом, верховный суд, десятки военных штабов.

В двенадцати километрах от Ровно находился крупный железнодорожный узел — Здолбунов. Он приобрел для гитлеровцев важное значение, как главная транспортная артерия, по которой осуществлялось снабжение фашистской армии на Восточном фронте. Партизанам предстояло прочно обосноваться в лесах Ровенщины.

В мае — июне 1942 года с подмосковного аэродрома транспортными самолетами были переброшены в тыл врага бойцы отряда «Победители». Десантники высаживались далеко от Ровно, в районе станции Толстый Лес Юго-Западной железной дороги, на территории Чернобыльского района Киевской области, а отсюда уже пешком пробирались в Сарненские леса.

Трудным был для партизан этот переход! В книге «Сильные духом» Д. Н. Медведев вспоминал: «Мы шли по ночам, а днем отдыхали, располагаясь прямо на земле. Мы мокли в болотах и под проливными дождями. Не давали покоя комары. Не было ни хлеба, ни картофеля, и, бывало, сутками шли голодные. В хутора и деревни заходили только разведчики, и то с большой осторожностью, чтобы не выдать движения отряда.

Мы шли с препятствиями, какие только мыслимы, и поэтому двести километров по карте фактически превратились для нас в пятьсот…

Особенно тяжело приходилось раненым, каждый бугорок, каждая коряга, оказавшаяся под колесами повозок, отзывались острой болью…»

К этому надо добавить, что на пути следования партизан им не раз приходилось вступать в бой с карательными отрядами немцев…

В отряд к Медведеву Кузнецов был заброшен 25 августа 1942 года. В целях конспирации бойцам отряда он был представлен как Грачев Николай Васильевич. Первое время пребывания в лесу Кузнецов продолжал усиленно готовиться к той трудной и сложной роли, которую ему предстояло сыграть в Ровно. Вот что рассказал об этом периоде С. Т. Стехов:

«В отряде Николай Иванович быстро научился разговаривать на польском и украинском языках. В своих действиях Кузнецов всегда был исключительно собранным, все проверял. Поражала его способность внутренне сосредоточиваться, не упускать ничего из происходящего вокруг. Часто один уходил в лес. На вопрос, зачем он это делает, Кузнецов отвечал, что в лесу, наедине, он мысленно представляет все возможные ситуации, которые могут возникнуть при общении с немцами в городе, и тут же ищет на них ответ…

В быту он с немецкой пунктуальностью следил за своим внешним видом: всегда был аккуратным, подтянутым. Ходил легко и стройно. При себе имел изящный несессер с набором всех необходимых принадлежностей для утреннего туалета».

Когда Кузнецов решил, что уже готов к выходу в город, неожиданно обнаружилось одно непредвиденное обстоятельство: во сне он иногда разговаривал, и, конечно, по-русски. Это могло выдать его. Перед разведчиком встала новая нелегкая задача — заставить себя и во сне думать и разговапивать по-немецки. Для этого Николай Иванович приказал дежурным ночью будить его через каждые 20–30 минут, чтобы приучиться глубоко не засыпать.

В конце октября 1942 года Кузнецов в форме немецкого офицера впервые появился на улицах Ровно с документами на имя Пауля Вильгельма Зиберта, обер-лейтенанта 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии, заслуженного фронтовика, кавалера двух орденов Железного креста. После госпиталя он получил отпуск с передовой и был временно направлен чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта (сокращенно «Викдо»). Такая должность освобождала Зиберта от регистрации в каком-либо учреждении или воинской части, расквартированной в Ровно, позволяла разведчику, не навлекая на себя подозрений, бывать в городе наездами.

После первых ознакомительных визитов Кузнецов все чаще стал наведываться в Ровно. Для успешного ведения разведывательной работы ему необходимо было проникнуть в круги высшей военной администрации, завести знакомства с высокопоставленными гитлеровцами.

Николай Иванович как-то по-особому умел слушать собеседников, покорял их общительностью, вызывал на откровенность и, ни о чем не расспрашивая, узнавал о многом. В разговоре с офицерами он никогда не интересовался служебными делами. Эти неоценимые качества, личное обаяние и щедрость на угощения помогли Зиберту-Кузнецову расположить к себе многих видных гитлеровцев, войти к ним в доверие. И самое главное, ему удалось усыпить бдительность немецких контрразведчиков.

Однако, кроме опасности разоблачения, над ним постоянно висела угроза погибнуть от рук своих же подпольщиков или партизан. Кузнецов говорил: «Идешь по улицам города и видишь, с какой ненавистью смотрят на тебя местные жители. Сколько у них презрения в каждом взгляде! Испытываешь такое чувство,

будто тебе в лицо плюнули. В этот момент хочется подойти к человеку и сказать: товарищ, за что же ты меня ненавидишь, ведь я такой же советский человек, как и ты».

Но сделать этого не мог, не имел права…

В архиве Сергея Трофимовича Стехова хранятся три маленькие фотографии. На них запечатлен Кузнецов в форме немецкого офицера. Интересна история появления этих снимков.

В один из весенних дней 1943 года на конспиративной квартире в Ровно собрались для обсуждения своих дел разведчики Николай Кузнецов, Михаил Шевчук и Николай Гнидюк. Неожиданно к хозяину квартиры пришли гости. Один из них — эсэсовец, оказался знакомым и Зиберту-Кузнецову: они встречались на офицерских вечеринках. Поэтому он и Пауль Зиберт обнялись, как старые друзья. Гнидюка и Шевчука Кузнецов представил как «господ коммерсантов», с которыми приятно проводить время. Когда садились за стол, к компании присоединились еще два гостя — сослуживец хозяина по работе в военной пекарне Ян Каминский со своим «другом», немецким журналистом.

Подвыпивший гитлеровец рассыпался в любезностях перед Кузнецовым. И тогда-то предложил запечатлеть приятную встречу.

Журналист установил фотоаппарат на штатив, сделал первый кадр, потом приготовил аппарат для второго и попросил Николая Гнидюка нажать на спуск затвора. Сам же присоединился к группе. Для страховки был сделан и третий кадр, но, видимо, при взводе затвора Гнидюк сбил фокусировку, и негатив получился расплывчатым.

Когда гости ушли, Кузнецов дал хозяину конспиративной квартиры задание: во что бы то ни стало изъять заснятую пленку у журналиста, чтобы она не попала в чужие руки. Вскоре проявленные негативы были ему вручены, а он передал их в отряд.

Разведчики отряда «Победители» не раз проникали в город, изучали обстановку, искали надежных людей. Они также готовили конспиративные квартиры, в том числе и для Кузнецова. Первыми к выполнению этого задания приступили Николай Тарасович Приходько, Николай Владимирович Струтинский, Николай Акимович Гнидюк, Михаил Макарович Шевчук.

Вначале они действовали самостоятельно, но со временем стали ближайшими помощниками и боевыми сподвижниками Н. И. Кузнецова. Они всегда были рядом с ним, вместе делили опасность, риск и невероятное напряжение в работе.

Отряд Медведева располагался в лесу, в 100–120 километрах от Ровно. Такая удаленность от города создавала большие трудности для разведчиков и особенно для связных. Поэтому были организованы промежуточные базы, или, как их называли, «маяки». Места для них выбирались подальше от посторонних глаз — на глухих хуторах, а летом — в лесных чащах, но всегда поблизости от шоссейных дорог. Здесь круглосуточно дежурили партизаны по 20–25 человек, поддерживающие связь с отрядом и с разведчиками, которые находились в городе. Главными смотрителями «маяков» назначались опытные партизаны-разведчики, такие как Валентин Семенов, Владимир Ступин, Борис Сухенко, Всеволод Попков, Борис Черный.

Когда разведчики возвращались из Ровно в отряд, на «маяке» их обязательно встречала группа охраны и сопровождала до самого лагеря, чтобы в пути следования оградить от нежелательных встреч с немцами или националистическими бандами. Точно так же, с охраной до «маяка», возвращались они обратно в город.

Первое время специально для Кузнецова на «маяках» содержались несколько хороших лошадей, на которых Николай Иванович в немецкой форме отправлялся в город. За кучера чаще других был Николай Приходько. Позже в распоряжение Кузнецова были предоставлены мотоцикл и автомобиль.

«Маяки» одновременно были и пунктами связи. Каждому уходящему на задание назначался свой «почтовый ящик», расположенный поодаль от «маяка». По возвращении с задания разведчик прятал донесение в свой «почтовый ящик» и тут же находил для себя сообщение из отряда.

Первый «маяк» под Ровно на хуторе Леоновка организовали Владимир Степанович Струтинский и Николай Иванович Кузнецов. Это было в конце октября 1942 года, во время первого выезда Кузнецова в Ровно. Здесь жила родная сестра В. С. Струтинского. Ее неприметный домик стал надежным убежищем для разведчика. Из Леоновки Николай Иванович не раз отправлялся в город.

В архиве Дмитрия Николаевича Медведева есть небольшая пожелтевшая фотография, на оборотной стороне которой сделана надпись: «Комиссар Стехов прощается с радистом В. Орловым перед отправкой на боевую операцию. Осенью 1942 года».

Виктор Михайлович Орлов, после войны работавший мастером на металлургическом заводе в городе Лысьве Пермской области, рассказал, что в 1942 году, окончив специальные курсы по переподготовке радистов, он попал в партизанский отряд

«Победители».

«К началу нового, 1943 года, — вспоминал Виктор Михаилович, — партизанские разведчики прочно обосновались в Ровно. Зиберт-Кузнецов завел обширные знакомства среди немецких офицеров. Все шло хорошо, но первое время не имелось оперативной связи с отрядом. Он находился далеко от города, и это затрудняло доставку разведданных. Срочные материалы запаздывали и теряли свою ценность.

Хорошо помню, как вызвал меня к себе в штаб Медведев и сказал: „Товарищ Орлов, вы направляетесь на выполнение особо важного задания, связанного с большим риском, требующего от вас выдержки и спокойствия. Назначаетесь в распоряжение Николая Ивановича Кузнецова. Готовность — немедленная“.

С Лидией Васильевной Шерстневой, нашей старшей радисткой, мы быстро разработали код и шифр для двусторонней связи. Переодетый в форму полицая, с документами, подписанными каким-то комендантом Зурно и заверенными фашистской печатью, которая была изготовлена в отряде, в сопровождении связных Сергея Рощина и Николая Киселева я прибыл на „маяк“, находившийся на Кудринских хуторах. Здесь базировалась группа из 25 партизан. С ними был и Кузнецов. Все были рады: прибыли люди из отряда! Начались расспросы о жизни в лагере, последних сводках Совинформбюро, положении на фронтах.

Накануне моего приезда небольшой отряд партизан, переодетых в форму полицаев, под командованием Зиберта-Кузнецова провел дерзкую операцию. Двигаясь по тракту на санях, партизаны подбили две встречные автомашины и захватили гитлеровцев, возвращавшихся после секретного совещания из Киева в Ровно. Среди пленных оказались советник военного управления связи рейхскомиссариата майор фон Райс и начальник отдела рейхскомиссариата зондерфюрер СС граф Гаан.

На „маяке“ меня поместили в доме Вацлава Жигадло. Здесь жили Николай Иванович и половина группы партизан. Остальные квартировали в другой хате, недалеко от нас. Там же содержали и пленных фашистов. Обе хаты круглосуточно охранялись. Днем партизаны не показывались. На задания уходили и приходили только на рассвете или вечером, с наступлением темноты.

Взяв с собой рацию, я отправился с Кузнецовым на допрос пленных. Кузнецов допрашивал каждого в отдельности. Вел себя спокойно, но был весьма настойчив.

Райс сидел за столом, перед ним лежали бумага и карандаш. Кузнецов расхаживал по комнате, все время задавая вопросы, заходя то слева, то справа от фашиста. Если Райс по ходу допроса

начинал давать ценные сведения, Кузнецов просто кивал ему на карандаш и бумагу, предлагая записать сказанное, а если тот медлил, то сам брал со стола карандаш, подавал в руки фашисту, придвигал поближе бумагу и пристально вглядывался ему в глаза. Райс не выдерживал и начинал писать.

Гаан первое время вообще не хотел отвечать на вопросы, называл обер-лейтенанта изменником и предателем. Но потом и он заговорил. После каждого вопроса Кузнецов сосредоточенно обдумывал, обобщал материал, переписывал и отдавал мне для шифровки и передачи в отряд.

Допрос продолжался пять дней. Было получено много ценных сведений, удалось расшифровать захваченные в портфеле Райса карты дорог оккупированной гитлеровцами Украины и сведения о подземном бронированном кабеле, проложенном немцами в 1942 году в полевую ставку Гитлера в лесу возле села Коло-Михайловское под Винницей.

При допросе Раиса Кузнецов не упустил случая прощупать почву относительно моей будущей работы в городе. Как бы невзначай он сказал, что в Ровно уже заброшены и работают советские радисты. Райе отвечал, что этому трудно поверить: ведь у немцев отлично поставлена пеленгационная служба. Это заявление советника связи для нас было весьма своевременным, поскольку нам с Кузнецовым только еще предстояло отправиться в Ровно.

Через несколько дней от кудринского „маяка“ отъехали запряженные парой гнедых рысаков сани. В них на дорогом ковре чинно восседал Пауль Зиберт, рядом с ним — в добротных пальто Николай Струтинский, Михаил Шевчук и Николай Гнидюк. За кучера был Николай Приходько, возле которого сидел я в форме полицая. Путь лежал в город Здолбунов.

Ехали молча. Каждый был занят своими мыслями…

В Здолбунов добрались на рассвете. На квартире у подпольщика Михаила Шмереги разгрузили взрывчатку, боеприпасы. Кузнецов помог мне снять рацию. Струтинский и Гнидюк сразу же разными дорогами отправились в Ровно, а Приходько и Шевчука Николай Иванович послал в соседнее село обменять сани на бричку.

На дворе — оттепель, по городу на санях не проехать. Пока партизаны доставали бричку, Кузнецов, побеседовав со здолбуновскими подпольщиками, составил радиограмму, которую я тут же передал в отряд.

Ночью на бричке выехали в Ровно. При въезде в город нас остановил жандармский патруль. Зиберт первым предъявил свой „зольдбух“, и мы благополучно проследовали дальше.

Под сиденьем в чемоданах у нас находилась рация, везли мы и оружие.

Остановились на улице Франко, у дома № 6. Мы с Николаем Приходько стали выгружать увесистые „офицерские“ чемоданы. Квартира находилась на втором этаже, и со двора к ней вела открытая крутая лестница с перилами с одной стороны. Поднимаясь по лестнице с чемоданами, я споткнулся о ступеньку и едва не упал. Зиберт набросился на меня с ругательствами. Потом в квартире, помогая мне разбирать чемоданы, словно извиняясь, Николай Иванович сказал: „Здорово я тебя там на лестнице отчитал? Но так надо было: во дворе стояли чужие люди“.

Я в шутку ответил, что за такое можно было бы дать и подзатыльник — ведь чуть не угробил радиостанцию. В тот же день связался с отрядом. Позднее провел еще несколько радиосеансов.

Вскоре обстановка в городе резко осложнилась. Начались облавы, проверка документов на улицах и по квартирам. Видимо, сработал немецкий пеленгатор. Чтобы спасти явку, Кузнецов приказал уходить из города. На той же бричке все шесть человек отправились на свой „маяк“. Дороги были уже перекрыты и контролировались жандармами, поэтому нам пришлось выбираться по оврагам и закоулкам, известным только двоим — Струтинскому и Приходько.

На „маяке“ был получен приказ: всем партизанам во главе с Кузнецовым возвратиться в лагерь.

Первого марта 1943 года наша группа покинула Кудринские хутора. Ехали весь день. К вечеру достигли реки Случь. На другом берегу, в селе Хотынь, на нас неожиданно напали националисты, завязался бой. Партизаны разгромили предателей. Рано утром второго марта мы прибыли в партизанский лагерь, приведя с собой пленных».

РАЗВЕДЧИКИ В РОВНО

В начале 1943 года из села Виры Сарненского района в отряд Медведева пришла хрупкая, застенчивая девятнадцатилетняя девушка Валя Довгер, служившая счетоводом на мельнице. Ее отец, Константин Ефимович Довгер, по национальности белорус, был лесничим и поддерживал связь с партизанами.

В марте 1943 года он ехал в Сарны с очередным поручением отряда, по дороге его схватили украинские буржуазные националисты-бандеровцы. После трагической гибели отца Валя

рвалась к активным действиям, требовала дать ей оружие.

Спустя несколько недель после прихода Вали в отряд Медведев познакомил ее с Кузнецовым. Встреча состоялась в штабной землянке. Тогда и решили, что Валя, свободно владевшая польским и несколько хуже немецким языками, будет направлена в Ровно помощницей Кузнецова. В начале апреля в сопровождении Николая Гнидюка она отправилась в город.

В Ровно юной разведчице надо было найти квартиру и, прописавшись, устроиться на какую-нибудь работу, чтобы Пауль Зиберт под видом ухаживания за молодой, интересной «немецкой» фрейлейн смог бы встречаться с ней.

В городе у Вали возникла трудность с устройством на службу. Чтобы получить работу, требовалось удостоверение фольксдойче, то есть местного жителя немецкой национальности, которые пользовались у оккупантов привилегиями, в том числе и при устройстве на работу. Согласно легенде Валя считалась дочерью немца, погибшего от рук партизан. Документы отца, естественно, не сохранились. Восстановить ее принадлежность к фольксдойче в Ровно мог только сам рейхскомиссар оккупированной Украины Эрих Кох, да и то лишь по свидетельским показаниям. Это обстоятельство решил использовать Кузнецов.

Дело в том, что советские разведчики, действовавшие в Ровно, в том числе и Кузнецов, кроме других заданий имели еще одно — ликвидировать Коха.

В своих воспоминаниях Валентина Константиновна Довгер рассказывает:

«20 апреля 1943 года, когда фашисты готовились к своему сборищу по случаю дня рождения фюрера, ровенская группа разведчиков намеревалась совершить акт возмездия над Кохом. В проведении этой операции мне предстояло вместе с Николаем Ивановичем, как офицером армии „великого рейха“, подойти как можно ближе к трибуне. Где-то рядом с нами, в толпе, будут находиться боевые друзья Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Жорж Струтинский и другие.

К сожалению, в этот день Кох не появился в Ровно. Мы возвращались с Николаем Ивановичем домой, шли по улицам города, и вдруг я почувствовала чей-то пристальный взгляд. Оглянувшись, увидела пожилую женщину. Я содрогнулась от ее взгляда, полного ненависти. Поравнявшись с нами, женщина продолжала с ненавистью смотреть на Николая Ивановича и на меня. Не думая о последствиях, она сказала: „И как вас только земля носит! Провалились бы вы здесь на месте!“

Затем она плюнула в нашу сторону и пошла дальше. Николай Иванович больно сжал мою руку. Он боялся, что я побегу и скажу

ей: „Бабушка, милая, мы не те, за кого вы нас принимаете!“ Но уже дома, на конспиративной квартире, я не могла сдерживать себя, разрыдалась, и Николаю Ивановичу пришлось меня успокаивать.

Он говорил: „Не волнуйся, Валюша, не переживай. Это очень хорошо, что нас принимают за тех, за кого мы себя выдаем, значит, мы вне подозрения“.

Николай Иванович был человеком необычайного мужества, огромной силы воли. Как никто другой, он обладал драгоценным даром не теряться ни в какой ситуации, мгновенно принимать правильное решение. Вспоминается такой эпизод: однажды у нас в доме мы попали в облаву фельджандармерии. Эти „цепные псы“ с большими металлическими бляхами на груди наводили ужас на каждого. Тем более, что до этого Пауль Зиберт серьезной проверке еще не подвергался, и ему грозила опасность.

Впервые за время нашего знакомства я заметила, что он взволнован не на шутку. Но хладнокровие не изменило ему и на этот раз. Он снял френч и повесил его на стул так, чтобы от дверей были видны его регалии. Сам развалился на диване. Пистолет и гранату положил рядом с собой под подушку. Как только жандармы открыли дверь в нашу комнату, Пауль Зиберт вскочил на ноги и обрушил на них поток отборной солдатской брани за то, что они посмели ворваться в комнату, где отдыхает офицер-фронтовик. Это была настоящая, четко рассчитанная психологическая атака.

Жандармы пробормотали в свое оправдание что-то невнятное и, даже не потребовав документов, ушли в следующий дом».

Как уже говорилось, для проникновения в рейхскомиссариат с целью ликвидации Коха Кузнецов решил использовать процедуру получения Валентиной Довгер удостоверения фольксдойче. Вдвоем под видом жениха и невесты они должны были попасть на прием к Коху и расстрелять наместника в его собственной резиденции.

…Получив на проходной пропуска, заранее выписанные адъютантом, Кузнецов и Довгер прошли в приемную Коха. Но тут случилось непредвиденное.

Разведчики рассчитывали, что на прием к рейхскомиссару они пойдут вместе. Однако Валю вызвали одну.

В большой комнате за массивным столом в военной форме сидел Кох. Вале предложили сесть на стул, стоявший посреди комнаты. За спинкой стула встал эсэсовец, ранее сидевший за круглым столиком у окна. На полу перед стулом, на котором сидела Довгер, лежала огромная овчарка. Прочитав заявление, Кох стал сердито уточнять некоторые данные: разговаривал он то

на немецком, то на польском языке, которым владел в совершенстве.

После аудиенции Вали в кабинет по приглашению адъютанта вошел Кузнецов.

Его сразу же усадили на стул. Кох с бранью обрушился на обер-лейтенанта, выразил недовольство тем, что офицер немецкой армии хлопочет о какой-то местной девушке сомнительного, неарийского происхождения. Кузнецов почтительно возразил:

— Фрейлейн Довгер — фольксдойче, господин рейхскомиссар. Ее отец — немец, человек, преданный фюреру и великой Германии. Он убит партизанами.

Говоря это, Кузнецов протянул руку к карману брюк, где лежал пистолет. Грозно зарычала овчарка, и он увидел оскаленную пасть собаки, готовой к прыжку. Эсэсовцы насторожились.

Изображая смущение, Кузнецов признался Коху, что с фрейлейн Довгер они помолвлены и он собирается на ней жениться.

— Прошу вас, господин рейхскомиссар, учесть исключительные обстоятельства и удовлетворить просьбу фрейлейн.

Время приема истекало. Отвечая на вопросы Коха, Кузнецов мысленно обдумывал все возможные варианты покушения, но пришел к выводу — стрелять нельзя. Даже руку в карман сунуть не дадут — схватят немедленно. На столе у Коха множество кнопок. Это мгновенная сигнализация. На полу тренированный пес. Сзади — эсэсовец. Малейшее движение — смерть.

Кох остался доволен ответами офицера-фронтовика. Взял со стола заявление Довгер и написал: «Оформить документы фольксдойче, устроить на работу в рейхскомиссариате». На прощание посоветовал обер-лейтенанту быстрее закончить дела в Ровно и отправляться в свою часть под Курском. Мол, как раз на этом участке фронта назревают события, которые поставят Россию на колени… Фюрер готовит такой сюрприз большевикам, после которого они уже не опомнятся.

В порыве откровенности Кох выдал военную тайну. Теперь главное состояло в том, чтобы полученные сведения чрезвычайной важности срочно передать советскому командованию.

Результат визита к Коху был большой удачей разведчика. Валентина Довгер по рекомендации самого Коха получила работу непосредственно в логове врага и в дальнейшем добывала ценную информацию.

Летом 1943 года отряд Медведева пополнился еще двумя разведчицами. Лидия Ивановна Лисовская, молодая, стройная блондинка с красивым смуглым лицом и большими серо-голубыми глазами, работала в офицерском казино в Ровно. У нее был большой круг знакомств, особенно среди старшего командного состава. Ей доверяло и гестапо. Вместе с Лидией работала ее двоюродная сестра Мария Микота, или, как ее называла Лисовская, Майя.

На квартире у Лисовской часто собирались офицеры. Приходил сюда и Пауль Зиберт. Остроумный, общительный, он был поистине душой компании.

Вечера у Лисовской всегда проходили весело. Гости приносили с собой вино и закуски. Играли в карты, рассказывали анекдоты, танцевали под патефон. Присутствие красивых женщин, музыка, вино развязывали языки господам офицерам. Чего только не выбалтывали пьяные фашисты! Каждый старался ошеломить других чем-то новым, необычным.

Сестры запоминали все, что говорили немцы в казино и на этих вечеринках. Узнавали ночные пароли и передавали их нашим разведчикам.

…В Ровно направили разведчика Валентина Семенова в форме солдата вспомогательных частей вермахта, создаваемых из военнопленных. В городе он прожил несколько дней. И все время его подстерегала опасность провала. Наконец Семенов получил приказ перебраться на конспиративную квартиру на Грабнике — северо-восточной окраине Ровно, где он должен был встретиться с Кузнецовым. Путь туда лежал через базар. И вот, подходя к рынку, Валентин еще издали увидел немецкого офицера, внимательно разглядывающего прохожих. Семенов, проходя мимо него, четко приветствовал старшего по званию, надеясь, что тот не остановит его. Но гитлеровец властно окликнул Валентина и потребовал документы.

«Вот и попался», — подумал про себя Валентин и протянул офицеру свое удостоверение.

Немец, просматривая документы, еле слышно по-русски сказал:

— На Грабник не ходи, квартира провалена, там засада гестапо. Встретимся вечером у Лисовской…

Валентин спрятал документы в карман, почтительно козырнул и зашагал в обратную сторону.

На квартире у Лисовской Семенов узнал, что Кузнецов, рискуя навлечь на себя подозрение, зная, что Валентин пойдет этой дорогой, около часа поджидал его возле базара, чтобы

перехватить и предупредить о засаде, о которой ему самому стало известно совершенно случайно.

Вскоре Семенов вернулся в отряд.

Во второй половине 1943 года в отряде Медведева решили провести ряд актов возмездия над палачами украинского народа, не ослабляя при этом разведывательной работы. Это было необходимо, чтобы усилить страх и панику среди фашистов, вызванные успешными действиями Советской Армии, не дать им покоя и в глубоком тылу.

Отправляясь на выполнение такого задания, бесстрашный разведчик понимал, что у него очень мало шансов остаться в живых. Перед уходом он составил письмо-завещание. Передавая его замполиту, Кузнецов сказал: «Это так, на всякий случай, сохраните». На конверте было написано: «Майору Стехову — моему другу. Вскрыть после моей гибели».

В письме он написал:

«Завтра исполняется одиннадцать месяцев моего пребывания в тылу врага.

25 августа 1942 года в 24 часа 03 минуты я опустился… на парашюте, чтобы беспощадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа — германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнь, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть они знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти чоего народа патриоты бессмертны.

„Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!“ Это мое любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодежь, в нем я черпал силы для подвига.

Ваш Кузнецов».

Для Кузнецова партизаны достали новый автомобиль, который перекрасили на хуторе. За руль сел разведчик Николай Струтинский, одетый в форму немецкого солдата.

20 сентября 1943 года они появились в Ровно.

Кузнецов и Струтинский должны были совершить акт

возмездия над заместителем Коха генералом Паулем Даргелем. Но произошла ошибка. Убит был не Даргель, а министерский советник финансов генерал Ганс Гель и кассовый референт майор Адольф Винтер, которые только что прибыли из Берлина с чрезвычайными полномочиями.

На месте происшествия жандармы подобрали два трупа, а на мостовой нашли кожаный бумажник. Конечно же, Кузнецов обронил его не случайно. Эта улика должна была послужить и послужила завязкой весьма любопытной комбинации, разработанной нашей разведкой.

Новенький бумажник с маркой известной берлинской галантерейной фирмы партизаны обнаружили при обыске у захваченного незадолго до этого видного эмиссара украинских националистов, только что прибывшего из Германии. В нем находился паспорт с разрешением въезда на оккупированную территорию, членский билет берлинской организации украинских националистов и директива организации (в форме личного письма) своим ответвлениям на Западной Украине.

В отряде бумажник пополнили данными, компрометирующими националистов.

Удар был рассчитан точно. Гестапо, крайне подозрительно относившееся к оуновским главарям, готовым продаться в любой момент кому угодно, попалось на удочку. В местных газетах появились многозначительные намеки, что, хотя покушавшийся и был одет в немецкую форму, на самом деле он принадлежал к числу лиц, не оценивших расположения немецких властей и предавших фюрера. Газеты сообщали далее, что органы безопасности, то есть гестапо и СД, уже напали на след преступника.

Оставленный Кузнецовым след привел гестаповских ищеек именно туда, куда и рассчитывало наше командование. Гитлеровцы схватили тридцать восемь видных националистов, в том числе и несколько сотрудников так называемого всеукраинского гестапо…

Через десять дней разведчики на той же машине, заново перекрашенной и с другими номерами, снова появились в городе.

Когда Даргель с адъютантом щел на обед, машина с разведчиками поровнялась с ними. Кузнецов выскочил из нее и метнул гранату. Оба фашиста упали. Небольшой осколок гранаты попал в левое предплечье Николая Ивановича. Кузнецов быстро вскочил в машину. Началась погоня. До войны Струтинский работал шофером в Ровно. Хорошо знал город и в лабиринте улиц сумел уйти от преследователей.

Вскоре выяснилась еще одна невероятная случайность:

граната взорвалась так удачно для фашиста, что осколки ударили в противоположную от него сторону. Даргель был тяжело ранен и контужен.

В отряде во время рапорта о выполнении задания Медведев увидел у Кузнецова на левой руке кровь, тут же прервал его и направил в санчасть.

«В глубине мышц возле самой плечевой артерии прощупывался острый осколок, — рассказал об этом ранении врач партизанского отряда „Победители“ А. Цессарский. — Малейшее неосторожное движение руки — и артерия может оказаться перерезанной. Кузнецов погибнет от кровотечения у нас на глазах!

— Чем это, Николай Иванович?

— Гранатой.

Он внимательно следил за моими приготовлениями и, когда я вынул шприц и бутылку с новокаином для обезболивания, вдруг воскликнул:

— Что, хотите заморозить?

— Да, нужен разрез, и я хочу обезболить кожу.

Кузнецов энергично покачал головой:

— Ни за что! Режьте так.

— Зачем? У меня же достаточно новокаина.

— Режьте так!

— Будет очень больно…

Кузнецов оставался непреклонен.

— Зачем это вам, Николай Иванович?

— Я должен себя проверить. Если мне придется когда-нибудь испытать такую боль, вытерплю я или нет? Оперируйте, доктор!

И так как каждая минута могла стоить ему жизни, я вынужден был сделать разрез и удалить осколок без обезболивания…»

В октябре 1943 года Кузнецов уничтожил агента гестапо майора Мартина Гителя, а позднее — заместителя Коха по общим вопросам генерала Германа Кнута.

А затем партизаны решили казнить командующего особыми карательными отрядами генерала фон Ильгена.

Через разведчицу Лидию Лисовскую, которая в то время уже служила экономкой у Ильгена, узнали, что генерал обедает дома. Она же сообщила, что оба адъютанта его уехали в Германию.

Дом охраняется одним часовым и денщиком.

Помощниками Кузнецова в этой операции были Николай Струтинский, Ян Каминский и Мечислав Стефанский, одетые в немецкую форму.

15 ноября 1943 года около 16 часов машина с разведчиками

остановилась возле дома № 3 по улице Лермонтова. Партизаны вышли из машины и направились к особняку. Обезоружили часового и денщика. В доме произвели тщательный обыск, забрали документы, оружие.

Вскоре прибыл генерал. В прихожей его встретили разведчики. На предложение сдаться в плен Ильген оказал отчаянное сопротивление. С большим трудом его скрутили и повели к машине. На улице Ильгену удалось освободить одну руку, он вырвал кляп изо рта и закричал. Партизанам удалось вновь связать генерала, но крик о помощи был услышан. К месту происшествия поспешили три немецких офицера. Обстановка до крайности осложнилась, но Кузнецов, как всегда, нашел удивительно точный ход. Втолкнув Ильгена в машину, он пошел навстречу гитлеровцам и на вопрос: «Что здесь происходит?» — заявил: «Я сотрудник службы безопасности… Мы задержали советского террориста, переодетого в немецкую форму. Предъявите ваши документы!» Офицеры послушно протянули свои удостоверения. Кузнецов внимательно рассматривал их, давая время партизанам получше упрятать генерала в машине. Один из подошедших оказался личным шофером Коха. Обращаясь к нему, Кузнецов сказал: «Вы, господин Гранау, поедете со мной свидетелем в гестапо», а его спутникам объявил, что они свободны.

Забрав также часового с денщиком, перегруженная машина на предельной скорости пронеслась по улицам Ровно. Через час они были далеко за городом, на одном из хуторов.

Всю ночь Кузнецов допрашивал генерала Ильгена и шофера Гранау. От них были получены важные сведения.

После похищения генерала Ильгена было решено убрать главного судью оккупированной Украины генерала Альфреда Функа. И сделать это намечалось именно в здании верховного суда. Кузнецов предварительно побывал здесь. Изучил внутреннюю планировку, запоминал все ходы и выходы.

16 ноября 1943 года в городе распространилась новость: убит Альфред Функ, на его смерть в газете был напечатан некролог, подписанный Кохом.

Это был последний акт возмездия в Ровно. После него Кузнецов и Струтинский несколько дней отдыхали на «маяке». Зная, что гитлеровцы ищут офицера в форме обер-лейтенанта, командование отряда «присвоило» Паулю Зиберту очередное звание гауптмана (капитана). Подготовили новые погоны, сделали соответствующие отметки и в документах. По этому поводу Николай Иванович в шутку заметил: «Глядишь, кончу

войну полковником».

Находясь на отдыхе в отряде, Кузнецов как-то сказал: «Если после войны мы будем рассказывать о том, что мы делаем в Ровно, никто, пожалуй, этому не поверит. Да я бы и сам не поверил, если бы не был непосредственным участником этих дел».

26 декабря 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николай Иванович Кузнецов был награжден орденом Ленина.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

После короткого отдыха Кузнецов переехал во Львов, где продолжил разведывательную работу. Через некоторое время шеф львовского гестапо Петер Краузе в рапорте Институту криминалистики и судебной медицины в Кракове докладывал:

«31 января 1944 года около 17 час. 30 мин. во Львове, в доме военно-воздушных сил, на Валовенштрассе, 11-а, был убит подполковник Ганс Петере.

Около 17.00 час. того же дня неизвестный в форме гауптмана без разрешения посетил указанный дом.

Он был задержан охраной дома и доставлен к подполковнику Петерсу. При проверке его командировочного удостоверения мнимый гауптман, который назвал себя Паулем Зибертом, тремя выстрелами в упор застрелил подполковника Петерса и ефрейтора Зайделя и незаметно скрылся.

На месте убийства найдены три гильзы калибра 7,65 мм, которые при этом прилагаются».

В новом рапорте тому же Институту криминалистики и судебной медицины в Кракове Краузе сообщал: «9 февраля 1944 года около 7 час. 45 мин. во Львове, на Лейтенштрассе, еще до сих пор не известной личностью было произведено покушение на вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера. Нападавший, видимо, стрелял из самозарядного пистолета сразу в обоих. Оба, раненные в грудь и живот, сразу скончались…

На месте происшествия найдены две гильзы калибра 7,65…

Возникает подозрение, что неизвестный преступник исполнил своим оружием много других покушений на рейхенемцев и других лиц, которые занимают ответственные посты…»

Советские люди об этом акте возмездия над гитлеровскими палачами узнали из газеты «Правда» от 15 февраля 1944 года, в которой писалось: «По сообщению газеты „Афтенбладет“, на

улице Львова среди белого дня неизвестным, одетым в немецкую форму, были убиты вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнайдер. Убийца не задержан».

Вся полиция и жандармерия Львова были подняты на ноги. Службой безопасности проводились повальные обыски. Кузнецов понимал, что из города надо уходить.

12 февраля 1944 года на рассвете машина с разведчиками группы Кузнецова выехала из города и по Винниковскому шоссе устремилась в сторону линии фронта. Ее остановили на контрольно-пропускном пункте в селе Куровичи. Майор фельджандармерии Кантер потребовал предъявить документы. В ответ Кузнецов выхватил пистолет и застрелил майора. Ян Каминский через открытое окно машины автоматной очередью полоснул по солдатам у шлагбаума.

Двинулись дальше, но вскоре кончился бензин. Разведчикам пришлось бросить машину и скрыться в лесу.

В ночь на 9 марта 1944 года, измученные и голодные, Николай Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов подошли к селу Боратин, где был предусмотрен возможный пункт связи с отрядом. Постучали в хату. Дверь открыла хозяйка. Кузнецов и Каминский вошли в избу. Белов остался караулить у дверей.

Но приход разведчиков в село был замечен бандеровцами. Пользуясь холодным оружием, они бесшумно убили Ивана Белова и ворвались в дом.

В короткой схватке бандеровцам удалось обезоружить застигнутых врасплох партизан. Главарь банды сотник Черниюра опознал в офицере Пауля Зиберта. Окруженный сворой бандитов, Кузнецов понял: это конец. Оставалось одно — не даться живым. Но как?

У Кузнецова была при себе граната, которую он предусмотрительно, как только вошел в комнату, незаметно положил рядом на скамейке и прикрыл лежавшей там тряпкой. Оставалось только схватить ее. Чтобы бандиты не успели помешать, разведчик пошел на хитрость: попросил закурить. Один из бандитов оторвал кусок газеты, насыпал махорки. Кузнецов свернул папироску и, прикуривая от лампы-карбидки, стоявшей на столе, как бы случайно погасил ее. В темноте он быстро схватил гранату.

Из кухни внесли другую лампу. Когда в комнате стало светло, бандиты увидели разведчика с гранатой в поднятой руке. Вытесняя друг друга, они попытались выскочить на двор.

Свидетель тех событий, хозяин дома Степан Голубович, в то время лежал в кровати, притворившись больным. Рядом висела люлька с ребенком. Зная, что в комнате есть дети и боясь убить

их, Кузнецов даже в эти последние секунды своей жизни проявил величайший гуманизм: он отвернулся к стене, крепко прижал к груди гранату и лишь тогда взорвал ее. Поднялась суматоха, раздались крики, стоны. Воспользовавшись замешательством, Ян Каминский бросился к окну с целью выскочить на улицу, но был убит наружной охраной.

На полу хаты, истекая кровью, умирал Николай Кузнецов. Так оборвалась жизнь легендарного разведчика.

Кузнецов умер, как и жил, героем. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Доброхотова Дина
НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Имена многих разведчиков отряда «Победители» стали известны нам с первых послевоенных лет, когда мы, львовские школьники, буквально залпом прочитали, передавая друг другу, только что вышедшие книги Дмитрия Николаевича Медведева «Это было под Ровно», а немного позже «Сильные духом». Героическая борьба советских людей с ненавистным врагом, все описанные события воспринимались нами особенно остро и зримо — слишком близко по времени была еще война, всего три-четыре года отделяли от нее. И нас, старшеклассников, волновало то обстоятельство, что мы могли пройти по тем же местам, где разворачивались описываемые события: до Ровно было совсем недалеко, а здесь, во Львове… В любой день мы могли зайти в местный театр оперы и балета, куда зимой сорок четвертого проник на совещание высших гитлеровских чинов Николай Кузнецов. Могли пройти по тем же улицам, где действовал разведчик, — по Академической (ныне проспект Шевченко),

Ивана Франко… От центра города улица Ивана Франко ведет к Стрийскому парку, любимому месту отдыха молодежи, затем, поднимаясь чуть в гору, — к литературно-мемориальному музею выдающегося украинского писателя И. Франко. С этой улицей связана еще одна незабываемая страница в истории города. Речь идет о событиях Великой Отечественной войны. Но сначала обратимся к «Правде» от 15 февраля 1944 года. В этот день она писала: «Стокгольм. По сообщению газеты „Афтенбладет“, на улице Львова среди бела дня неизвестными, одетыми в немецкую военную форму, были убиты вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнайдер….»

Только — Львов. Только — «неизвестный» и просто — «улица».

Теперь-то мы знаем, что ликвидация гитлеровских сатрапов была связана с именем Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

А выстрелы прозвучали именно здесь — на улице Ивана Франко (тогда Лейтенштрассе), как раз напротив дома-музея писателя.

…Спустя много лет, мы стояли на этом месте с Николаем Владимировичем Струтинским, полковником в отставке, бывшим разведчиком отряда «Победители», боевым товарищем Кузнецова. Стояли и смотрели на каменные плиты тротуара: они все те же… И одна мысль, что именно здесь стрелял в гитлеровцев Кузнецов, что по этим камням бежал он к своей машине, — одна эта мысль как бы приближала к нам то грозное время.

Струтинскии был задумчив. Среднего роста, крепкого сложения, с внимательным взглядом светло-серых глаз, он казался моложе своих лет. Неторопливый в движениях, и голос его звучал негромко, сдержанно. Подумалось: видимо, не случайно с первых же дней партизаны назвали его Спокойный.

Николаю Владимировичу выпала необычайная судьба: во многих боевых операциях, актах возмездия он действовал рядом с легендарным Кузнецовым. Потом участвовал в ликвидации на Ровенщине националистических банд. В сорок четвертом году Струтинскии впервые в своей жизни побывал в Москве. Он был окрылен и взволнован. В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина. В эти же дни Николай Владимирович готовился к приему в Коммунистическую партию. Командир «Победителей» Д. Н. Медведев дал ему боевую характеристику, и Струтинскии очень гордился его отзывом. Так завершился для него тот предпоследний год войны.

Через несколько лет Николай Владимирович переехал во Львов. Закончил Высшую партийную школу, юридический

факультет государственного университета. Трудился не покладая рук…

В летние дни 1942 года, когда первые группы партизан-медведевцев перебрасывались на самолетах в глубокий тыл врага, в ровенские леса, Николай Струтинский уже не один месяц партизанил в этих краях. В отряд «Победители» он пришел с оружием в руках. Пришел не один — вместе с отцом Владимиром Степановичем и братьями Георгием, Ростиславом и Владимиром. А позже они привели и мать, Марфу Ильиничну, с младшими детьми. В отряде она стряпала, чинила одежду бойцам и пользовалась у них глубокой признательностью, любовью и уважением.

Как каждая крестьянская семья, семья Струтинских трудилась на земле упорно и много. До тридцать девятого года лучшие наделы на Ровенщине принадлежали крупным землевладельцам, на которых приходилось батрачить и гнуть спину за кусок хлеба. Самый старший из четверых братьев — Николай — нанимался уже с двенадцати лет, помогая родителям поднимать детей.

Только после воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной Струтинские впервые почувствовали себя свободными, равноправными людьми. Николай стал работать шофером в Ровно, Георгий выбрал город у моря — Керчь, где на судостроительном заводе обучался на токаря. Подрастали младшие, и за их судьбу отец и мать были спокойны.

Если бы не война! Если бы не враг, захвативший родной край! Двух братьев, Николая и Ростислава, арестовали в первые же дни оккупации и хотели отправить в Германию на принудительные работы. Покориться?.. После того, как за два предвоенных года они полной грудью вдохнули свежий воздух свободы… Покориться?.. Нет, решили они, этому не бывать! И братья бежали в лес. После долгих мытарств к ним присоединился Георгий. С разбитого танка он снял пулемет и приспособил его для стрельбы с руки. Потом к ним в лес пришел отец. Так родился «семейный отряд». Никто не давал Струтинским задания, они не знали истинного положения на фронте, а геббельсовская пропаганда, захлебываясь, трубила на весь мир о якобы полном разгроме Красной Армии. Но они делали что могли. Подожгли склады на местном лесопильном заводе, предотвратили угон в Германию группы сельской молодежи, устраивали засады на дорогах. К. Струтинским присоединились знакомые колхозники и военнопленные, бежавшие из фашистских лагерей и разыскиваемые оккупантами.

Однажды в родной дом ворвались жандармы, избили на

глазах у младших мать, требуя, чтобы она указала, где муж и сыновья… Но она молчала. Под покровом летней ночи Марфе Ильиничне с детьми удалось скрыться. Через несколько дней Струтинские повстречали в лесу разведчиков отряда «Победители».

Такими и увидел их впервые Медведев: русые, голубоглазые, похожие друг на друга парни и с ними — пожилой человек, опиравшийся на сосновую палку. Его-то Дмитрий Николаевич и принял поначалу за старшего группы. Но командиром оказался молодой: «Струтинский, Микола», — с достоинством представился он.

В первой же схватке с фашистами партизаны отметили смелость Николая. Среди братьев он пользовался непререкаемым авторитетом. Отец по своему житейскому опыту и мудрости считался в семье как бы за комиссара. Струтинские были ярким доказательством веры западноукраинских трудящихся в советский строй, их преданности социалистической Отчизне. И они, безусловно, были не единственными. Многие местные жители связали свою судьбу с отрядом «Победители» — семьи Довгер, Никончуков, Примак, Мамонцев. Кстати, хутор последних стал явочной квартирой Н. И. Кузнецова. Здесь уместно привести слова Д. Н. Медведева, сказавшего в одной из бесед с партизанами, что будет «грош цена, если мы не обопремся на помощь советских людей, оказавшихся на оккупированной врагами территории. Только в тесном контакте с советскими патриотами, опираясь на народ, мы сможем выполнить наши задачи…»

Струтинские хорошо знали свой край, имели множество родственников и знакомых, и это было особенно ценно для партизанского командования. Когда в отряде обсуждали, кого дать в напарники Кузнецову для его первого задания в Ровно, выбор пал на Струтинского-отца, знавшего город как свои пять пальцев. Знали, естественно, и самого Струтинского, знали, что он отец партизанской семьи. Риск был немалый, но Владимир Степанович твердо заверил Медведева: «Сделаю все, что смогу».

Кузнецову в тот первый выезд в Ровно нужно было проверить самого себя. Так они и шествовали: одной стороной улицы — стройный обер-лейтенант Пауль Зиберт, а другой — ни на минуту не выпускающий его из вида Владимир Степанович Струтинский, с волнением следящий за каждым шагом Кузнецова-Зиберта.

Все обошлось благополучно, и отец был счастлив. Остался доволен и Кузнецов, он вернулся в отряд не с пустыми руками. В тот же вечер в Центр ушла первая радиограмма с донесением: «Движение на шоссе оживленное. На Дойчештрассе стоянки

автомашин, по сто штук на каждой приблизительно. Много штабных офицеров, чиновников, гестаповцев, эсэсовцев, охранной полиции… Город наводнен шпиками и агентами гестапо…»

Вскоре с группой разведчиков, возглавляемой майором Фроловым, ушла и Марфа Ильинична. Им поручалось ответственное задание: проникнуть в район Луцка, подыскать удобное место для будущего базирования отряда, заодно разведать обстановку в самом городе — какие обосновались там оккупационные учреждения, приблизительную численность гарнизона. Струтинскую зачислили в группу по ее настойчивой просьбе. Но до Луцка было двести километров, выдержит ли она такой путь в свои годы? Марфа Ильинична твердо стояла на своем: да, выдержит, к тому же ей хорошо известен этот район.

Можно лишь мысленно представить себе эти двести километров по оккупированной территории, через леса и болота… Вместе с племянницей Струтинская дважды побывала в Луцке, сумела связаться с полезными людьми, познакомила их с Фроловым. Но в отряд она не вернулась: пуля фашистского палача оборвала ее жизнь.

Смерть Марфы Ильиничны стала тяжелой потерей для всех партизан. Что же касается задания, то его теперь вызвался выполнить Николай Струтинский. И он справился с ним.

* * *

…Погожим осенним утром Струтинский, выйдя из землянки, увидел, что неподалеку, у штабной палатки, умывается обнаженный до пояса высокий худощавый человек.

— Будь добр, товарищ! — позвал тот. — Окати, пожалуйста, мне спину.

Струтинский выполнил его просьбу. Сняв с куста вафельное полотенце, незнакомец энергично растер докрасна грудь и спину, причесал шелковистые волосы и сказал:

— Теперь твой черед, становись! Да, а как тебя зовут?

— Николай.

— Значит, тезки мы с тобой. Ну, Коля, берегись! Водица прохладная.

Так состоялась первая встреча Струтинского с Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Однажды они сидели вдвоем у старой березы. Кузнецов попросил Струтинского подробнее рассказать о своей семье, предвоенной жизни. Внимательно слушая, он поинтересовался:

— А в каких городах довелось тебе бывать, когда работал

шофером?

— В Ровно, Луцке, Здолбунове…

— Хорошо знаешь те места?

— Проеду с закрытыми глазами, — улыбаясь, сказал Николай.

— А в разведку туда пойдешь? — неожиданно спросил Кузнецов.

— Если надо — пойду.

Вскоре Николай Струтинский был направлен командованием отряда в Ровно. Они стали неразлучны — обер-лейенант Пауль Зиберт и его никогда не унывающий шофер, которого Кузнецов громогласно называл при всех Николаусом.

— Разведывательная работа во вражеском окружении, — рассказывает Струтинский, — внешне менее всего напоминала какие-то героические деяния. Очень точно выразил эту мысль советский разведчик полковник Абель: «Разведка, подчеркивал он, не приключенчество, не какое-либо трюкачество… а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряженного упорства, выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства». И все это как будто о Николае Ивановиче Кузнецове. Тогда мы, естественно, не знали многих подробностей его предварительной подготовки к роли Зиберта, но замечали, какой огромнейшей информацией обладал он. Кузнецов, например, превосходно разбирался в организации и структуре немецких вооруженных сил, знал порядок официальных и неофициальных взаимоотношений военнослужащих. Награды, звания, знаки различия всех родов войск, полиции и СС. Имена, фамилии, чины, звания и должности большого количества людей — от высших гитлеровских деятелей до «своих» батальонных и ротных командиров. Многое, очень многое должен был знать Зиберт-Кузнецов. Он постоянно вращался в среде немецких офицеров, и любая неточность могла стоить жизни.

Стрелял он мастерски. Николай Иванович рассказывал мне, что это у него еще с юности, когда напряженно тренировался, чтобы получить значок ворошиловского стрелка.

Он был наделен несомненным артистическим талантом. Его перевоплощение в «чистокровного арийца» — чванливого и высокомерного, с вздернутым подбородком и холодными, непроницаемыми глазами — было поразительным. Мы-то ведь видели его в отряде другим — простым и обаятельным, нашим! В минуты передышки любил он и шутку, и песни, особенно «Ревела буря, гром гремел». Вспоминал довоенное прошлое, свой родной Урал… Но как редко выпадали эти минуты! И как нужна была ему

эта разрядка.

В немецком мундире, повторяю, он был Паулем Зибертом и в любых, даже самых неожиданных, ситуациях не выходил из этой роли.

…Однажды Кузнецов получил очень ценные сведения. Как правило, всю информацию доставляли в отряд связные. Они же привозили и пакеты с очередными заданиями. В этот раз Николай Иванович решил сам, не дожидаясь связного, сообщить сведения командованию отряда.

Выехали они вдвоем на велосипедах. Кузнецов в немецкой форме впереди, за ним — Струтинский. От Ровно до «маяка» — двадцать пять километров. Ехали по шоссе, затем свернули на полевую дорогу… Вдали показалась железнодорожная ветка Клевань—Ровно. И вот тут-то разведчики заметили несколько полицейских, с интересом наблюдавших за ними. А дальше произошло вот что. Спустившись по крутому склону на полной скорости, Кузнецов врезался в песок и… слетел с седла. Полицейские, не выдержав, рассмеялись.

Можно было, как ни в чем не бывало, подняться, отряхнуться и следовать дальше. Можно — для Кузнецова. Но не для Пауля Зиберта! Немецкий офицер на земле, в пыли! Черт знает что! Да как они смеют!

— Хамье! Смеетесь над немецким офицером! — грозно крикнул он и, вскочив на ноги, влепил одному из них подзатыльник. Полицейские, вытянувшись по стойке «смирно», со страхом уставились на офицера. «Почистить мундир, протереть велосипед, и живо!» — приказал Кузнецов. Распоряжение было тотчас выполнено.

— Хайль Гитлер! — с сердитым видом Николай Иванович выбросил правую руку вперед.

— Хайль!.. — рявкнули полицейские и продолжали стоять как вкопанные, пока разведчики не скрылись за холмом…

В тот же день они вернулись в Ровно.

— Нужен транспорт, Коля! — сказал Кузнецов. — Неплохо бы обзавестись своей машиной.

В гараже гебитскомиссариата стояли в ряд сияющие чистотой и краской «опели», «адлеры» и «мерседесы». Добыть отсюда машину было делом непростым, но именно сюда нацелился Николай Струтинский, действуя по принципу: шофер всегда найдет общий язык с шофером, тем более, что среди водителей были и советские военнопленные. С одним из них, Афанасием Степочкиным, удалось войти в контакт. Впоследствии он стал верным помощником партизан.

Вскоре из гаража гебитскомиссариата при неизвестных обстоятельствах исчез водитель и черный «адлер». Гитлеровцы сбились с ног в поисках пропажи — и никаких следов! Тем временем разведчики благополучно переправили Степочкина в отряд. А машина, перекрашенная в другой цвет, с измененными номерными знаками, через некоторое время появилась на улицах города. Рядом с услужливым шофером важно восседал офицер-фронтовик Пауль Зиберт.

Струтинский внимательно изучил немецкие документы: дорожные листы, заправочные ведомости, удостоверение, талон водителя. И в конце концов сам стал изготовлять их.

— Ну, Коля, я и не знал, что у тебя такой талант! — подшучивал Кузнецов.

Еще с детства Николай увлекался резьбой по дереву. Но то — детство! Сейчас же многим медведевцам требовались надежные документы, чтобы вести разведку в Ровно, Луцке, других городах и селах края. Человек активных действий, совершенно не умевший сидеть без дела, Николай как-то раздобыл в отряде подошву от обыкновенного сапога и с помощью циркуля и перочинного ножа скопировал немецкий штамп. Вроде получилось. Проверили штамп на практике — никаких подозрений у жандармов не вызвал. И Струтинский основательно взялся за дело. Он так наловчился, что самую сложную печать вырезал за три-четыре часа.

Постепенно «канцелярия» отряда расширялась: появились пишущие машинки с украинским и немецким шрифтом, врач отряда Цессарский печатал на них любые документы по образцам, которые доставляли из города разведчики. Заместитель Медведева по разведке Лукин мастерски подделывал подписи фашистских начальников, затем прикладывалась печать Струтинского. Так изготовлялись документы от городских и районных управ, от частных фирм и даже от гестапо. Ни одного провала из-за документов у разведчиков не было.

В группу Кузнецова, кроме Струтинского, входили Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Николай Приходько, Валентина Довгер, Лидия Лисовская, Ян Каминский… Боевые соратники Кузнецова, они активно работали под его непосредственным руководством: изучали «порядки» в городе, собирали важную информацию, подыскивали конспиративные квартиры, находили людей — истинных патриотов, на которых можно было положиться. Они были рядом с Кузнецовым, в одном городе, но это не означало, что они могли свободно и в любое время общаться. Действуя, что называется, под носом /гестапо, на глазах жандармерии и тайной агентуры, им приходилось

соблюдать самые строгие меры предосторожности: связывались между собой лишь в тех случаях, когда нужно было согласовать свои действия или требовалась взаимная помощь. Некоторое исключение составляли Довгер — «невеста» обер-лейтенанта и Струтинский — личный шофер Зиберта, что выглядело вполне естественно.

Почти у всех было свое «прикрытие»: Шевчук и Гнидюк, например, работали под коммерсантов, Валентина Довгер была исполнительной сотрудницей канцелярии рейхскомиссариата, Лидия Лисовская — любезной и беззаботной официанткой в ресторане «Дойчегофф». Сам Кузнецов привлек к разведывательной работе польского патриота-антифашиста Яна Каминского. Николай Иванович во всем полагался на этого смелого человека, брал, как и Николая Струтинского, на самые опасные операции. Мужество и отвага Каминского в сорок третьем году были отмечены орденом Ленина.

Одной из дерзких и смелых операций советских разведчиков было похищение командующего особыми войсками на Украине генерала фон Ильгена. Не все ее участники дожили до конца войны. В марте сорок четвертого вместе с Кузнецовым погиб Каминский. Вскоре, уже после освобождения Львова, украинские националисты жестоко расправились с отважной патриоткой Лидией Лисовской и ее двоюродной сестрой Майей Микотой, тоже помогавшей разведчикам.

Но сейчас перед нами Струтинский — один из активных участников акта возмездия над матерым фашистом.

— Николай Владимирович, об этой акции рассказано в книгах Дмитрия Николаевича Медведева, создан кинофильм, в основу которого взят эпизод с похищением генерала. И все же память каждого человека хранит «свои» детали и моменты…

— Замечу, что операция «Ильген» требовала от каждого ее участника предельной собранности. План похищения подробно разрабатывался командованием отряда. Тщательная и скрупулезная подготовка шла и в самом Ровно. За Ильгеном велось неослабное наблюдение. Лисовской удалось устроиться экономкой в особняк генерала. Мы изучили расположение комнат в доме, систему охраны, знали распорядок дня, которого педантично придерживался сорокадвухлетний генерал. Наконец, назначен день и час операции — 14.00, время, когда Ильген приезжает домой на обед. Кузнецов — спокоен и сосредоточен. Еще и еще раз проверяю наш «адлер»: мотор, тормоза, сцепление — порядок! Николай Иванович садится спереди, на задних сиденьях — Ян Каминский и Мечислав Стефанский. Все в немецкой форме.

Едем к особняку… И сразу же — довольно напряженный момент: именно в этот день пунктуальный Ильген перенес свой обеденный перерыв на более позднее время, где-то к четырем часам, и сообщил об этом прислуге в самую последнюю минуту. Итак, впереди — почти два часа напряженного ожидания. И Кузнецов приказывает мне выехать за город.

…Мы остановились неподалеку от села Новый Двор, у речки, в тихом и укромном месте. Нестандартное решение? Возможно. Но ведь Николай Иванович был кроме всего еще и очень тонким психологом. Надо успокоиться, придти в себя, собрать нервы в кулак — и он сменил обстановку. И во время ожидания ни словом не обмолвился о предстоящей операции. А через два часа мы снова были возле особняка.

Еще один момент — наиболее критический: когда мы вели Ильгена к машине, ему удалось освободиться от кляпа и он позвал на помощь. Крик услышали немецкие офицеры, оказавшиеся вблизи генеральского особняка, их было трое, и они сразу же направились в нашу сторону. Теперь все решали секунды. В минуту острой опасности Кузнецов всегда действовал стремительно и хладнокровно. И в этих действия всегда присутствовала такая же стремительная, я бы сказал, мгновенная реакция на происходящее… Николай Иванович не мешкая устремился навстречу гитлеровцам, успев бросить нам на ходу: «Прикройте его лицо». Ведь офицеры могли знать генерала лично. Предъявив гестаповский жетон, он объяснил им, что задержан переодетый террорист. И ни у кого не возникло и тени подозрения — настолько естественно и уверенно вел себя Кузнецов. Одному из них, гауптману Гранау, личному шоферу гауляйтера Эриха Коха, он предложил проехать в гестапо в качестве понятого. И Гранау спокойно сел машину. Встревожился он лишь тогда, когда наш «адлер» выехал на окраину Ровно: «Куда же мы едем? — спросил Гранау. — Ведь СД находится в противоположной стороне города!», на что Кузнецов тут же ответил: «Вы правы, господин гауптман, но мы тайный отдел СД, расположение которого известно немногим». И представьте, фашист успокоился.

…В логове гитлеровцев началась паника. Подумать только: средь бела дня похищен немецкий генерал! «Принять самые строгие меры! Ильгена разыскать! Немедленно доложить!» — разносил телеграф по специальным каналам связи. В городе прошли повальные обыски, на улицах дежурили усиленные патрули, свирепствовало СД и гестапо.

Не успели фашисты опомниться, как Ровно потрясла новая сенсация: убит Альфред Функ, верховный судья и ближайший

друг самого фюрера.

…Здание суда находилось в Ровно на углу Парадной площади и Школьной улицы. Николай Струтинский несколько раз выезжал на «адлере» в этот район, высматривая удобное место для стоянки. Каждое утро Функ брился в парикмахерской, откуда в сопровождении агента в штатском направлялся пешком в свою резиденцию. Бывало и так, что из парикмахерской Функ уходил один — до здания было всего несколько десятков метров. Яну Каминскому удалось познакомиться с личным парикмахером Функа, войти к нему в доверие. Тот согласился помочь Каминскому.

Зиберт-Кузнецов побывал в здании суда, прошелся по всем трем этажам. Вечерами втроем они обсуждали различные варианты: с Функом можно покончить в парикмахерской, можно — прямо на улице или в здании суда… Кузнецов решил казнить зверя в его логове.

Струтинский вспоминает:

— Утром шестнадцатого ноября в половине девятого я остановил «адлер» в переулке. Кузнецов вышел из машины и размеренно зашагал к зданию суда. Мотор я не глушил… Минуты тянулись невыносимо долго. Не выдержав напряжения, с автоматом в руках я тоже вышел из «адлера» и подошел к углу здания. На противоположной стороне площади увидел Каминского, который прогуливался неподалеку от парикмахерской. А Николай Иванович неторопливо, словно поджидая кого-то, прохаживался по тротуару у самого входа… Но вот Ян подал условный сигнал, означавший, что Функ закончил бриться и сейчас выйдет из парикмахерской. Кузнецов открыл тяжелую дверь судебной палаты… Спустя минуту-другую, следом за ним вошел Альфред Функ. Я осмотрелся: площадь была безлюдной, вокруг тихо и спокойно, лишь из открытых окон здания доносился стрекот пишущих машинок. И вдруг откуда-то из боковой улицы вынырнули два грузовика с вооруженными карателями. Машины развернулись и остановились у парадного входа. Готовый ко всему, я сжал автомат. И в это же время раздались глухие выстрелы, один, другой… Фашисты с недоумением глядели на окна второго этажа, откуда послышались выстрелы. Боя не миновать — обожгла меня мысль. Каминский стоял все там же, на своем месте, наблюдая за происходящим, он тоже понимал, насколько осложнилась ситуация, но Ян был невооружен… Тут же открылись парадные двери и мы увидели Кузнецова. И снова с его стороны — поразительное самообладание и психологически точная реакция: Кузнецов на мгновение остановился, как и каратели, посмотрел

на окна и, сохраняя редкую выдержку, деловито зашагал вдоль фасада… Я рванулся назад. Через несколько секунд Николай Иванович уже был в машине. «Коля, газ!» — крикнул он, захлопывая дверцу.

Когда «адлер» на бешеной скорости промчал мимо контрольного пункта на выезде из Ровно, часовые едва успели вскинуть в приветствии руки: в подобных лимузинах и на такой скорости ездило лишь крупное фашистское начальство.

Примерно месяц спустя им показали в отряде два номера «Правды» — за 18 и 19 декабря 1943 года. В газетах были опубликованы материалы, касавшиеся результатов разведывательной работы медведевцев в Ровно. Их фамилии, понятно, не назывались. Одна из информации сообщала об убийстве гитлеровского главаря обер-фюрера СС Альфреда Функа…

Сколько же опасных километров преодолели они, попадая порою в сложнейшие, казалось бы, безвыходные ситуации. Однажды после очередной операции в Ровно их стал преследовать «пикап» с гестаповцами. Схватка, подумали, неминуема… И вдруг впереди, метрах в ста от них, появилась точно такая же машина, как и та, которую вел Струтинский, такого же цвета!

— Сворачивай налево! — приказал Кузнецов, как всегда мгновенно оценив обстановку.

Струтинский круто повернул машину. По переулку они влетели на параллельную улицу и помчались уже в обратном направлении. Все произошло настолько быстро, что гестаповцы, ничего не заметив, продолжали погоню, но… уже за другой машиной.

Неожиданная опасность возникла в лице гитлеровского офицера майора Гителя. Контрразведчик абвера Гитель заподозрил в Пауле Зиберте английского шпиона. Он учинил форменный допрос Лидии Лисовской, на квартире которой часто появлялся Зиберт в компании немецких офицеров, усиленно интересуясь, не употребляет ли тот английские слова. Тянуть дальше с Гителем было нельзя. Командование отряда запросило Центр и получило согласие на операцию.

…Кузнецов пригласил Гителя провести вместе вечер. Фашист был непрочь выпить за чужой счет, заодно и присмотреться еще раз к Зиберту. Стол накрывал Николаус-Струтинский: аккуратно расставил бокалы, наполнил их вином. «Гут!» — удовлетворенно сказал Гитель. Струтинский подошел к Кузнецову и заботливо предложил освободиться от портупеи: «Ведь она стесняет». Николай Иванович снял ремень вместе с кобурой и облегченно

вздохнул. В кармане брюк лежал запасной вальтер. «Разрешите?» — вежливо обратился Струтинский к Гителю. Фашист, правда с меньшим энтузиазмом, но тоже снял ремни с кобурой. Струтинский повесил их на вешалку на виду у всех и… сел за стол. Как и предполагали, Гителя это покоробило: как так, рядовой солдат бесцеремонно садится за один стол с офицерами! Всецело поглощенный проработкой Николауса, майор не заметил, как Кузнецов зашел за его спину… И с силой навалился на него, заломив руку… Струтинский тут же ринулся на помощь. Поняв, с кем имеет дело, абверовец сразу же обмяк. При допросе он выложил всю информацию, которая была ему известна. С Гителем было покончено.

Вместе участвовали они в освобождении арестованного Георгия Струтинского, который тоже вел разведывательную работу в Ровно. Жил он в городе под именем Грегора Василевича. Украинские националисты напали на след Георгия, когда тот зашел на проваленную явку. Его допрашивали в тюрьме почти ежедневно, избивали. Николай в эти дни жил одной мыслью: как спасти брата. На помощь ему пришел Кузнецов, который не мешкая поделился своими соображениями с Медведевым. План был не из легких, но Дмитрий Николаевич дал согласие.

Почти двое суток, в течение которых решалась судьба Георгия, машина Кузнецова и Струтинского дежурила в глухом переулке неподалеку от тюрьмы. Многое зависело и от партизана Петра Мамонца, которому удалось устроиться в тюрьме полицаем. Он помог Георгию бежать из колонны арестованных, направлявшихся под присмотром полицаев на строительные работы в город. По дороге оба, и Георгий и Петр, «отстали»…

В тот же день Кузнецов и Струтинский привезли их в отряд. Товарищи с трудом узнавали истощенного и обессиленного Георгия. Но молодость взяла свое, и вскоре он вернулся к разведывательной работе.

Гитлеровцы отступали. Разведчики отряда оставались в Ровно до последней возможности, передавая командованию ценную информацию о переброске немецких частей с востока на запад, передвижении штабов, о панике, царящей в «столице».

Всегда бдительный, строго соблюдавший конспирацию, Николай Струтинский в эти дни все же был выслежен. Он пришел на одну из явок, а минут через пятнадцать в квартиру ворвались гестаповские агенты. Двумя выстрелами Николай уложил их на месте. Но во дворе стояли каратели… Выскочив на лестничную площадку, Струтинский открыл по ним огонь. Воспользовавшись замешательством жандармов, партизанские разведчики скрылись.

Бегство гитлеровцев из города принимало панические размеры. Готовились к эвакуации многочисленные отделы рейхскомиссариата, представители частных фирм и контор, предатели и лакеи оккупантов. Стараясь поскорее унести ноги, они платили за машину до Львова по пятнадцать тысяч марок. Но и за такие бешеные деньги трудно было достать транспорт. В ровенских гаражах Струтинский имел своих людей и дал им задание любыми средствами задерживать машины: подсыпать в горючее песок, портить моторы, обрывать электрооборудование.

Железнодорожный вокзал напоминал гудящий улей. Фельджандармы оцепили здание, не пропуская сюда посторонних. И все же партизанские разведчики Шевчук и Будник нашли выход: в качестве «попутчика» они подыскали изнемогающего под тяжестью чемоданов фашистского подполковника, помогли ему доставить багаж прямо в зал первого класса, предоставленный исключительно старшим офицерам и генералам. У чемоданов гитлеровца разведчики незаметно пристроили и свой чемоданчик с тридцатикилограммовой толовой миной внутри. От взрыва, происшедшего в два часа ночи, погибло около сотни фашистов. Паника усилилась еще больше.

А днем новые взрывы раздались уже в центре города. Оглушительный грохот потряс ортскомендатуру: разведчикам удалось подложить мину замедленного действия в магазин «Только для немцев», размещавшийся в первом этаже здания. В эти же дни взрывы прозвучали в гостинице на «Немецкой» улице, где находилось казино с офицерским залом. Перепуганные гитлеровцы выпрыгивали в окна, вываливаясь на мостовую, давя и калеча друг друга.

Так действовали патриоты.

…И вот из Москвы получено разрешение на передислокацию отряда к городу Львову. Первым отправлялся Кузнецов. На Николае Ивановиче была его неизменная длинная шинель с погонами обер-лейтенанта. Об отъезде знали немногие. Трижды, по русскому обычаю, расцеловались с ним Медведев, Лукин, Стехов… Кузнецов подошел к Струтинскому:

— Ну, Коля! — Они обнялись. — До встречи!

Так и не встретились. Не довелось. Но память о бесстрашном разведчике, о друзьях-медведевцах Струтинский пронес через все эти долгие годы.

Эта память позвала его вскоре после войны в нелегкий поиск по Львовщине и Волыни. Он побывал во многих селах и хуторах, где в свое время проходила линия фронта, беседовал с местными

жителями, пытаясь выяснить обстоятельства гибели Николая Ивановича Кузнецова. Струтинский посчитал это своим гражданским долгом.

Эта память и по сей день зовет его на встречи с молодежью — она должна знать, как верно служили Отечеству в грозный час его лучшие сыны и дочери.

У Николая Владимировича сохранился документ военных лет — пожелтевшая копия той боевой характеристики, выданной ему Дмитрием Николаевичем Медведевым, «…тов. Струтинский В. Н… выполняя боевые задания, зарекомендовал себя волевым, бесстрашным патриотом Советской Родины… постоянно показывал образцы презрения к смерти, находчивость, инициативу…»

Сколько пережитого таится за этими скупыми строками!

Молча спускаемся с Николаем Владимировичем по улице Ивана Франко к небольшой площади, где сегодня высится памятник Герою Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову. Подойдя к нему, Струтинский замедлил шаг, остановился и тихо произнес:

— Здравствуй, дорогой товарищ! Здравствуйте все — боевые друзья-медведевцы!

Романченко Николай
ПЛАМЯ

Федя стоял почти у самой наковальни, внимательно наблюдая за отцом, который, держа в больших клещах раскаленный кусок железа, сказал напарнику-молотобойцу:

— А ну-ка, раскатай его!

И стали рассыпаться вокруг них после каждого удара молотом золотистые искры. Глазенки пятилетнего мальчугана расширились, заискрились, и он, поправив рукой непослушные светлые вихри, попросил отца:

— Батя!.. Дай-ка я разок стукну!

— Мало еще каши ел. Молот не поднимешь!

А ему так хотелось встать на место молотобойца. Немного обиженный, он отошел от наковальни и остановился у горна, где раскалялись новые куски железа. Мальчик приблизился к мехам, взялся за ручку, попробовал качнуть, но не тут-то было.

— Федя, ну-ка марш домой, маманя, наверное, тебя там уже давно ищет!..

Почему ему, старшему лейтенанту Федору Александровичу Уланову, в эти, возможно предсмертные, минуты привиделись именно кузница, отец, коренастый сосед-молотобоец, вспыхивающие и потухающие искры, огонь в горне? Он любил пламя. Любовался им и в отцовской кузнице, и когда разводил на лугу костер, через который прыгал вместе с дружками. Когда приходило время идти домой и надо было тушить огонь, ему почему-то так не хотелось заливать водой полыхающие поленья.

Теперь же у ног привязанного к дереву старшего лейтенанта разгорается костер, через который не перепрыгнешь, не потушишь его водой из ручья. А вокруг — вооруженные бандеровские головорезы, потерявшие человеческий облик в самогонном угаре. Как измывались они над ним перед казнью! Единственное, что никак не мог понять при этом его главный палач — Бородач, так это — откуда берутся такие Улановы, из которых невозможно вырвать нужного слова?

Биография Федора Александровича Уланова типична для людей его поколения, перед которыми народная власть широко распахнула дверь в большую и интересную жизнь. После успешного окончания семилетки Федор решил пойти по стопам отца — стал кузнецом Горловского машиностроительного завода. В декабре 1932 года заводской комитет комсомола направил его в пограничные войска. Здесь он вступил в партию, учился сложному искусству распознавать и обезвреживать врагов, противостоять их уловкам. После службы в 20-м пограничном отряде ОГПУ Уланов был зачислен в московскую милицию.

А потом грянула война. Федор защищал столицу, боролся с вражескими лазутчиками и диверсантами, за что был награжден медалью. В 1943 году окончил чекистские курсы и был направлен в освобожденный от гитлеровских захватчиков Чернигов. Многое приходилось делать: вылавливать фашистских приспешников, помогать солдатским вдовам и устраивать бездомных детишек. Здесь, в Чернигове, его избрали членом парткома областного управления государственной безопасности, и он старался успевать повсюду.

В конце 1944 года Уланова перевели в Дрогобычскую область. Обстановка здесь была сложной. И хотя война уже отгрохотала на западноукраинских землях и советские войска громили гитлеровцев за Одером, Федору очень часто приходилось участвовать в боевых операциях. В отдаленных районах, горных селениях и на хуторах свирепствовали бандеровцы, именовавшие себя борцами за «самостийную Украину». Под этой насквозь фальшивой ширмой они чинили разбой, терроризировали мирное

население, убивали советских активистов.

Одним из таких оборотней был бывший гитлеровский прислужник по кличке Бородач, теперь член центрального провода ОУН, тайный агент зарубежной разведки. Побывав в закордонных бегах, он вернулся в родные края не столько для борьбы за «неньку-Украину», сколько для мести сельчанам, которые раскулачивали его отцовщину, организовали колхоз.

Бородач связался с местным бандеровским предводителем по кличке Роман. Этот Роман часто совершал набеги на близлежащие населенные пункты. Но с каждым днем бандитам становилось все тяжелее. Народ в селах потянулся к новой жизни, стал организовывать колхозы, люди под любым предлогом отказывались снабжать бандеровцев продовольствием. И это их особенно бесило.

— Почему ты вступил в колхоз? Отвечай быстро. Мы знаем, что ты — левша. Вот и отрубим тебе левую руку, которой ты писал заявление.

— Вступали все, и я вступил, — спокойно отвечал молодой колхозник.

— А с нами в лес пойдешь?

— Мне там делать нечего. В поле достаточно работы.

И ему отрубили левую руку.

Когда Роман рассказывал об этом Бородачу, тот, подперев подбородок своей медвежьей лапой, размышлял: «Да, наше движение распадается. Эти голодранцы потянулись к советам, они и мою земельку уже распахали. Необходимо еще больше ужесточить террор…»

К вечеру Роман получил от Бородача приказ с сотней боевиков отправиться в село Рыково и «навести порядок», чтобы помнили советские активисты, что «ще не вмерла Україна».

А в Дрогобычском областном управлении государственной безопасности в это время разрабатывался план операции по уничтожению банды Романа. Федору Александровичу было приказано выехать в командировку в Боринский район.

Федор попрощался с женой и ушел в ночную морозную темень. Слышала она, как заурчал мотор машины. И ей вдруг вспомнился рассказ сослуживцев Федора, которые вчера были у них в гостях, о том, как несколько дней тому назад бандиты схватили председателя сельсовета, зверски издевались над ним, а убив, написали его кровью на стене хаты свои изуверские лозунги.

Уланов заметил, как побледнела жена. Он уже хотел было сказать ей, что бандеровские палачи, учинившие дикую расправу над председателем сельсовета, поплатились за свои злодеяния,

что в операции по ликвидации бандгруппы принимал участие и он.

А происходило это так. Чекистам стало известно, что банда наметила очередную жертву — учительницу украинского языка в горном селе, секретаря комсомольской организации неполной средней школы. Учительницу они предупредили, а сами устроили две засады: одну — в ее доме, на чердаке, вторую — в ложбине, отделяющей село от леса, с таким расчетом, чтобы перекрыть бандеровцам путь к отступлению.

Бандиты появились на четвертые сутки. Ночью, в пургу, они вышли из лесу и направились к селу. Засада в ложбине засекла их и пропустила. Бандиты подошли к дому учительницы, один из них постучал в окно. Ему никто не ответил. Учительницы там, конечно, не было. В стрехе загодя были проделаны дыры, и чекисты свалились на четырех бандитов, словно снег на голову. Один из ночных гостей, тот, что стучал в окно, все-таки сумел увернуться и побежал к лесу. По нему открыли огонь, но он уже нырнул в лощину. Однако уйти бандеровцу не удалось. Здесь его поджидала засада во главе с Улановым. Федор оглушил бандита ударом в затылок и его связали. На допросе он признался, что был старшим «боевки» и принимал непосредственное участие в истязаниях и убийстве председателя сельсовета…

…В кабинете начальника райотдела собрались офицеры. Обращаясь к ним, он сказал:

— Товарищи! Нами получены сведения, что в селе Рыково опять появился предводитель бандеровской шайки Роман. Наша задача — захватить его живым.

После этого начальник райотдела назвал состав оперативной группы, которая будет участвовать в операции. В нее вошли: Федор Уланов (возглавляющий группу), Сергей Зуев, Дмитрий Ващук и Емельян Денькович.

16 февраля 1945 года они выехали из Борини на санях. Еще не рассвело. Высоко в небе мерцали звезды. Снег искрился под луной. Было морозно, безветренно и на удивление тихо, лишь только полозья саней поскрипывали на поворотах.

Едут четверо, и каждый думает о своем. Федор Уланов до сих пор не может примириться с тем, что он не на фронте. Ведь там, на западе, еще грохочет война, льется кровь, гибнут лучшие сыны Отчизны. А он сколько ни просился, все равно отказывали…

Сергей Зуев прилег на санях и задумчиво глядит на звезды. Ему вспоминается родная сторона, отчий дом. Сердце полнится щемящей тоской: скорей бы вернулись мирные годы…

Дмитрий Ващук правит лошадьми. Рядом с ним сидит Емельян Денькович — ястребок. Ему в этих краях все знакомо,

здесь он родился, здесь вырос. Юношей запутался в националистических сетях, молодой, неискушенный, он на первых порах поверил «борцам за Украину», но когда собственными глазами увидел, как истязают они людей, преодолев страх, удрал от них. Теперь он борется за то, чтобы избавить родную землю от этой чумы.

Вот уже и Рыково, небольшое село, примостившееся в лесной глухомани восточных склонов Карпат. Уже светало, когда подошли к хате, в которой укрылся Роман.

— Выходите, вы окружены! — крикнул Уланов.

Гробовая тишина. Старший группы подал знак, и Сергей Зуев с автоматом наготове поднялся на крыльцо и рванул за ручку двери. Тихо. Вошли в одну комнату, во вторую. Никого. Но в печи горит огонь — доносится запах жареного мяса, картошки.

— Есть здесь кто-нибудь? — громко спросил Уланов. И вдруг тишину нарушило чье-то кряхтенье. С печки начала слезать старуха.

— Кто вы такая?

В ответ послышалось неразборчивое бормотанье.

— Да вы что, глухая? — сердито спросил Денькович.

— Оставь! — сказал Уланов. — Наверное, глухая.

Женщина угадала в Уланове старшего и начала что-то показывать знаками.

— Ей во двор, к скотине надобно, — сказал Ващук.

— Пусть идет! — ответил Уланов.

Денькович отступил от двери, пропустил старуху.

— Сделаем в хате засаду, — проговорил Уланов. — Емельян займет позицию на чердаке, мы — у окон.

Прошло минут десять.

— Где это наша хозяйка запропастилась? — спросил Уланов. — Сергей, выйди-ка взгляни, — кивнул он Зуеву.

Поздно вспомнил старший лейтенант о старухе.

Только Зуев вышел на подворье, как утреннюю тишину разорвала автоматная очередь. Сергей быстро вскочил назад в дом.

Уланов прильнул к окну. С горы спускалась банда. Об этом же сообщил с чердака Денькович. Уланов с Зуевым бросились к противоположному окну. Бандеровцы окружали дом. Так вот к какой скотине спешила старуха!

— Что будем делать?

— Огонь по бандитам! — тут же скомандовал Уланов. — Я с Ващуком отхожу к лесу, вы — вслед за нами. Будем пробиваться!

Завязалась перестрелка. Ведя огонь по врагу, Уланов и Ващук выбежали из хаты и стали отходить к околице села. Бандиты

устремились за ними. Чекистов взяли под перекрестный огонь. И тут Уланов увидел поблизости сарай.

— Ващук, за мной, быстрее!

Тяжело дыша, они поспешили под прикрытие ветхих деревянных стен.

— Слушайте приказ, товарищ Ващук… Бегом к лесу, я вас прикрою. Обязательно доберитесь к нашим и обо всем доложите в райотделе.

Ващук выскочил из сарая и побежал по насту заснеженного поля. А по Уланову уже бил вражеский пулемет. В эти минуты он подумал о Зуеве и Деньковиче, как они там? Может, воспользовались тем, что они с Ващуком отвлекли на себя основные силы бандитов и вырвались из ловушки?

Но уйти удалось одному Деньковичу. Зуев остался прикрывать его. Он отстреливался до последнего патрона, затем отбросил ненужный уже автомат, расстегнул кобуру, достал пистолет, снял его с предохранителя и стал ждать.

Бандеровцы тоже прекратили стрельбу. Минуты тянулись томительно медленно. Наконец один из них, по-видимому старший, не выдержал и, осторожно ступая, направился к дому. Войдя в хату и внимательно осмотрев комнату, бандит полез на чердак.

Зуев слышал, как под тяжелой тушей заскрипела лестница. И вот перед ним появилась одутловатая физиономия бандеровца, который удивленно впился глазами в сидящего прямо перед ним советского офицера. Едва превозмогая страх, бандит заорал:

— Сдавайся! Сдавайся, иначе прикончим!!!

Зуев вытер залитое кровью лицо и спокойно сказал:

— Неужели вы, сволочи, не знаете, что чекисты никогда не сдаются?!

После этих слов Сергей резко вскинул руку с пистолетом и выстрелил. Бандеровец тяжело рухнул вниз. Его дружки, которые так и не отважились приблизиться к дому, удивленно переглянулись между собой: что там произошло? И в это время прозвучал еще один выстрел. Младший лейтенант коммунист Сергей Зуев не дался живым в руки врагов.

По тому, что стрельба у дома затихла, Уланов понял: он остался один. Федор обернулся и взглянул на поле — у самого леса лежал мертвый Ващук.

И тут краем глаза старший лейтенант заметил, как один из бандитов вскочил и метнул гранату. В то же мгновение на крыше раздался взрыв. Соломенная кровля загорелась. Уланов снова ударил по бандеровцам из автомата. Он стрелял короткими очередями — патроны были на исходе. Но вот начала падать

горящая солома, обрушилась одна балка, вторая. На Уланове загорелась одежда, едкий дым разъедал глаза, душил горло. Вот огонь поглотил стены, а Уланов все разил врага. В одном месте рухнула крыша. Бандиты бросили туда еще одну гранату…

Вдруг дверь сарая упала — и на бандеровцев двинулся пылающий факел. Этот факел поливал их из автомата смертоносным огнем, пока не свалился на почерневший снег. И тут раздался крик Бородача:

— Вы что, остолбенели, черт бы вас побрал?! — дико визжал он. — Хватайте его! Тушите огонь! Возьмите живым!

У потерявшего сознание Федора вытащили обгоревшие документы, скрутили руки колючей проволокой, облили водой. Старший лейтенант пошевелился. Бородач торжествовал:

— Будет жить! Еще на своих двоих к яме пойдет! — хохотал он. — А как те, что в хате отбивались?

— Прикончили! Так и остался на чердаке…

— Один там был? — удивился Бородач.

— Один! — прохрипел бандит с перевязанной головой. — Младший лейтенант… Больше никого не нашли…

«Зуева убили… — заключил Уланов. — А куда же делся Денькович?»

И опять поплыли перед глазами разноцветные круги. Он вторично потерял сознание…

А Денькович тем временем, раненый, запыхавшийся, упал в комнате дежурного по райотделу. Губы его дрожали, он еле проговорил:

— Там наши… гибнут…

Начальником райотдела была немедленно создана оперативная группа во главе с офицером Александром Иваненко, которая двинулась по направлению к Рыково. Чекисты по пятам преследовали банду Романа и, наконец окружив ее, полностью разгромили. Но Уланов как в воду канул. Все вокруг обыскали, осмотрели все трупы, опросили жителей. Безрезультатно. Через несколько дней был захвачен бандеровский разведчик. И первый же вопрос, заданный ему, был:

— Где Уланов?

— Его держат в районе Зубрицы. На горе Большая Шабела…

Чекисты окружили гору, выбили бандеровцев из четырех схронов, захватили важные документы. Но никаких следов Уланова не обнаружили. Чекисты снова начали расспрашивать местных жителей. В двух селах люди видели, как бандиты вели с собой обгоревшего советского офицера, но куда они шли, никто не мог сказать. Лишь спустя несколько месяцев выяснилась картина гибели Федора Уланова…

Уйдя от преследования, Бородач рещил «всерьез» заняться старшим лейтенантом. Допрос он начал издалека.

— Видишь, Уланов, — сказал бандит, разглядывая документы чекиста, — как вы не рассчитали. Ставили на нас капкан и сами же попали в него. Сам понимаешь, выбора у тебя теперь нет… Так что побойся страшных мук, расскажи, что знаешь… А интересует нас многое: методы работы госбезопасности, организационная структура, количество отделов, кто ими руководит. Итак, я внимательно слушаю. Федор молчал.

— Это опрометчиво с твоей стороны. Для чего же мы тебя тогда спасали? Если будешь играть в молчанку, то предупреждаю — такую казнь придумаем, что и горы содрогнутся.

Федор молчал. Он еще крепче сжимал обгорелые губы. Бородачу так хотелось сломать волю чекиста, потешить оставшихся в живых бандитов отступничеством советского офицера. И он приказал двум охранникам начать пытку Уланова. Они привязали Федора к дереву и стали загонять под ногти большие иглы. Даже стона не услышали мучители. Лицо старшего лейтенанта смертельно побледнело, покрылось крупными каплями пота. И он потерял сознание. Его отлили водой. И снова послышался голос Бородача:

— Какие операции готовит против нас ваш райотдел? Говори!

— Не буду… Зря стараетесь…

— Заговоришь, — гаркнул Бородач. — Ну-ка набросьте на него удавку!

Бандиты набросили на шею Уланова петлю и начали медленно закручивать палкой веревку. Старший лейтенант снова потерял сознание. Но на этот раз его мучители не прекратили пыток. Они резали его обожженное тело ножами, прикладами дробили кости, а потом собрали хворост и разложили под деревом костер.

Когда вспыхнул огонь, Уланов застонал и от пронзительной нечеловеческой боли пришел в себя.

— Может быть, теперь что-нибудь скажешь? — ехидно спросил Бородач, прищурившись в зверином оскале.

Уланов бросил на него презрительный взгляд. Огонь разгорался все сильнее. Языки пламени уже подобрались к груди мужественного чекиста, который, гордо вскинув голову, крикнул так, что горы ответили ему протяжным, словно стон, эхом:

— Будьте прокляты, изверги! Да здравствует коммунизм!

…Помнят подвиг героя-чекиста и трудящиеся Турковского района, на территории которого погиб Федор Уланов. Пионерские дружины соревнуются за право носить его имя. Решением исполкома Турковского городского Совета депутатов

трудящихся от 13 января 1966 года улица Спадистая в городе переименована на улицу Федора Уланова.

В селе Рыково, на месте, где бандиты схватили отважного чекиста, высится обелиск, вокруг которого каждую весну расцветают красные розы. Они — как всполохи огня, сквозь который Федор Уланов ступил в свое бессмертие.

Петренко Николай
ШЕСТЬ ОГНЕЙ

На перепутье незабвенных дней
Сияют нам шесть дорогих огней.
Шесть звезд, шесть звучных песен,
шесть имен,
Записанных на зареве знамен,
Шесть лиц, прекрасных в доле
и в любви.
Идя в дорогу, всех их позови —
Они и так ведь первые в ряду:
— Идете с нами?
— Я иду!
— Иду!..—
К мечте прекрасной уж который год!
Сверяй же с ними дерзостный полет,
Мечту и радость юности своей.
Шесть лиц,
шесть верных судеб,
шесть огней.

Орехи уродили на славу. Дед Гавриил потрусил дерево, и они словно град посыпались в густую траву. Будет внукам чем полакомиться… Да и в Золочев на базар есть с чем съездить… И тут со стороны улицы послышались шум, возбужденные голоса. Старик присмотрелся. Он увидел, как отовсюду сбегаются односельчане, вездесущие мальчишки спешат получше устроиться на деревьях, растущих вдоль улицы.

От запруды шло подразделение, которое вел усатый гвардеец-старшина. Лица бойцов утомленные, одежда запыленная… Сколько пришлось им пройти нелегкими дорогами войны, прежде чем добрались они до его родного села Трудовач.

— Привет, отец! Ну, как орехи? — приветливо улыбнулся смуглый солдат, крайний в строю, — видно, бывалый, с орденом и медалями на груди.

— Щедро уродили. Заходите. И кроме них есть что отведать, — радостно оживился старик.

— Спасибо, отец, мы б и рады, да вот времени нет, — ответил боец, но все же повернул к плетню, подставил пилотку, в которую Гавриил обеими пригоршнями высыпал орехи.

— Обождите, я еще соберу… — метнулся дед к дереву, да только не было времени у солдат. Уж больно спешили они туда, на запад.

— Ну, как, друг Владимир, был в селе? — суровым хриплым голосом встретил Сосна Владимира Иванюка, который только что спустился в схрон.

Если бы кто-нибудь посмотрел в этот момент на лицо предводителя бандитской боевки, то его удивила бы разница между словом «друг» и злобным, звериным взглядом. Но парень знал: здесь обращение «друг» заведено как обязательное, поэтому на подобные мелочи не обращал внимания.

— Ходил. Там как раз солдаты прошли.

— Солдаты? В Трудоваче?..

— Да. Небольшое подразделение. Видимо, на фронт направлялось.

— Что ж, пусть идут на свою голову. Может, назад и не вернутся… А что люди?..

— Многие с радостью солдат встречали. Один старик даже орехами угощал…

— Кто?! — маленькие заплывшие глаза Сосны полыхнули недобрым огнем.

— Старик Шкаруда… Предупредить бы его надо…

— Предупредить? Ну, это уже моя забота… — И, повернувшись, бросил в темень схрона: — Ты, Гай, и ты, Назар, сегодня со мной в село пойдете!..

Минуту помедлил, будто что-то припоминая, потом сказал Владимиру:

— Ты пока свободный. Можешь отдохнуть. Завтра задание будет посложнее.

— Что же, дядя Дмитрий, его за тот десяток орехов убили?.. Так ведь получается?.. — дрожащим голосом расспрашивал Владимир уважаемого всеми односельчанами Дмитрия Болюбаша, к которому не раз заходил поговорить, посоветоваться.

Тот сидел печальный, задумчивый. Вроде и не слышал вопроса. Потом сказал: — И какой это гад мог навести на Шкаруду бандитов?..

— Но ведь я им ничего такого не сказал, — вдруг вырвалось у Владимира…

Болюбаш стремительно вскочил, крепкой рукой схватил паренька:

— Знаешь? Знаешь?.. И молчишь?.. О таком нельзя молчать, нельзя!.. Да стой же!..

Обнял парня за плечи, привлек к себе:

— Зайдем-ка в хату… Разговор был нелегкий.

— Не по дороге тебе с ними, не по дороге, покалечат они твою жизнь!..

Бывший фронтовик советовал Владимиру завтра же сходить в райцентр Красне к чекисту Антюфеву.

— Скажешь, что от меня, честно во всем признайся… Владимир колебался, но все же согласился с Болюбашем: действительно, так будет лучше…

Ведь как получилось: втянули его в это дело еще мальчиком, когда немцы здесь были. Говорили: «Будем бить этих швабов!..» А сейчас своим пулю в лоб.

Но когда вышел от дяди Дмитрия и садами пробирался домой, со страхом подумал: «Узнают — не помилуют, растерзают…»

Кончилась бессонная ночь. К утру Владимир собрал небольшой чемоданчик и глухой тропинкой пробрался к железнодорожному полустанку. Прощай, родное село!

Через полчаса поезд подвозил его к большому городу.

Директор Львовского ремесленного училища приветливо встретил парня. Внимательно выслушал его и велел написать заявление.

Учился он хорошо, старательно осваивал специальность, подружился с ребятами.

— А жизнь-то, оказывается, прекрасна! — не раз думал Владимир.

С удовольствием трудился на сооружении нового цеха завода автопогрузчиков, куда их водили после классных занятий. Это будет его родной цех, родной завод. Радостно Владимиру: лучшего места в жизни он и не мог желать себе.

Вот только по ночам не давали ему покоя мрачные мысли: клубятся еще в темных схронах бандеровские недобитки. Жалел, что не пошел тогда в район, по совету Болюбаша, к Антюфеву.

И радость, и страх перемешивались, не давали покоя…

Вдруг пришло письмо от матери. Горькое, страшное письмо.

«Уже, сынок мой, мы с тобой сироты… — горем дышали неровные буковки. — Убили отца, проклятые… И за то, говорили, что ты не захотел прислуживать им, убежал из ихних схронов. Предатель, говорили…»

Бродил вечерним Львовом, пораженный страшной вестью. Пальцы туго сжимались в кулаки. «Говорите, предатель? — стучит в сердце, в висках, вороша страх, горе, обиду и злость. — Нет,

врете, не предатель! Кого я предал? Втянули вы меня в свои схроны, уговаривали, угрожали…

Бежал от вас, говорите? Погодите же! Теперь я сам к вам приду! Не будете знать спокойной жизни, не будете! Завтра же еду в село — чтобы отомстить за отца, за Гавриила Шкаруду, за все!..»

И вот станция Красне. Владимир знает, куда ему обращаться. Тогда не послушал Болюбаша, а ведь он правду говорил, как родному советовал!

Внимательно слушает паренька заместитель начальника райотдела госбезопасности капитан Антюфев.

— Знаю пароль, если не изменился, знаю многие псевдо. И схроны знаю. Хочу помочь в ликвидации банды, что в лесу за Гологорами. Отца моего убили за то, что я ушел от них…

Капитан Антюфев пристально всматривается в паренька: не провокация ли? Всякое ведь случалось. Но нет, голос звучит искренне, глаза смотрят прямо, открыто… А отец его действительно был за новую жизнь, секретарем сельсовета работал…

— Хорошо, хорошо, Владимир. Давай теперь поразмыслим вместе. — Капитан достал небольшую зеленоватую карту, разложил на столе. — Значит, в лесу под Гологорами? Вот это место, должно быть. Ты можешь разобраться?..

Пришел секретарь райкома партии Петр Васильевич Земляной — дело ведь важное. Надо все взвесить, обдумать.

Решали долго. Было далеко за полночь, когда наконец разошлись.

На прощание Петр Васильевич похлопал Владимира по плечу:

— Молодец, спасибо за помощь.

Чекисты приняли Иванюка в свою семью. Первой операцией в которой он взял участие, была операция по ликвидации банды Сосны. К схрону опергруппу вывел Владимир.

В лесу он шел первым. За ним — капитан и Григорий Гаврылив, односельчанин. Как и Владимир, он решил помогать чекистам. Цепочкой растянулись бойцы.

В густом кустарнике Владимир остановился, взглядом дал понять капитану, что следует быть особенно внимательным. Тот поднял руку. Группа замерла.

Владимир раздвинул ветки, показал на старый пень:

— Здесь…

Должен быть запасной лаз, но где он, паренек не знал.

Кольцо сомкнулось.

Лесную тишину нарушила резкая команда капитана:

— Выходите! Вы окружены!..

В ответ — ни единого звука. Только испуганный дятел вспорхнул с высокого бука.

В схрон полетела граната. Взрыв — и снова над лесом воцарилась тишина.

— Разрешите?.. — Владимир виновато смотрел на капитана.

Тот молча кивнул. Паренек спустился в схрон. Лишь гнилое тряпье валялось там на полу. Сосна, почуяв опасность, — успел уйти.

Так же пусто было и еще в двух волчьих логовах, подходы к которым были известны Владимиру.

Но успокоение не приходило.

Тогда Владимир Иванюк и Григорий Гаврылив с разрешения Антюфева устроили неподалеку от Новоселок засаду на матерого бандеровца Мороза. На этот раз удача сопутствовала им. Бандит попал в западню.

Прошло немного времени, и в Трудоваче сформировался отряд ястребков: кроме Иванюка и Гаврылива в него вошли Василий и Дмитрий Болюбаши. Совместно с партийными активистами и чекистами юные патриоты принимали участие в операциях по ликвидации таких опасных преступников, как Чалый, Барабаш, захватили живым Волка.

А Трудовач жил своей напряженной жизнью. Возвращались демобилизованные из армии, а также узники и невольники с гитлеровской каторги. И все чаще возникали разговоры о коллективном хозяйствовании, об общем труде. И хотя ползли слухи о том, что бандеровцы будут вешать всех колхозников без разбору, люди уже прикидывали, как назвать родной колхоз, кого поставить во главе правления, на каких полях и что сеять.

Среди активистов много молодежи. Андрей Якубовский, работящий парень, умелый организатор досуга, возвратился из армии комсомольцем. Василий Болюбаш получил комсомольский билет еще осенью 1939 года. Не расставался с ним даже в застенках фашистского концлагеря. К Андрею и Василию тянулась трудовачская молодежь. В комсомол вступил с двумя сестрами — Анной и Екатериной — недавний солдат Павел Дыкало, вслед за ними подали заявление Мария Болюбаш, Николай Цильник, Надежда Желизко. Комсомольцы единодушно решили: поможем партийной организации создать в селе колхоз.

С началом весны село будто пробудилось, преобразилось. Сорок восемь семей объединились в общее хозяйство. Это была большая победа. Трактор перепахал межи, разделяющие узенькие наделы. Сеялка засевала широкое поле. Помолодевший ходил по полям первый в Трудоваче председатель правления колхоза

Дмитрий Болюбаш.

А вечерами, несмотря на бандитские запреты, над селом взмывали звонкие песни.

Тот воскресный день запомнился Владимиру Иванюку — почтальон принес нежданное письмо:

— Служебное!

— Ты откуда знаешь, что служебное? — рассматривая конверт, спросил Владимир.

— Еще бы не знать. Ведь адрес-то на машинке отпечатан… Впрочем, кто знает…

Напечатано на машинке было и само письмо. «Подлый предатель!.. — говорилось в нем. — Ты продался, сколько тебе заплатили?.. Но не забывай и о расплате, она будет страшной…» Дальше он не стал читать. Порвал письмо, выбросил.

Бесятся враги. Но нет, Владимира им не запугать!

Такие же письма начали получать и другие комсомольцы. А через несколько дней… плотный, сутуловатый человек в форме лейтенанта переступил порог сельсовета.

— Добрый вечер, участкового милиционера Болюбаша можно видеть?

— Это я, — поднялся из-за стола Василий.

— Немедленно собирайтесь, есть важное дело.

Они вышли на безлюдную улицу. Было уже темно. Лейтенант шел впереди. Болюбаш поравнялся с ним. Тот, не говоря ни слова, свернул на узкую, поросшую густым кустарником, дорожку, ведущую к запруде. Не успел Василий сделать по ней и нескольких шагов, как вдруг чьи-то крепкие руки схватили его.

Он попытался вырваться, но тут же ощутил на шее бандитскую удавку…

Только теперь Болюбаш понял, что это была провокация, понял, кем был этот неизвестный ему «лейтенант»…

Иванюк с Гаврыливым, другими ястребками несколько дней искали, прочесывали окрестный лес вдоль и поперек — тщетно. Тело товарища они так и не нашли.

Но отступать комсомольцы не собирались. На смену Василию пришел его брат Дмитрий. Еще больше активизировались ястребки. Вместе с чекистами они провели крупную операцию по ликвидации главарей националистических боевок, собравшихся на совещание в Червоном. Земля горела под ногами бандитов. Все острее и острее чувствовали они приближение неминуемого конца…

На колхозное поле Трудовача пришел праздник урожая. Рожь стоит стеной. Девушки едва поспевают за жаткой, вяжут тугие снопы. Слышен звонкий голос Анны Дыкало:

— Катя, не забыла? — кричит она сестре. — Завтра комсомольское собрание. Не опоздай, как в прошлый раз!..

Собрание открыл Павел Дыкало. Зачитал повестку дня. Можно начинать. Но все ли собрались? Оказалось, не все. Не было Ивана Хмиля. Правда, комсомольцы и раньше замечали, что он последнее время держится как-то особняком, да не очень обращали на это внимание: дел много, наверное, устает…

Куда-то девался и Михаил Стецышин.

Ну, его ждать нечего, он еще не комсомолец. Заявление, правда, подал, но вопрос о приеме еще не решен.

Тем временем потемнело, а в клубе всего одна лампа.

— Давайте все на сцену, чтобы каждого было видно, — предложил Владимир. Так и сделали.

Заведующая отделом райкома комсомола Мария Бутенко докладывала:

— Стране нужны квалифицированные рабочие. Мы должны отобрать среди сельской молодежи лучших и направить их в ремесленные училища.

Комсомольцы начали называть кандидатуры, нашлись и добровольцы.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулась Мария Бутенко. — А сейчас Павел Дыкало перейдет к следующему вопросу — о вашей работе по уборке урожая…

Но следующий вопрос так и не был рассмотрен. Зазвенело выбитое стекло — и за окном раздалась автоматная очередь, засвистели пули.

Прижав к груди руки, упала Мария Бутенко. Две подруги, две сельские учительницы Катя Ткаченко и Полина Гродская прильнули друг к другу, обливаясь кровью.

— Лампу, лампу туши!..

Присутствовавший на собрании коммунист Солдатенко сильным ударом сбил лампу со стола. Стало темно. За окном вспыхнуло еще несколько выстрелов.

И тут Солдатенко бросился к двери.

— Кто с оружием — за мной! Не дадим уйти бандитам!.. — крикнул он, доставая на ходу револьвер.

Выскочили на улицу. Никого. Бандиты успели скрыться.

Село ожило. От молотарки прибежала ночная смена, стали собираться люди. Кто-то принес фонарь. С ним вошли в темный клуб. Первым увидели Владимира Иванюка: стоял, упершись плечом в дверной косяк. Одной рукой закрывал рану на шее, в другой — держал револьвер. Вокруг стола — убитые, раненые…

Бросились оказывать помощь. Слышались стоны, рыдания…

Жалобно плывут над селом звуки похоронного марша. Трудовач провожает в последний путь своих сынов и дочерей. Обитые красным кумачом, стоят шесть гробов — все в цветах.

На трибуне секретарь комсомольской организации Павел Дыкало. Говорить ему тяжело. Слезы текут по щекам, но он не замечает их.

— Клянемся вам… товарищи, комсомольцы… Не отступим ни на шаг!.. Построим новую жизнь!.. Это будет лучшим памятником вам!..

Трижды прогремел прощальный салют. Над общей могилой подымается, выростает холм земли. Но никто не расходится.

Комсомольцы укрепляют траурную табличку. Шесть имен значится на ней: Андрей Якубовский, Екатерина Дыкало, Мария Бутенко, Екатерина Ткаченко, Полина Гродская, Владимир Иванюк. Заведующий клубом, колхозница, секретарь райкома комсомола, две учительницы и он, первый чекист Трудовача.

Рассчитывали бандеровцы запугать людей, разогнать комсомольскую организацию, колхоз — но не вышло. Живет Трудовач, а вместе с ним и память о его героях.

Ведь вера в жизнь сильнее, чем беда.
Да, в бронзу мы врастаем навсегда,
Врастаем в жизнь, в неистовство мечты,
В сиянье веры, правды, красоты,
В пшеничный колос, в зарево знамен —
Шесть лиц, шесть судеб, шесть родных имен.
В граните, в песне, что звенит, светла
Над светлой долей нашего села,
Над светлой долей всей страны моей —
Шесть звезд,
шесть светлых судеб,
шесть огней!

Нечай Мирослав
ЗАСАДА

Во время одной из наших встреч Александр Васильевич Ипатов показал мне старую фотографию, на которой было запечатлено веселое, энергичное лицо усатого юноши.

— Таким я был сорок с лишним лет назад, — сказал он.

Я невольно перевел взгляд на лицо собеседника, словно сравнивая этого пожилого человека с тем, что на фотографии.

— Да, сорок с лишним лет назад… — задумчиво повторил Александр Васильевич и добавил: — Я был тогда оперативным работником в органах государственной безопасности. Здесь, в Прикарпатье.

Полковник в отставке Ипатов принадлежит к тем людям, которые заслужили уважение и признание мужеством и самоотверженностью в борьбе с нашим классовым врагом. Он из той когорты славных чекистов, которые после изгнания гитлеровских захватчиков из западных областей Украины

очищали эти земли от националистических банд, расплодившихся здесь во время фашистской оккупации…

Рассматривая пожелтевшую фотографию и другие снимки, я попросил Александра Васильевича поведать о своей чекистской деятельности. И услышал эту историю, которую попытаюсь воссоздать как можно точнее, позволив себе изменить лишь некоторые имена и географические названия.

I

Однажды глубокой осенней ночью 1951 года неподалеку от Борислава запоздалый путник мог увидеть, как по извилистой каменной дороге к перевалу медленно ползла полуторка. Натужно гудел мотор, свет фар выхватывал из темноты круто обрывающиеся обочины, поросшие мелколесьем, ущелья, подножья покрытых черным лесом горных склонов…

Достигнув перевала, за которым дорога спускалась более полого, автомашина покатилась легко, почти беззвучно, быстро миновала село и остановилась. Мотор умолк, фары погасли. Открылись дверцы кабины, и на землю соскочил молодой человек в фуфайке и ватных брюках, заправленных в сапоги. На голове — шапка-ушанка, на плече — автомат. Он тихо сказал:

— Прибыли! Отсюда — уже своим ходом.

В кузове кто-то заворочался. Над кабиной замаячили двое. Один — высокий, плотный — молча перевалился через борт. Тот, что остался в кузове, подал ему оружие, туго набитые вещевые мешки и тоже соскочил на землю. Помогая друг другу, все трое, разобрав груз, взвалили его на плечи.

— Бывай, — сказал шоферу молодой человек, который, очевидно, был за старшего.

Вскоре приехавшие, которых нелегко было разглядеть в густых сумерках, исчезли в придорожных кустах, а полуторка развернулась и пошла в обратном направлении.

Старший (это был Александр Ипатов) шел первым. Он хорошо ориентировался в темноте, чего нельзя было сказать о высоком, который, идя следом, часто оступался и тихо поругивал кого-то.

Третий прыснул:

— Разучился ходить по ночам!

— Тихо, хлопцы!..

Выбравшись из оврага, очутились на вспаханном поле.

Сапоги вязли в рыхлой почве. Прошагав метров пятьсот, попали на борозду, долго шли по ней, пока не почувствовали под ногами натоптанную тропу. Совсем близко угадывался хутор. За

ним, они знали, в долине течет Стрый, а по ту сторону реки громоздятся горы.

Старший остановился.

Гостей там сейчас не должно быть, — молвил. — И все же надо быть готовыми ко всему. Я подойду к окну, а вы — осмотрите подворье.

— Собака есть? — поинтересовался высокий.

— Нету. Дом стоит на околице, и соседские псы вряд ли услышат нас.

Они приблизились к темной массе построек. Старший осторожно подкрался к окну хаты, задернутому белой занавеской. Прислушался: ни звука. Его спутники, обойдя вокруг дома, возвратились, показывая условными знаками, что ничего подозрительного не выявлено. Ипатов постучал по стеклу. Раз, два… Потом еще дважды подряд. Так, видимо, договорились. Подождал немного и повторил звук. Край занавески поднялся, и за стеклом показалось женское лицо.

— Это я, Саша, — тихо назвал себя ночной гость. Занавеска опустилась, и вскоре послышался скрежет дверного засова. Их впустили в дом. В сенях было темно хоть глаз выколи. Пахло яблоками, к этому пьянящему аромату примешивался запах навоза. В стороне, за стеной, послышалось легкое шуршание, но Александр на это не реагировал — знал, что там хлев, в котором содержится корова с телком. Ипатов на ощупь пошел за хозяйкой. Он хорошо знал расположение сеней, где приставлена лестница, по которой можно взобраться на чердак, ясно представлял себе пустоту над головой под высокой островерхой крышей… В открытых дверях, ведущих в жилую половину дома, увидел смутные очертания женской фигуры с непокрытой головой, с накинутым на плечи платком.

— Добрый вечер, — произнес тихо.

— Добрый… — ответила женщина.

— Пришли мы, Екатерина Ивановна… Гостей не было?

— Нет.

— Вот и хорошо. Все дома? Аня, Марийка? Со мной двое товарищей, утром познакомитесь. Все приготовили, как договорились?

— Да.

— А теперь слушайте меня: до утра будем сидеть в сенях, днем переберемся на сеновал… Вы занимайтесь своими делами, словно нас здесь нет. Но сразу же предупредите в случае чего. Один из нас, — в голосе Александра зазвучали веселые нотки, — самый молодой и красивый, Миша, или Михаил, называйте как хотите, наденет на себя Марийкину одежду…

— Йой! — смущенно прозвучал девичий голос. — Мою одежду?

— Да, Марийка, еще и платком повяжется… Когда они придут, появится перед ними, будто это ты.

— Может, отправить ее в Борислав, к моей сестре? — спросила Екатерина Ивановна.

— Нет! Не нужно… Пусть будет все так, как всегда…

Слушайте внимательно: когда придут — Анна впускает их, а сама быстренько возвращается в комнату, будто хочет что-то взять для них, и зовет Марийку, чтобы помогла. Тогда появится наш Михаил. Ну, а дальше мы делаем свое дело. Если же не захотят войти, тогда…

Он еще несколько минут разъяснял им, наставлял, как вести себя и действовать в разных ситуациях.

— Ясно?

— Ясно, но страшно.

— Когда все начнется, станет не до страха. Да и займет это лишь несколько минут. Вашу безопасность мы обеспечим. И еще запомните: чтобы никто не стоял напротив дверей и окон. Если начнется стрельба, прячьтесь за печь, под кровать, куда хотите, только вон от окон и дверей… А сейчас, Анна, осмотрим бочку. А вы дайте Михаилу платье и платок.

Стоявшая в углу сеней бочка от легкого усилия не сдвинулась с места.

— Что в ней? — спросил, ощупывая холодные и влажные обручи.

— Яблоки.

— Люблю квашеные яблоки… Степан, помоги сдвинуть. Степан — это тот, высокий и плотный, — молча откатил бочку. Ипатов разгреб тонкий слой земли — пальцы нащупали дощечки, под которыми в углублении, как он знал, лежали наполненные «продуктами» мешочки.

— Порядок, — промолвил Александр.

Когда бочку установили на место, прошептал:

— А теперь спать. Все остальное — утром. Как там наш красавец? Что-то долго маскируется! Запомни, Степан, твое место здесь, я — возле входных дверей, Михаил — в комнате…

II

В доме установилась тишина, но Александр знал, что хозяйка и ее дочки скоро не уснут, будут с тревогой думать о том, чем все это закончится…

Сам он, примостившись возле стены, начал обдумывать, как лучше выполнить порученное задание. Кажется, продумано и подготовлено все основательно. С хозяйкой дома и ее Дочерьми — полное взаимопонимание, помощников сам подобрал, в управлении их обеспечил всем необходимым.

А началось все с того, что старшая дочь хозяйки этого дома, Анна, пришла в областное управление Министерства государственной безопасности и рассказала, что ночью в их дом приходили двое (один — из их села), приказали приготовить много сахара, круп, сала и еще кое-что, сказали, что продукты заберут позднее. Велели обо всем этом никому ни слова. Иначе…

В управлении заинтересовались сообщением Анны. Из разных источников чекистам уже было известно, что кое-где в горах в этом районе в хорошо замаскированных схронах прячется несколько бандеровских вожаков. Сидят, как крысы в норах. И за границу не бегут, и активных действий не предпринимают — ждут чего-то.

Впрочем, в этой пассивности тоже определенный смысл: оуновцы, окопавшиеся за границей, имели какую-то зацепку для оправданий перед новыми хозяевами, — сопротивление большевикам, мол, продолжается, оружие не сложено.

Не так-то просто отыскать эти схроны, выкурить из них бандитов. С наступлением зимы, когда горы покроются снегом, они затаятся в своих норах до самой весны. Поэтому и должны запастись продуктами. Значит, к Анне приходили «заготовители».

— Так кто он, тот, из вашего села? — спросил майор Жаботенко Анну. Старший лейтенант Александр Ипатов присутствовал при этом разговоре.

— Петр Иванив. По-ихнему — Серый. В селе о нем давно уже не слышно. Думают, что убит или пропал где-то…

— Выходит, жив?

— Да. Сказал, чтобы тайно купили не менее десяти килограммов сахара, достали гречневой крупы, сала, лук, чеснок. Сахар и крупу велели насыпать в стеклянные или железные банки. Все это упаковать в два мешка, завернуть в толь и закопать в огороде.

— Что еще говорил?

— Запугивал. Головы свои положите, сказал, если меня продадите. Не я, так другие отомстят…

— И ты решила прийти к нам?

— Да. Мы посоветовались, и вот я у вас.

— А не боишься мести?

— Страшно, конечно. Но надоели они… Сколько страху натерпелись, какие муки перенесли из-за них! Казалось, все уже

кончилось, люди свободно вздохнули, успокоились, и вдруг — на тебе! Снова давай ему продукты. Да кто он мне такой? Чтобы этот подлец командовал мной, чтобы из-за него ломалась моя жизнь? Этому не бывать!

— Ясно… Но его еще надо поймать. Поможешь нам? Поможете всей семьей?

Девушка молча взглянула на них, и только теперь, здесь, в засаде, вспоминая этот разговор, Александр понял, что удивило его в ней тогда, когда она, высокая, худощавая, в простом, с нехитрым цветистым узором платье, вошла в кабинет Жаботенко: глаза. Серые, почти прозрачные…

— Согласна, — промолвила Анна твердо.

Майор попросил ее, чтобы назавтра вся семья перед обедом была дома.

— Мы с ним, — кивнул на Ипатова, — как обыкновенные крестьяне будем проезжать на подводе мимо, остановимся, зайдем в дом попить воды…

На другой же день отправились на хутор. Познакомившись с хозяйкой дома — пожилой женщиной, Екатериной Ивановной, с младшей сестрой Анны — Марийкой (и у нее были такие же удивительные глаза), Жаботенко и Ипатов внимательно осмотрели хату с островерхой соломенной крышей и решили устроить здесь засаду.

И вот теперь старший лейтенант и его помощники сидят притаившись, а в соседнем селе терпеливо ждут их сигнала майор Жаботенко с людьми, автомашиной и собакой…

Александр стал в мыслях «проигрывать» запланирован ную операцию. К ней готовились старательно. Предусмотрели все до мелочей. Исполнителей подобрал сам. Тот, кому выпало играть роль Марийки, даже лицом, фигурой был похож на девушку.

Кажется, все продумано. Приманка — бочка с яблоками, под которой спрятаны упакованные мешки. Бандиты приказали спрятать продукты в огороде, майор же предложил в сенях, и Анна должна объяснить Серому, что так, мол, безопаснее.

Итак, когда бандиты придут, Анна отворит им дверь и, не выходя за порог, сообщит, где спрятаны продукты. Затем быстро возвратится в комнату, позовет сестру помочь ей. Вместо сестры появится переодетый Михаил. Старший лейтенант, притаившись за дверью, пропустит первого бандита, которого обязательно нужно взять живым; Степан, место которого около бочки, набросится на этого первого, Михаил поможет Степану, а он, Александр, займется вторым.

А если один останется возле окна, в которое Серый постучит, как договорено? Тогда второго берет на себя Михаил, а он,

Ипатов, помогает Степану схватить того, кто войдет в сени.

Впрочем, бандиты могут остаться у порога и приказать Анне самой вытащить из ямы продукты и вынести им. Тогда переодетый Михаил, помогая девушке, подойдет к ним с мешком и схватит того, кто первым ступит ему навстречу. Михаилу поможет Степан, Ипатов откроет огонь…

Да, вариантов много… Ну, а если кому-либо из бандитов удастся удрать? Тогда Степан и Михаил будут преследовать его, а Ипатов побежит в сельсовет и позвонит майору Жаботенко.

Александр вздохнул. Как все просто: если, если… Да разве все предусмотришь? Продуманы и отрепетированы лишь наиболее вероятные варианты. Но ведь не исключены любые неожиданности…

Не исключены…

Он начал обдумывать, какие именно неожиданности и осложнения могут возникнуть. Вспомнил, что случилось несколько дней назад. Тогда после обеда в управление пришел взволнованный человек из пригородного села, которое раньше, когда он, Александр, еще был оперативным работником райотдела МГБ, входило в зону его деятельности. Пришедшего Ипатов знал. Он сообщил, что в селе — бандиты, сидят в крайней хате. Один из них, по кличке Мак, был известен чекистам как референт пропаганды районного провода. После того, как пришедшему были предъявлены фотографии других бандеровских главарей, он указал также на снимок референта СБ (службы безопасности) надрайонного провода Холодного.

— Твоя бывшая парафин, твоим был Мак — тебе и карты в руки, — сказал Ипатову его начальник. — Бери кого нужно и действуй.

В райотделе, куда он заехал, посоветовались и решили: поскольку скоро стемнеет, подкатить на автомашине прямо к той хате, где сидели бандиты, и с ходу атаковать их. Не теряя времени, Ипатов взял группу сотрудников райотдела, на ходу поставил им задачу…

Машина въехала в село и сразу же подкатила к той хате. Окружили ее. Ипатов крикнул, чтобы бандиты сдавались. Конечно же, думал он, они так легко не дадутся им в руки — слишком уж много людской крови пролили. Знают, что ждет их.

Лежа за цементным кругом колодца и внимательно наблюдая за окнами и дверью хаты, занятый единственной заботой — не прозевать бандитов, Ипатов не заметил, как на улице вдруг появился сотрудник райотдела, которому ничего не было известно об операции. И появился в тот самый момент, когда в хате раздались два выстрела (Холодный застрелил Мака).

Распахнулось окно, из него вылетела граната. На какое-то мгновение Ипатова оглушил близкий взрыв, но он успел увидеть, как из окна выпрыгнул бандеровец. Пули свалили убегающего. А сотрудник райотдела не успел сориентироваться и был ранен осколком гранаты. Мог погибнуть ни за что ни про что! Вот такая была неожиданность.

А какая неожиданность может быть теперь? Нет, всего не предусмотришь…

Ипатов резко поднял голову, прислушался: что-то зашуршало возле хаты — будто кто-то ступил на сухие листья. И снова воцарилась тишина. Ветерок подул? Возможно…

III

За дверью, ведущей в жилую комнату, послышался приглушенный перезвон Кремлевских курантов. Ипатов потянулся, тихонько крякнул. Шестой час — «гости» уже не придут… Спросил шепотом:

— Не спишь?

— А… мучаюсь, — хрипло ответил Степан. — Ох и нудно же вот так коротать ночь!

Александр толкнул дверь, вошел в комнату.

— Доброе утро! Можете подниматься. Пусть и впредь так будет: радио с вечера не выключайте, а как только утром заговорит — поднимайтесь. Занимайтесь своими делами, как обычно, а мы в это время будем на чердаке… Там постелено?

— Да. Рядна, кожух… Возьмите еще подушки! — предложила Екатерина Ивановна, — и перину, холодно все-таки…

— Спасибо, не нужно.

— Завтракать будете?

— Позже. Екатерина Ивановна, когда будете уходить, запирайте хату так, чтобы все видели: на замке.

— Что приготовить на завтрак, на обед?

— Ничего не нужно. Продукты имеем. Кипяток оставьте. А если и картошки сварите — не откажемся. Естественно, заплатим.

— Еще чего! — обиделась Анна.

— Да, хочу попросить: не задерживайтесь, девчата, в селе по вечерам. Как стемнеет — домой.

Переговариваясь шепотом, Ипатов и его помощники быстро устроились на чердаке. Сам он, засыпая, слышал, как скрипели двери, как женщины ходили по сеням, по двору, возились возле коровы, как молочные струйки звонко ударяли в стенки подойника…

Проснулся от легкого толчка. Быстро приподнялся на руках и увидел обрамленное темным платком лицо хозяйки, которая стояла на лестнице.

— Можете спускаться, — прошептала.

Через минуту она вышла во двор — в распахнутую дверь на мгновение заглянуло солнце, ярко осветив сени. Затем звякнул замок.

В комнате, куда они перешли, захватив вещевые мешки, было тепло, уютно, пахло наваристым борщом.

— Борщик! — обрадовался Михаил, заглядывая в кастрюлю на горячей плите.

Ипатов осмотрелся. Знакомая обстановка! Много раз виденная в таких же сельских хатах. Лавки под окнами, две деревянные кровати, покрытые рядами домашней работы, потемневший от времени стол, сундук в углу, старый шкаф. На стенах — иконы, пожелтевший от времени портрет Тараса Шевченко, фотографии. С одной из них на него смотрит усатый польский солдат в конфедератке. «Наверное, муж хозяйки, — подумал, — отец девушек. Куда делся? Возможно, бесследно исчез в водовороте войны…»

Кровати аккуратно застелены, на столе и скамейках — ничего лишнего, пол чисто подметен. Безусловно, это ради них женщины так постарались.

Выглянул в окно. Сквозь голые ветви деревьев внизу видна серая лента дороги, покатый берег реки, за ней — горы в темно-зеленом одеянии леса, а дальше — пожелтевшие, оголенные склоны и вершины. Над всем этим — безоблачное, наполненное солнечным светом небо. Как в сказке!

Подошел ко второму окну. Из него были видны соседские постройки, такие же, как и эта, — рубленые, с островерхими потемневшими соломенными крышами, с узкими верандами вдоль стен. Третье окно выходило на огороды.

— Ты бы побрился, — сказал Ипатов Михаилу, который сбросил с себя верхнюю одежду. — Тоже мне девушка со щетиной.

Умылись, сели за стол. Степан вытащил из вещевого мешка и разложил хлеб, сахар, копченое мясо, масло, алюминиевые кружки и ложки…

— С разрешения хозяйки, хлопцы, отведаем борща. Молодцы женщины! Надо будет отблагодарить их, когда все закончится.

— Скоро ли? — засомневался Степан. — Не придется ли сидеть на чердаке до белых мух? Кто ведает, когда придут… Я же их повадки знаю! А то, глядишь, в другом месте объявятся. Думаешь, продукты только здесь заказали?

— И такое может случиться, — согласился Ипатов. Однако не сказал, что засады устроены в нескольких местах…

— Скорей бы уж пришли! — продолжал Степан. — Осточертело все! Кажется, на всю жизнь набродился по горам и лесам, как дикарь, насиделся в схронах…

— Так ты же за «самостийную» боролся, — поддел его Михаил.

— Дураком был. И нечего меня упрекать! Тоже мне умник нашелся…

— Хватит вам, — вмешался Ипатов, — расшумелись…

В комнате наступила тишина.

Хлебая горячий борщ, Ипатов подумал, что нужно будет сказать Михаилу, чтобы не дразнил Степана. Зачем напоминать ему о самом больном?.. Ведь несколько дней назад, задетый Михаилом за живое, Степан ответил резко: «Твое счастье, что ты не попал в беду, как я. В ястребках очутился, комсомольцем стал — теперь мудрый! Чистенький… А я хоть и запятнанный, зато своим разумом дошел, то к чему, где правда, а где кривда. Понял? Своим! Я человек битый. И за битого, говорят, двух небитых дают! Попал же я в беду из-за темноты своей… Ведь всего два класса. В школе священник не грамоте, а молитвам учил. Потом — война, а село оторвано от мира. Думаешь, легко было уяснить, кто прав, а кто нет?.. Теперь вину свою искупаю. И если уцелею, — навсегда уйду отсюда, поеду в другую область, устроюсь на работу, подыщу себе жену — и буду жить, как все!.. И никто не будет меня прошлым упрекать. Никто моим детям не скажет слова худого!»

Нет, он не ошибся, взяв их в помощники. Верил Степану, знал, что этот тридцатилетний здоровяк, который хотя и груб по натуре, зато совестливый, не подведет в самой сложной ситуации. Он и вправду по темноте своей очутился в банде. И надо отдать ему должное: со временем понял, что попал, как сам говорит, в беду. Бандеровщина так и не сумела сделать из него подлеца. Было известно, что его даже хотели пристрелить, когда отказался обагрить свои руки невинной кровью. Вскоре после этого удрал от них, раскаялся и попросился в одну из сельских групп самообороны на участке, где работал Ипатов. Он не раз брал его с собой, испытал в деле…

Михаил — тоже боевой, из комсомольцев-ястребков, которые с оружием в руках боролись с бандеровцами. По-разному сложились судьбы этих людей, но обоим Ипатов верил и ценил их.

Позавтракав, они возвратились на чердак.

— Спать, спать, — приказал старший лейтенант, слыша

сквозь дремоту, как Степан что-то доказывает Михаилу…

Проснулся он под вечер. Посмотрел на часы. Пора было готовиться к ночи. Когда хозяйка появилась в сенях, попросил, чтобы, пока будут ужинать, Марийка на всякий случай подежурила во дворе. Пусть рубит хворост или что-нибудь другое делает, но чтобы никто случайно не вошел в хату.

Из села возвратилась Анна. Поднявшись по лестнице тихо рассказала: были представители из района, собирали людей. Говорили, между прочим, и о том, что кто-то ворует колхозный картофель, не убранный до сих пор. Воров ищут…

— Сюда могут зайти, — встревожился Ипатов. — Вот что, Аня: сделайте так, чтобы мы своевременно узнали, если и ваше хозяйство осмотреть пожелают…

«Тьфу! — выругался про себя. — Не было забот…» Теперь хоть участковому милиционеру открывайся!..

— Слышали, хлопцы? — обратился к своим товарищам. Его тревога передалась им. — Готовимся к неожиданностям…

IV

Но все обошлось благополучно. Кого-то там задержали с мешком накопанной на колхозном поле картошки, и на этом закончилось.

Между тем время шло, а бандеровские заготовители не являлись. В хате вскоре свыклись с необычной обстановкой, у хозяев и их тайных квартирантов выработался определенный суточный ритм жизни. Каждое утро, как только оживал репродуктор, Ипатов со Степаном оставляли свои посты, Михаил снимал женскую одежду, и они лезли на чердак. Когда женщины управлялись по хозяйству и уходили на работу, спускались в натопленную, убранную комнату и расслаблялись, как говорил Александр, — умывались, завтракали, грелись. Потом возвращались на чердак и спали кто сколько мог.

Иногда к хозяевам заходили соседи, и тогда на чердаке замирали… Вечерами Ипатов узнавал о сельских новостях. Наконец женщины ложились спать, а старший лейтенант и его помощники занимали свои места.

Ипатов следил, чтобы этот ритм ни в коем случае не нарушался.

По ночам в сенях стояла мертвая тишина. Прислушиваясь к посторонним звукам, Ипатов думал о разном. Ему вспоминалось родное село близ Вологды, отчий дом. Он, девятнадцатилетний, уходил в армию. Война длилась уже больше года. Напряженная

учеба в военном училище, подъем по тревоге в одну из августовских ночей сорок третьего, марш-бросок через леса и болота, первый бой, в котором он командовал минометным расчетом… Ночью, когда бой прекратился, он, оглушенный, ходил вместе с другими по склону отбитой у врага высоты, подбирал убитых и раненых. Теперь, вспоминая свое боевое крещение, гордился, что добросовестно выполнил долг солдата и даже отличился: был награжден за тот бой орденом Славы III степени.

На передовой вступил в партию. Через некоторое время его снова направили на учебу, на этот раз в специальную школу, в которой готовили контрразведчиков. Пока учился, война закончилась. И вот он здесь, в Прикарпатье. Впрочем, дело, которым он занимается вот уже пятый год, мало чем отличается от работы армейских контрразведчиков военного времени, даже, может быть, и посложнее. Сначала — ликвидация националистических банд, оставшихся здесь с войны, а теперь вот — поиск и уничтожение вооруженных оуновцев-одиночек.

Пятый год живет он по-фронтовому. Сейчас, правда, уже не то, что было раньше, когда гонялся за бандами по лесам и горам, постоянно выезжал в села, на хутора, ночевал где придется, питался как удастся и все время был в напряжении, в опасности, ибо враг был опытен, жесток и коварен. Да, теперь обстановка другая, нежели тогда, в конце сорок шестого.

Вспоминая начало своей чекистской деятельности, когда на его участке действовало несколько десятков бандитов, которых он заочно хорошо знал, впрочем, как и они его, Ипатов подумал, что для него, наверное, самым сильным стимулом в этой работе было желание быстрее искоренить зло, мешавшее здешним людям жить по-новому. Охваченный таким стремлением, он был настойчив в поисках бандитов и их схронов и честным в своих взаимоотношениях с жителями сел и хуторов, где приходилось действовать. Они же, увидев, с какой самоотверженностью и чистосердечностью этот русский парень хочет избавить их от бандеровского террора, несмотря на его молодость, быстро прониклись к нему уважением и доверием. Все больше становилось у Ипатова помощников, в первую очередь сельских активистов и тех, кто пострадал от оуновцев.

Сам он стал за это время опытным оперативным работником, и еще насмотрелся за эти годы на трупы, извлеченные из колодцев, рек, лесных ям, не раз держал в руках оуновское изобретение — удавку, которую закручивали на шее жертвы, не раз бывал в хатах, где стены забрызганы кровью не только взрослых, но и грудных детей…

Ипатов не переставал удивляться, как сам остался цел и невредим, хоть смерть не раз смотрела ему в лицо.

Если бы, скажем, тогда, во время автоматной дуэли с Сойкой, не опередил на какую-то долю секунды бандита, — не сидел бы сейчас здесь. Тот Сойка был убийцей-профессионалом. Заклятый оуновец, который еще в тридцать девятом перешел на нелегальное положение, во время войны прислуживал гитлеровским оккупантам, а после их бегства, создав банду в своем селе, терроризировал всю округу. Ипатова, выслеживавшего Сойку и не раз видевшего результаты его «работы», поражала не столько жестокость бандита, сколько бессмысленность совершенных им злодеяний.

Ну за что, скажем, убил он того демобилизованного солдата, который возвратился домой, провоевав всю войну? Не успел фронтовик опомниться, как нагрянул Сойка. Его сообщники стянули солдата с постели, связали руки, вывели во двор и расстреляли. Отец до сих пор хранит веревку, которой был связан сын, показывает ее всем, кто заходит в хату, спрашивая одно и то же:

— За что?

До сих пор никто — ни односельчане, ни чекисты — не знает, за что была убита семья Дидыча. Может быть, за то, что жена — полька? Их расстреляли, где застали: жена возилась возле плиты, готовя ужин, Дидыч сидел на стульчике и резал листья табака, дочь как раз возвращалась от подруги…

Так что нетрудно представить, как радовались люди не только в селе, где родился этот выродок, но и во всей округе, когда после поединка Ипатова с ним во ржи, куда бандита загнали ястребки, Сойку настигла его, Александра, пуля.

Сколько же он сам и вместе с другими обезвредил головорезов и их руководителей?

И кто же теперь засел в этих горах?

V

Десять суток просидели они в темных сенях, пролежали на холодном чердаке. За это время они здесь освоились, а хозяева привыкли к их присутствию. Продолжительнее стали разговоры Александра с хозяйкой, растягивались вечерние беседы его помощников с девушками. Ипатов заметил, что Степан посматривает на Анну, все с ней переговаривается, а Михаилу, видимо, больше нравится Марийка. Но не придавал этому серьезного значения, уверенный, что ухаживанием все и

закончится.

Когда прошла десятая ночь, он прервал засаду. Это было предусмотрено планом: если «заготовители» в течение десяти дней не придут, они оставляют хату и тем же путем, каким добрались сюда, возвращаются в Дрогобыч.

Так и было сделано.

В управлении, выслушав доклад Ипатова, сказали:

— Они должны прийти. Насколько нам известно, нигде в другом месте «заготовители» не появлялись. Поэтому необходимо продлить операцию. Как, хватит терпения? Должно хватить… Так что пополните запасы продуктов и готовьтесь высидеть, по крайней мере, еще дней десять.

Затем все, кто имел прямое отношение к операции, собрались в кабинете начальника и стали выяснять, что не принято во внимание, не продумано как следует.

— Связь, — сказал майор Мороз.

— Да, связь, — поддержал его Ипатов. — Со связью, мне кажется, неувязка. Каким образом мы, например, могли помешать местным властям провести картофельную проверку?

— Придется сделать так, чтобы без нашего согласия на этой территории никто не проводил никаких массовых мероприятий, особенно в ночное время. Да и нашим людям вместе с милицией и ястребками следует искать бандитов подальше от села, в лесу, и только днем. А звонить из сельсовета будешь, как договорились раньше, только майору Жаботенко. Пароли не меняются…

Они прибыли на место с наступлением темноты. Как и в первый раз, некоторое время терпеливо наблюдали за хатой, что белела в темноте, манила к себе освещенными окнами, потом осторожно приблизились, постучали и вошли.

— Погасите свет, — попросил Ипатов, когда хозяйка закрыла за ними дверь.

Быстро управились с привычным делом: мешки забросили на чердак. Михаил натянул на себя женскую одежду. Поужинали.

— Вы думаете, что они все-таки придут? — спросила Екатерина Ивановна. — У меня уже сил нет, измучилась, ожидая, что из этого выйдет… И девчата замучились. У Марийки даже сердце разболелось. Господи, хотя бы скорее все закончилось!

— Придут, придут! — успокоил ее Ипатов. — Будем сидеть здесь, пока не поймаем их! Если не мы, то другие сделают это… Вас что-нибудь беспокоит?

— Да нет, ничего…

— Думаете, узнали, что мы здесь?

— Разве такого не может быть?

— Может. Если девчата проговорились или повели себя не

так, как нужно.

— Нет! За них я ручаюсь. А вот не выследил ли кто вас? их, боюсь, что из этого ничего не выйдет!

Ипатов засмеялся:

— Если посидим у вас еще с полмесяца — что-нибудь обязательно выйдет. Парни, вижу, поглядывают на девушек. Зятей будете хороших иметь, Екатерина Ивановна.

— Ох, так-так, — невесело ответила хозяйка. — Вам шутки шутить…

Естественно, думал потом Ипатов, бедной женщине не до шуток. В течение нескольких последних суток, которые прошли после их возвращения из Дрогобыча, он не раз задумывался над тем, что случилось, почему не идут, — не сорвалась ли операция, и не сделал ли он какого промаха…

VI

Наступил четырнадцатый вечер. Они уже собирались спускаться с чердака, ожидали только Анну, которая задержалась в селе. Поэтому, услышав осторожные шаги возле хаты, шорох листьев под ногами, Ипатов подумал, что это возвращается девушка. Но вдруг почувствовал: нет, не она! Махнул рукой — все замерли. Что за поздний гость?

Входные двери распахнулись, и в сени ступил кто-то громоздкий. Теперь его можно было рассмотреть в свете керосиновой лампы. Нет, он не был похож на обычного крестьянина. В руке, кажется, автомат.

Неужели — они? Но ведь еще совсем рано! Может быть, кто-нибудь из группы общественного порядка? Не похоже…

Старший лейтенант не расслышал первых слов, с которыми неизвестный обратился к хозяйке и Марийке, однако краем уха поймал последнюю фразу:

— Мы спешим! Быстро! — обронил тот и, не задерживаясь, вышел во двор, шаги его удалились и стихли за хатой…

Безусловно, это — они! Сказал «мы», значит — не один. Сколько же их? Мозг Ипатова напряженно работал в поисках правильного решения, которое необходимо было принять немедленно… Весь план, так детально разработанный, мог полететь к черту…

— Вниз! — шепотом скомандовал Ипатов и первым соскользнул по лестнице.

Дверь в комнату снова скрипнула, вбежала Марийка.

— Вдвоем они! — взволнованно прошептала.

— Куда он подался?

— В конце огорода, на межу, в кусты. Там тот, другой, ожидает. Сказал, чтобы вынесли поесть, а потом — мешки с продуктами… Мокрый весь! Речку вброд переходили.

— Вот что, — твердо сказал Ипатов. — Беги к ним и зови в хату. Скажи, что так безопаснее, нежели на огороде. Рано еще, люди ходят, ястребки патрулируют… Ну, бегом! Скажешь, пусть обогреются, обсушатся! Будь настойчивой — уговаривай. Будет очень плохо, если не поймаем их, выпустим живыми… Беги! А вы, ребята, — по местам!

Заглянул в комнату, посредине которой застыла растерянная Екатерина Ивановна.

— Не стойте так! Подбросьте-ка лучше дров в плиту, — гости ведь прозябли, — и готовьте ужин! Прикрутите лампу, чтобы не очень светло было!

С этими словами он закрыл дверь, прошептав в темноту:

— Придут — действуем по первому плану! Только ты, Михаил, теперь встань напротив Степана!

Через несколько минут возле хаты снова послышались поспешные легкие шаги — старший лейтенант понял, что Марийка возвращается одна. Войдя в хату, девушка взволнованно сообщила:

— Сказали, чтобы позвала, когда будет все готово. Должна впустить через те двери, что ведут с огорода.

А под теми дверями, мелькнуло в голове Ипатова, куча картофеля, яблоки. В темноте не мудрено споткнуться и упустить то единственное мгновение, которое может решить успех операции. Хотя бы Анна задержалась, теперь она не нужна!

Послышались тяжелые осторожные шаги. Наконец, вот они… Передний, войдя в сени, не успел сделать и нескольких шагов, как на него навалились Степан с Михаилом и повалили на пол, а Ипатов нажал на спусковой крючок автомата, как только в сером прямоугольнике раскрытых дверей появилась неясная, словно тень, фигура второго бандита. Короткая очередь, сдавленный стон — и она тут же исчезла.

Ипатов застыл в ожидании, не выпуская оружия. Убил или ранил? Промахнуться не мог.

Между тем возня на полу продолжалась.

— Не убивайте! — наконец стал проситься бандит. — Пощадите!..

— В комнату его! — приказал старший лейтенант, не отводя взгляда от светлого прямоугольника раскрытых дверей. Надо было немедленно удостовериться, что с тем, вторым.

— Степан, за мной!

В темноте трудно было что-либо разглядеть. Тихо, никакого движения…

Ипатов пошел, мягко ступая вокруг хаты. Степан — следом. Никого и ничего. Неужели ушел?..

Вдруг сапог наткнулся на что-то металлическое. Потрогал носком: автомат. Степан поднял его. А где же бандит? Ступили еще несколько шагов, и тут у старшего лейтенанта отлегло от сердца. На земле виднелись очертания распростертого тела. Старший лейтенант тронул его — бандеровец был мертв. Ощупал одежду, извлек все, что было в карманах, сложил в снятую с убитого шапку и передал Степану. Лишь одну вещь — туго свернутую бумажку, опечатанную сургучом, зажал в руке. «Эстафетка! Кому-то нес…»

На пороге, вспомнив вдруг о Марийке, остановился, внимательно вглядываясь в темноту. Где она? Неужели с перепугу убежала в село? Этого еще недоставало! Позвал негромко:

— Марийка!

— Я здесь, — отозвалась девушка.

— Не бойся, все закончилось. Входи!

VII

Серый сидел на полу, возле дверей, прислонившись к стене. Связанные веревкой ноги в добротных яловых сапогах вытянул перед собой. Измазанные глиной мокрые штаны, рваный ватник, исцарапанное лицо… Михаил раскладывал на столе найденное у него оружие, засаленный мокрый кисет с табаком, еще что-то.

Бандит дрожал, расширенными от страха глазами смотрел на Александра, очевидно, сразу определив в нем старшего.

— Кто ты? — резко спросил Ипатов.

— Серый.

— А тот, другой?

— Сыч.

— Откуда пришли?

— Из схрона…

— Далеко?

— Километров двадцать отсюда…

— Куда должны были идти?

— Да туда же…

— Когда должны были возвратиться?

Пленный помедлил с ответом.

— Говори!

— К рассвету…

— А если опоздаете?

— Не должны…

— Ясно!

Надо немедленно вызвать Жаботенко.

— Ну что, отвоевался, Серый?

Тот кивнул головой:

— Вижу, что уже все…

— Повезло тебе, живым остался… Гарантируем жизнь и меньшую меру наказания, если будешь говорить правду.

— Все равно расстреляют… Не ты решаешь.

— Я сказал — гарантируем. Говорю не от своего имени.

— Слишком легко обещаешь… Не верю.

_ А ты поверь, тебе же легче будет, — сказал Степан.

Миролюбивый тон и последние слова Ипатова несколько успокоили Серого, и он впервые внимательно, с интересом посмотрел на Степана и Михаила, определив, видимо, в них местных жителей. Наконец пленный вздохнул и обратился к Ипатову.

— В схроне двое. Один — какая-то важная птица, старый уже, но о нем ничего не знаю. Даже псевдо его не известно. Мы зовем его Стариком. Строго приказано оберегать, прислуживать ему. Второй — наш, здешний, районный референт пропаганды Гаевой.

Ииатов кивнул головой.

— Знаю такого… Давно он там?

— С лета.

— Кто из них сегодня дежурит?

— Старик…

Александр знал, как это важно: тот, кто дежурит, первым реагирует на все, что делается вне схрона, а значит, первым поднимает тревогу, если что-нибудь не так.

— Дайте закурить, — попросил Серый.

В этот момент кто-то вошел в сени. Степан резко повернулся, толкнул ногой дверь, но сразу же опустил автомат и отступил в сторону. Порог комнаты переступила Анна. Увидев ее, бандит пошевелился. Злость, ненависть, укор — все это отразилось в его взгляде.

— Чего глазами стреляешь? — резко бросила ему девушка. — Скажешь, продали тебя? Не продали, а сдали. Надоели вы нам как горькая редька, сколько лет из-за вас жизни нет спокойной… Ты лучше подумай, как свой позор смыть. Расскажи им все — меньше вины останется на тебе.

— Не раздумывай, она правду говорит, — молвил Степан. — Будь с людьми, а не воюй против них! — добавил Михаил.

— Они все правы, говори, что знаешь, — заключил Ипатов.

Он уже развернул найденную в убитого «эстафетку», в которой прочитал: «Все согласны на встречу 27 октября возле трех копен. Яровой». После четко выведенной фамилии стоял неразборчивый крючок — очевидно, личная подпись.

Яровой! Значит, тоже не ушел за границу…

— Михаил, развяжи его. Пусть угощается табачком, — сказал Ипатов, пряча в карман бумажку.

Серый послушно отодвинулся от стены, давая парню возможность развязать узел веревки, потом снова прислонился к ней, разминая затекшие руки. Свернув самокрутку, некоторое время молча курил, не отвечая на вопросы. Затем, потерев задубевшими пальцами сморщенный лоб, спросил:

— Гарантируете, значит, жизнь? Обещаете меньшее наказание, если буду говорить правду?

— Да, обещаем. Но многое зависит от того, чем все сегодня закончится. Сам понимаешь. Недаром же брали тебя живым.

— Понимаю… — бандит подался вперед.

— Твоя судьба в твоих руках, — поучительно сказал Степан.

— Хорошо, буду говорить. Сюда мы по дороге зашли. А записка для Старика. Если он не дождется нас… Нужно спешить, время не ждет!

Забросив на плечо автомат, Ипатов приказал:

— Свяжите ему руки снова! Степан, идешь со мной! А ты, Михаил, остаешься с ним!

Пленный жадно дососал самокрутку и покорно заложил руки за спину…

Надо было в первую очередь отвлечь внимание от хаты, ведь кто-нибудь мог услышать выстрелы. Отойдя с полкилометра, Ипатов выпустил в воздух несколько автоматных очередей, затем выстрелил из ракетницы. Три ярких зеленых шарика взметнулись в черное небо и, осветив на миг склон горы и крестьянские хаты под ней, рассыпались искрами. Темнота снова сомкнулась вокруг них…

После этого побежали напрямую к сельсовету. Александр энергично закрутил ручку телефона. Наконец связался с Жаботенко.

— Надо срочно встретиться!

— Отлично! — весело откликнулся тот, поняв, что операция проходит успешно. — Еду!

Ипатов и Степан вышли из сельсовета и быстро направились к реке. Там они прилегли за прибрежными кустами, нетерпеливо вглядываясь в темень, прислушиваясь к звукам, доносившимся со стороны дороги. Наконец послышался шум приближающейся автомашины. Обменявшись рукопожатиями с Жаботенко, Ипатов

коротко рассказал ему обо всем, показал «эстафетку».

— Слушай, это же значительно больше, нежели то, на что мы рассчитывали! — воскликнул майор. — Речь идет о встрече нескольких главарей… Теперь для нас самое важное — захватить Старика. К рассвету должны успеть! Каждая минута дорога! Если «заготовитель» не соврал, то схрон не близко. Но где именно? Надо, чтобы он показал дорогу.

Они поспешили к дому. Здесь теперь стало тесно и шумно. Серого развязали, дали ему стул.

Расспросив его обо всем, Жаботенко официально заявил:

— Обещание старшего лейтенанта подтверждаю. Ты должен провести нас к схрону, понимаешь?

— Согласен.

— По дороге расскажешь, какой он, Старик, что за человек. Веди!

— Может, я переобуюсь? Ноги мокрые, замерзну!

— Дайте ему сухие портянки!

Все вышли из дома, а Ипатов задержался.

— Ну, до скорого свидания, дорогие наши помощницы, — обратился к женщинам. — Жаль расставаться… Будьте здоровы! — пожал каждой руку. — Большое спасибо вам! Говорю это от нашего имени и от имени начальника управления. Вы сделали большое дело.

— А нам как дальше быть? — спросила Анна.

— Ведите себя так, словно ничего не произошло! Никто ничего не должен знать, а это уже зависит от вас. В случае необходимости знаете, куда ооращаться.

Екатерина Ивановна, Анна и Марийка проводили его до порога. Постояли в дверях, глядя вслед старшему лейтенанту, который исчез в темноте.

Когда Ипатов догнал Жаботенко, они стали договариваться, как действовать дальше.

— Схрон будешь брать ты, — сказал майор, — со своими. Доволен ими?

Они молодцы.

— Действуй так, как и тогда, в сорок восьмом, помнишь? Четвертого дам из своих. Серый не подведет?

— Не думаю.

— Главное, чтобы мы их в этой норе застали. Не забывай: Старик нам нужен живым!..

Участники операции заняли места в машине (тело убитого забрали с собой), которая двинулась сначала каменистым берегом, а затем пересекла Стрый в том месте, где бандиты перешли его вброд. Миновав реку, они выехали на лесную дорогу,

уходящую в горы.

Серый стоял в кузове за кабиной, налегая на нее грудью. Руки ему развязали, однако теперь он был опоясан веревкой, конец которой держал оперативник из группы майора. По бокам стояли Ипатов и Степан, с ними бандит время от времени переговаривался, показывая, куда ехать. Его слова старший лейтенант передавал майору, сидевшему в кабине возле водителя.

В темноте Александр не видел выражения лица Серого, однако заметно было, что тот нервничает. Напряженно всматривался вперед, твердил о каком-то повороте, который боялся пропустить, даже попросил один раз остановить машину и слез, чтобы осмотреть местность. Вряд ли он делал бы все это, если б хотел обмануть, запутать нас, — думал Ипатов. Но вот шофер заглушил мотор: ехать дальше было и тяжело, и опасно. Впереди угадывался обрыв.

— Дальше — туда, — махнул рукой Серый. Майор взглянул на светящийся циферблат часов.

— В нашем распоряжении часа два… Сержант, — сказал он водителю, — машина остается здесь. А мы двинемся как можно быстрее. — Обратился ко всем — Будьте осторожны! Чтобы никто не падал, останавливаться не будем. Веди, Серый. И помни! Нам некогда разбираться в тонкостях твоих переживаний. Попробуешь сбежать — стреляем!

Теперь Ипатов намотал на левую руку конец веревки и таким образом взял «на поводок» Серого. Шел за ним на расстоянии нескольких шагов, внимательно наблюдая за каждым движением бандита. Следом за старшим лейтенантом бесшумно ступал Степан, подстраховывал его.

Из всех ночных походов и переходов, которые Александру приходилось совершать, этот, наверное, был самым трудным. Шли по еле заметной тропинке, а она то спускалась к самому дну оврага, то стремительно поднималась вверх. Под ногами осыпалась с легким шорохом хрупкая почва, скатывались камни, и надо было напрягаться всем телом, чтобы не потерять равновесия, а в это время ветки деревьев толкали тебя в грудь, останавливали, больно стегали по лицу. «Хорошо, что погода сухая, — думал Ипатов, — а если бы дождь?»

Казалось, целую вечность пробирались они сквозь поглощенные темнотой заросли, и даже был момент, когда кто-то, споткнувшись, упал, задержав движение всей группы. Жаботенко разозлился, вплотную подошел к Серому и спросил, не обманывает ли он их, не ведет ли так, чтобы только выиграть время и дать возможность тем, кто отсиживается в схроне,

удрать…

— Нет, пан майор!

Последнюю часть пути они преодолевали, все время поднимаясь вверх. Но вот Серый остановился.

— Отсюда — с полтысячи шагов будет, — показал в ту сторону, где небо уже алело.

Только теперь, наверное, все заметили, что начинается рассвет.

— Немного передохнем, — глухо вымолвил Жаботенко и первым тяжело опустился на землю.

— Группу захвата возглавит Ипатов, — сказал, отдышавшись, майор. — Как действовать, старший лейтенант уже знает.

— Будем надеяться, — отозвался Александр, — что эта бандеровская шишка четко выполняет обязанности дежурного по схрону и лично откроет люк…

— Выдерните его, как репку, чтобы опомниться не успел! — бросил им вслед Жаботенко, когда они снова двинулись за Серым.

— Здесь, — наконец остановился бандит…

Те, кого майор выделил в группу захвата, осторожно вышли на поляну, которую окружали старые буки и сосны. Посредине росли кусты ежевики, несколько молодых елей. Неподалеку тихо журчал ручей, сбегая в расщелину и исчезая в ней. Ипатов взглянул на откос, который начинался от расщелины: там, где земля осыпалась, ручей снова появился. Наверное, здесь. Серый оглянулся и поднял руку. Все замерли. Он показал на ель, росшую вблизи расщелины. «Я правильно определил, — подумал Ипатов. — Ручей пропущен через схрон. Известное приспособление: протекая через бункер, он служит и водопроводом, и канализацией.»

Степан, Михаил и еще один оперативник подползли к ели и залегли возле нее. Старший лейтенант присел, махнул рукой. Серый подошел к дереву и постучал по стволу.

— Вепрь с верховины, вепрь с верховины, — промолвил выразительно.

И тут из-под земли послышалось:

— Кто?

— Да я — Серый.

— Сейчас…

Ель вздрогнула и начала отклоняться в сторону Михаила. Серый присел, заглядывая в расширяющуюся темную дыру.

— Еще немного, Старик!

«Все-таки Старик. Чудесно!» — отметил про себя старший лейтенант.

— Сейчас, сейчас…

Ипатов увидел, как в отверстии появились белые кисти рук, поддерживающие деревянный ящик с дерном и землей, в котором «росло» деревцо. Серый стал помогать, и когда люк должен был уже полностью открыться, Ипатов и Степан вцепились в эти руки и рывком вытянули из ямы человека в белой нательной рубашке.

— Гаевой, сдавайся! — сразу же крикнул Ипатов тому, другому, оставшемуся в схроне.

Бандит долго не отвечал. Вдруг над люком появились руки с автоматом, который тут же застрочил во все стороны длинными очередями. Затем из дыры вывалился полураздетый Гаевой, резво вскочив на ноги, бросился бежать. Ипатов прицелился и пустил ему вслед длинную автоматную очередь.

Все смолкло.

— Миша, посмотри, как он там! — крикнул Александр, выступая из-за дерева. — Все целы? Где Серый?

— Здесь я, — подал голос пленный.

Ипатов подошел к Старику. Тот, взглянув на него со страхом и злостью, приглушенным голосом произнес:

— Дайте одежду, ведь холодно!

— Осмотрите бункер! — распорядился Жаботенко. — Достаньте ему одежду! А ты, — обратился к Серому, который стоял рядом, не зная, что ему делать, — посиди, отдохни!

— Не бойтесь, — промолвил тот тихо. — Мне теперь возврата нет… И не хочу! Я вас поведу и туда, где должна состояться встреча, — я знаю то место…

В схроне взяли документы, литературу, пишущую машинку, радиоприемник, все ненужное сбросили обратно и подорвали его гранатами…

— Ну, друзья мои, такого у нас давно не было, — сказал начальник управления, когда Жаботенко с Ипатовым возвратились в Дрогобыч. — Две операции в одну ночь! Важную птицу взяли. Я уже доложил в Киев. Генерал просил передать благодарность.

…Мужество, чекистская смекалка и умение Ипатова были отмечены правительственными наградами. А недавно вместе с Александром Васильевичем я разделил его радость по случаю вручения ему ордена Отечественной войны.

Вместе с ним такую же награду получил его брат Павел Васильевич, тоже работающий в органах госбезопасности. Да и сыновья Александра Васильевича — Владимир и Анатолий пошли по стопам отца… Молодые чекисты стараются быть достойными его.

Кириллов Юрий
СИЛЬНЫЙ ДУХОМ

Природа не наделила Михаила Яковлевича Волова ни гренадерским ростом, ни богатырским размахом плеч. Да и во взгляде его напрочь отсутствуют властность, напористость. Почему же тогда, общаясь с этим невысокого роста, худощавым человеком, невольно чувствуешь исходящую от него непоколебимую силу? В чем ее истоки? Думается — в твердой воле. В той самой воле, без которой человек и бесхарактерен, и слаб, и нецелеустремлен…

Родился Михаил Яковлевич в одной из дальних деревень Архангельской области, там, где река Устья впадает в Двину. Отец — Яков Прокопьевич — был председателем колхоза. Его заботами, хлопотами, нескончаемыми делами жила и семья.

После седьмого класса Михаил начал работать на лесозаготовках. Поначалу, конечно, было тяжело, да и сноровки не хватало, но постепенно втянулся в артельный труд.

— Ишь какой жилистый! — уважительно говорили о подростке кряжистые бородатые мужики, глядя, как тот ловко управляется с приемкой леса.

Время было тревожное. Страна жила предчувствием неминуемой беды.

— Войны не миновать, — сокрушенно качали головами умудренные жизнью старики.

И вскоре она грянула, обожгла своим огненным дыханием всю огромную страну, которая стала единым военным лагерем.

Михаилу не было тогда и шестнадцати. Как и многие его сверстники, он рвался на фронт, неизменно получая справедливый отказ. Но разве мог юношеский максимализм смириться с этим?! Хотелось в это суровое время приносить как можно больше пользы Родине. И Михаил стал работать сапожником артели леспромторга в селе Ямное. Почему именно здесь? Потому, что в артели шили обувь для бойцов Красной Армии.

В то же время паренек не оставлял в покое работников Устьяновского райвоенкомата. С каждым разом его просьбы об отправке на фронт становились все настойчивее. И в конце концов Михаил добился своего! В январе 1943 года, вскоре после того, как ему исполнилось семнадцать лет, он был призван в армию. Определили его в минометчики.

— Натягался я с плитой… — усмехается он сейчас. — Ведь этой штуковине иного места, кроме солдатской спины, в переходах не полагалось.

Командир минометного расчета сержант Михаил Волов прошел через горнило жестоких боев. Сколько его товарищей полегло в них! Горечь невосполнимых утрат звала к мщению. И еще — к милосердию. Стоит ли удивляться подобной полярности душевного состояния? В ней есть своя закономерность. Так что, когда их 1319-й полк 185-й стрелковой дивизии отправили в тыл для переформирования и пополнения, Михаил освоил и обязанности санинструктора роты. Там же, под Калинином, прошел обучение парашютному делу. Объяснили коротко: нужны разведчики. А заприметил его один опытный и всеми уважаемый офицер. Очевидно, тоже почувствовал в юноше незаурядную силу духа, твердость воли. Разумеется, и боевой опыт, накопленный Михаилом, заслуживал уже всяческого внимания. К тому времени на его груди сияли орден Красной Звезды, медаль «За отвагу»…

Скупо рассказывает сейчас Михаил Яковлевич о фронтовых буднях.

— Воевал как все. Ничего необычного, пожалуй, не было…

А ведь сколько раз приходилось ему вместе с боевыми

побратимами вступать в рукопашные схватки с фашистами, отбивать натиск вражеских танков! Особенно памятен случай, когда бронированные машины прорвались к штабу полка и горстка бойцов охранения, командиров встретила их гранатами. Вот когда уяснил он, что значит в прямом, а не в переносном смысле, сражаться не на жизнь — насмерть.

Никогда не забудутся ветерану и крайне опасные рейды по тылам врага в составе партизанского соединения дважды Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова и отряда имени В. И. Чапаева. В них тоже довелось воевать разведчику Волову. Как пригодились потом Михаилу Яковлевичу навыки, приобретенные в дерзких операциях, опыт разведчика и партизанская смекалка.

Так уж сложилась судьба Волова, что и после разгрома фашистской Германии война для него не окончилась. Он по-прежнему носил погоны, а главное — выполнял боевые задания. Враги не раз стреляли в него.

Банды буржуазных националистов терроризировали население освобожденных от гитлеровских захватчиков западных областей Украины. Они убивали партийных и советских работников, запугивали тружеников городов и сел, всячески тормозили развитие новой жизни. Их кровавые злодеяния были бессмысленными, но изощренно жестокими.

Обезвредить матерого врага, его прихвостней, переубедить заблуждающихся и вселить уверенность в запуганных — эти неимоверно сложные и ответственные задачи выполнял начальник штаба истребительного батальона, а затем оперативный работник Дрогобычского областного управления госбезопасности Михаил Яковлевич Волов.

…Выслеживая банду Белого, чекисты определили, что радиус ее действия ограничен, в основном, селами Снятынка, Бронница, Воля Якубова… Но местность довольно глухая, расстояния между населенными пунктами значительные. Где же искать?

Исподволь, в индивидуальных беседах, расспрашивал Волов местных жителей. Порой натыкался на стену недружелюбия и непонимания. Еще больше встречал недоверчивых. И тогда начинал горячиться:

— Как же вы можете молчать, если бандиты убивают партийных и комсомольских активистов, ни в чем не повинных ваших земляков? Ждете, когда прольется кровь и в ваших семьях? Почему разрешаете грабить себя?

Долгими и трудными были эти беседы, огромные усилия требовались для того, чтобы растопить холод отчуждения.

Постепенно удалось определить, что в банде более пятнадцати человек. Стали известны и пути передвижения оуновцев. Устроили на них засаду. Несколько бандитов удалось обезвредить, но остальные ушли от погони и затаились в схронах.

Михаил Яковлевич кропотливо занимался изучением обстановки. Круг людей, которые, судя по всему, могли быть связаны с бандитами, сужался. Наконец он вышел на сапожника, молодого паренька Мирона Слонского, чинившего, по рассказам сельчан, обувь «лесным гостям».

— Одумайся, пока окончательно не затянула тебя эта страшная трясина, — внушал ему Волов. — Не твои же это слова: «А что мне дала Советская власть?» Разве не при Советской власти ты закончил школу?.. То-то и оно! А кто матери оказал помощь? Кто землю вам дал? Опять же Советская власть! Тебе в армию скоро идти — время призыва приближается. Неужели так и будешь с оглядкой на вчерашний день жить, врагов своего народа бояться?

Достали, видно, эти слова парня. И завязался у него с чекистом разговор, что называется, по душам. Короче говоря, указал он один из схронов, в котором скрывалось шестеро бандитов.

— Но учтите, что у них есть и пулемет, и автоматы. Сдаваться они не будут. А вас всего четверо. Не совладаете…

Действительно, с Воловым было только три солдата. К тому же ночь на дворе. Брать схрон ночью — затея безнадежная.

Михаил Яковлевич послал двух солдат в Дрогобыч за подкреплением, а сам закрыл Мирона в соседней комнате и прилег на лавку, приказав единственному подчиненному:

— Если будет проситься в туалет, — разбуди меня…

Однако выспаться так и не удалось. Больно уж доверчивым оказался молодой солдат: открыл дверь, когда Мирон попросился в туалет, а тот прыгнул в окно и исчез в темноте.

«Это и мой просчет, — казнил себя Михаил Яковлевич. — Понадеялся, что вот так, сразу же, удалось переубедить парня. Многое понял он, только от старого сразу не отрешишься — силен еще страх перед оуновскими головорезами…»

Когда подоспело из Дрогобыча подкрепление, чекисты окружили схрон (место Мирон указал правильно). Однако к тому времени бандиты все-таки успели исчезнуть, оставив в спешке лишь два пулеметных диска с патронами.

Поиски сапожника тоже не принесли успеха, хотя чекисты и шли по его следу.

Вскоре он объявился сам в Дрогобычском… облвоенкомате. Покаялся во всем и попросил, чтобы призвали в армию. Волов,

мол, открыл мне глаза на жизнь мою непутевую, хочу служить Советской власти. А убежал от чекистов потому, что боялся, как бы оуновцы в перестрелке не убили…

Показал Мирон еще два схрона. Один был пуст, а другой встретил чекистов ошалелой стрельбой. Призывы сдаться остались без ответа. При попытке вырваться из кольца бандиты были уничтожены. Их оказалось четверо, но главаря среди них не было…

Закончился 1947 год. Пришла зима 1948-го. Банда не давала о себе знать. Может, навсегда покинула здешние места?

И вдруг в Снятынке стали появляться националистические листовки с угрозами в адрес коммунистов и комсомольцев. Чья работа?

Михаил Яковлевич Волов к тому времени уже хорошо изучил обстановку в селах, помнил многих местных жителей в лицо, знал, кто чем дышит, на кого можно смело опереться, а с кем необходимо вести профилактическую работу. Сильное подозрение вызывал у него колхозный бригадир из Снятынки. Зся его активность была какой-то слишком уж показной. Но не сыграла ли в данном случае свою роль личная неприязнь? Нет. Интуиция, профессиональное чутье подсказывали: надо идти к бригадиру.

И Михаил Яковлевич пришел, заявив:

— Хватит играть в жмурки. Давай говорить начистоту.

Таким образом он сразу же выбил почву из-под ног у своего собеседника, который посчитал, что оперативному работнику уже все известно.

— Листовки мне передавал Белый, — признался бригадир.

— Какие еще задания получали от него?

— Пригласить к себе в гости председателя колхоза Котика, а лесовики прикончили бы его…

Выяснилось, что предатель вел дневник, в котором записывал сведения, интересующие оуновцев. Спасая свою шкуру, он рассказал все, что знал о банде Белого.

Продолжая изучать новые материалы дела, анализируя повадки бандитов, их преступления, Михаил Яковлевич пришел к выводу: главарь банды лично не совершил ни одного кровавого злодеяния! Что это — случайность, цепь совпадений или Белый тяготится тяжелой и позорной ношей, хочет избавиться от нее?

И тогда он разработал дерзкий план: с помощью жены попытаться заставить Белого прийти с повинной. Скажем сразу, это был тот самый редкий случай, когда риск основывался не только на точном расчете, но и на глубоком знании психологии людей, умении разбираться в их душевном состоянии. Белый

души не чаял в своей жене, поэтому, узнав, что ее вызывали в управление госбезопасности на собеседование, после чего отпустили домой, заволновался: как она там, не сказала ли чего лишнего, не нуждается ли в утешении? Смятение главаря не осталось не замеченным бандитами. Постепенно он терял их доверие. А это уже таило в себе смертельную угрозу. Что оставалось делать Белому? Явиться с повинной?

От этого его удерживал страх.

Одним словом, с главарем банды была налажена бесконтактная связь, и чекисты знали о всех планах и передвижениях оуновцев, контролируя их.

Но вот Белый как в воду канул. Волов несколько раз ночью приходил к «почтовому ящику», однако возвращался ни с чем. Наконец однажды, запустив руку в дупло, услышал за спиной голос:

— Смотри сюда…

Обернулся и увидел в лунном свете фигуру Белого. Тот держал на изготовку ручной пулемет. Что, если?..

— Дружки мои тут неподалеку. Уходите поскорей…

Чекист шел спокойно.

Вскоре банда была окончательно ликвидирована. Оуновцы не захотели сдаться. Их уничтожили в перестрелке. Белый показал и склад с боеприпасами, и схрон, тщательно замаскированный под телятником.

— Помню, как мой товарищ Александр Ипатов взял автомат одного из бандитов и, запрокинув его вверх, дал длинную очередь, — продолжает свой рассказ Михаил Яковлевич. — Так мы отсалютовали: конец банде!

— Этой конец, а другим? И неужели вас ни разу не ранили?

— В каких только переделках не довелось побывать! Ведь минуло несколько лет, пока удалось окончательно покончить с фашистским отребьем в западных областях Украины, полностью очистить их от националистических банд. А ранения… Что ими гордиться! Лучше бы их избежать. Вот, к примеру, в Ходоровском районе замешкался на секунду и получил пулю в руку…

— Как это произошло?

— Преследовали мы банду. Зажали ее в тиски. В одном селе из-за дома выскочил человек в фуражке, шинели, без погон. У меня в руках пулемет — только нажимай на спусковой крючок. А вдруг это и не бандит вовсе? Чуть промедлил, а тот выстрелил из пистолета. Больше, правда, не успел — получил в ответ очередь…

— А с диверсантами вам не приходилось вступать в схватку?

— Драться не доводилось. Зато в поиске участвовал. Расскажу об одном случае.

Как-то летом получили сообщение о том, что в Карпатах ожидается выброска группы парашютистов. Когда и где? Это было пока загадкой. Надо готовиться. Предусмотрели несколько вариантов, подняли на ноги весь актив. Об этом стоит сказать особо. Уже не было в лесах оуновцев и других отщепенцев. Народ единодушно поддерживал Советскую власть. Так что у врагов не было благоприятной среды для внедрения. Но империалистические шпионские центры все же действовали.

И вот ночью самолет без опознавательных знаков на малой высоте пересек границу, выбросил парашютистов в горах. Мы тут же включились в активный поиск. Определили, что наиболее вероятные районы их приземления — Сколевский и Турковский. Начали прочесывать местность, опрашивать местное население. Один старый гуцул сказал:

— Ночью приходили люди в форме солдат Советской Армии. Одеты чисто, аккуратно. Расспрашивали, как выйти к реке…

Стало ясно, что диверсанты далеко уйти не могли.

— Что было дальше? Михаил Яковлевич улыбнулся:

— Дальше все как обычно. Взяли мы их…

Но я уже знал, что за этими скупыми словами — полные драматизма события. Два ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», многие другие награды майора в отставке Михаила Яковлевича Волова — доказательство воли, отваги и бесстрашия этого скромного человека из когорты сильных духом.

Виноградский Виталий
В СТРОЮ ПОЖИЗНЕННО

У большинства чекистов яркая и героическая биография. Сама профессия требует от этих людей мужества и выдержки, изобретательности и героизма. А в определенных ситуациях требования эти удваиваются, утраиваются.

Человека, о котором хочу рассказать, я знаю давно. В начале пятидесятых годов судьба свела нас на Прикарпатье, где в то время чекистам приходилось прилагать немало усилий и энергии в борьбе с остатками националистического подполья. Но наиболее интересные подробности деятельности почетного сотрудника государственной безопасности, полковника в отставке Ивана Кирилловича Шорубалка стали известны мне лишь теперь. Они-то и побудили меня взяться за перо, чтобы рассказать об этом человеке — ровеснике Октября, замечательном чекисте.

Во Львов Иван Кириллович приехал вместе с заместителем министра госбезопасности Украины Михаилом Степановичем

Поперекой, который еще совсем недавно возглавлял особый отдел Прикарпатского военного округа. А знали они друг друга еще с боев на Северном Кавказе. Город встретил *их* холодным дождем. Стояла поздняя осень тысяча девятьсот сорок шестого года.

Машина, ожидавшая их на вокзале, ехала медленно, разбрызгивая из луж грязную воду. Навстречу ползли маленькие, будто игрушечные, трамвайчики. Шорубалка подумал, что именно такие он совсем недавно видел в Праге. Город же показался Ивану Кирилловичу каким-то настороженным, неприветливым.

— Знакомьтесь! — представил его Поперека начальнику областного управления Александру Ивановичу Воронину, когда они вошли в его кабинет. — По заданию министра знакомимся с обстановкой в области. Не смотри, что молодой. Имеет немалый фронтовой опыт, который, надеемся, сослужит ему здесь большую службу.

— Где воевали? — поинтересовался Воронин. — Под Сталинградом не приходилось бывать?

Как и многие участники Сталинградской битвы, он почему-то считал, что все самые мужественные и бесстрашные воины сражались именно на этом участке фронта.

— Нет, не приходилось. Служил в Баку. А когда фашисты вышли на Северный Кавказ, был направлен под Новороссийск. Участвовал в Феодосийском десанте в декабре сорок первого. Потом снова Новороссийск… А когда началось наступление, освобождал Ростов, Таганрог… Позже — 4-й Украинский фронт…

— Это очень хорошо, что наши территориальные органы пополняются бывалыми фронтовиками. Было приятно с вами познакомиться! По всем проблемам, которые вас будут интересовать, обращайтесь, естественно, кроме меня, к моему заместителю Анатолию Сергеевичу Козлову. В тех делах, которые вам поручил министр, он у нас непревзойденный, опытный специалист.

Иван Кириллович, поняв, что знакомство закончилось, уже собирался спросить разрешения уйти, но Воронин жестом руки остановил его и добавил:

— Думаю, вам надо начать с ознакомления с городом. Возьмите нашего сотрудника Василия Ивановича Воробьева. Опытный чекист, человек высокой культуры и эрудиции. А главное — прекрасно знает Львов и те проблемы, которые вас будут интересовать. Желаю успехов! Информируйте и меня!

…И начались для майора Шорубалки многочисленные встречи с чекистами районного звена, партийным и советским активом на местах.

Высказывая некоторые соображения в райкомах партии, обмениваясь мнениями со своими коллегами по поводу тех дел, которыми довелось заниматься, Шорубалка, как правило, не пропускал возможности принять участие в той или иной операции, оказываясь таким образом чуть ли не главным исполнителем задуманного, приобретая все больше и больше знаний и опыта.

А через несколько месяцев Ивана Кирилловича вызвал министр. Он внимательно выслушал его доклад и, поняв, что майор прекрасно разобрался в большинстве проблем, видит пути их решения, предложил возглавить оперативную группу министерства, работавшую во Львове. Он разрешил отобрать в нее нужных людей во Львове, любой другой области и даже в министерстве.

Начали с самого главного: решили раздобыть полные, детальные сведения о тех, кто заправлял остатками оуновских банд. Поэтому в первые дни вся работа велась в районах, а также в архивах, захваченных у гитлеровских разведывательных служб.

Данилов и Фоменко, Алексеев и Дудник, Бельченко и многие другие оперативные работники стали деловыми, энергичными, а главное, самоотверженными помощниками в решении поставленных задач. Они не считались со временем, пренебрегали опасностью, даже если она грозила их жизни, смело и решительно доводили начатое дело до конца.

Не одну ночь провел Иван Кириллович над документами. Он внимательно разобрался в материалах, свидетельствовавших о том, что главари ОУН, активно сотрудничавшие с оккупантами, буквально перед приходом Советской Армии провели в Самборском лесу сборище своих активистов, которое назвали «третий великим збором». На нем они создали так называемую «Украинскую головную вызвольную раду» (УГВР), назначили предводителя главного провода, определили, кто из главарей остается в подполье, а кто уходит в гитлеровском обозе.

И понял Шорубалка, что в чекистской работе начался новый этап, когда остро встал вопрос проникновения в руководящее ядро оуновцев, изоляции главарей, лишения их возможности влиять на людей. А к тому времени в подполье затаились такие оуновские главари, как Шухевич, Гасин, Кравчук, Федун, Сеник-Березовский.

Со временем от попавших в руки чекистов бандитов стало известно, что наиболее вероятным местом пребывания оуновской верхушки является Рогатинский район Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области. Именно там был организован чекистско-войсковой поиск. Во время операции был обнаружен

бункер одного из главарей так называемого «особого» бандитского округа. Его взяли живым. То, что он сообщил, помогло значительно расширить наступление на националистический провод.

Через некоторое время на Тернопольщине удалось обезвредить Сеника-Березовского. Прошло несколько месяцев, и в Ходорове была задержана личная связная Шухевича Екатерина Зарицкая. Все теснее сжималось кольцо вокруг ее шефа. Наконец он был обнаружен чекистами в одном из пригородных сел Львова и обезврежен.

И все же результаты этих операций не удовлетворяли Ивана Кирилловича. Он настойчиво искал новые формы и методы борьбы с националистическим бандитизмом. Шорубалка обратился к министру и его заместителю с предложениями поставить дело так, чтобы изыскать возможности проникнуть через задержанных бандитов в зарубежные бандеровские центры, а возможно, и в центры империалистических разведок, которые уже в открытую вербовали оуновских недобитков, осевших на Западе, и засылали их в нашу страну в качестве шпионов и диверсантов. К тому времени уже созрели конкретные планы…

Как-то поздно вечером, возвратившись из района, Шорубалка в полуосвещенном коридоре областного управления госбезопасности встретился с фронтовым другом, бывшим начальником отдела контрразведки армии Виктором Ивановичем Фокиным. Обнялись, как родные. Разговорились. А потом, отложив дела, пошли ужинать. За чашкой кофе вспомнили немало боевых эпизодов из фронтовой жизни. Особенно памятным для Ивана Кирилловича было задание, которое довелось выполнять в Польше.

Вызвал его тогда к себе член Военного совета 4-го Украинского фронта.

— Задание, майор, будет не совсем обычным, — начал он, когда Шорубалка доложил о своем прибытии, — необходимо разыскать одного известного профессора, которого гитлеровцы вывезли со Львова.

Шорубалка удивленно посмотрел на члена Военного совета. Тот перехватил его взгляд и сказал:

— Не удивляйтесь! Дело в том, что Ванда Василевская обратилась к Советскому правительству с просьбой разыскать ученого Казимира Вайгеля. И не только его, а, возможно, и целый институт… — подумал и добавил: — Если, конечно, фашисты не успели отправить всех в Германию…

— А профессора увезли вместе с институтом? — не

удержался майор от уточнения.

— Нет. Есть сведения, что Вайгель удрал от гитлеровцев и прячется где-то в предгорьях Татр. Он хоть и работал на фашистов, но, по нашим сведениям, преступником не был. А где находится институт — это знает только профессор.

— Задание понял!

— Вот и хорошо. Информируйте меня чаще, как будут продвигаться дела. Желаю успеха.

…Товарищи из фронтовой разведки, к которым обратился прежде всего Шорубалка, сообщили, что в местечке Санок зафиксировали человека, работавшего когда-то в институте Вайгеля. Он знает профессора в лицо. Организовали с ним встречу.

Оказалось, что Юзек (так звали высокого, симпатичного интеллигентного молодого человека) только в последнее время установил связи с сотрудниками этого института. Чувствовал он себя не совсем уютно, ожидая расспросов, почему бежал со Львова, но Иван Кириллович повел себя тактично, вызвав тем самым симпатию и доверие юноши.

— Ну, что ж, пан Юзек, — предложил Шорубалка. — Придется вам поехать со мной. Поможете разыскать профессора…

— С удовольствием! — сразу же согласился Юзек. — Рад помочь в полезном деле. Я знаю, что профессор Вайгель глубоко порядочный человек.

Тем временем разведчики установили, что несколько ученых какого-то вывезенного оккупантами со Львова института остановились в селе Кросценко. Шорубалка с Юзеком немедленно выехали туда. По дороге молодой человек рассказал все, что знал об институте и его руководителе, о некоторых его сотрудниках.

Выдавая себя за тех, кто разыскивает родственников, они узнали, что в Кросценко действительно под видом беженцев прячутся какие-то ученые, удравшие от гитлеровцев, а теперь якобы собирающиеся возвращаться назад.

Наконец Юзек встретил одного из своих знакомых и от него узнал, где живет профессор Вайгель. Пошли к нему вместе. Познакомился Шорубалка с ним и его женой. Встретил их профессор настороженно и с какой-то растерянностью. Он понимал, что советский офицер посетил его неспроста.

Иван же Кириллович прежде всего поинтересовался, в каких условиях живет профессор. Узнав, что здесь трудно с продуктами, сказал, что сделает все возможное, чтобы Вайгеля и его жену обеспечили всем необходимым. Простившись с новыми знакомыми, Шорубалка поехал докладывать руководству о том, что профессор Вайгель найден. Член Военного совета поручил

ему переговорить с профессором на счет возвращения во Львов.

— А остальные сотрудники института находятся в этом же селе? — поинтересовался генерал.

— Нет. С профессором находятся только несколько человек. Остальных гитлеровцы успели вывезти на запад. Об их местонахождении можно навести справки через профессора Вайгеля.

— Теперь, как вы сами понимаете, главное — выяснить судьбу остальных сотрудников института и предложить всем возвратиться во Львов. Мы гарантируем полную безопасность и предоставление необходимых условий для работы и нормальной жизни.

Шорубалка снова поехал к Вайгелю. Тем временем на освобожденной от фашистов польской территории начали зарождаться местные органы самоуправления. В данной ситуации еще трудно было разобраться, кто склоняется к прогрессивно-демократическим силам, а кто тянется к буржуазной оппозиции. В разговорах с Вайгелем о будущей Польше Шорубалка пытался понять, каких взглядов придерживается профессор.

Наконец Иван Кириллович почувствовал, что настало время предложить профессору вернуться во Львов.

— Это огромный соблазн, — вздохнул Вайгель, — но я не имею морального права. Ведь там помнят, что мы работали по приказам фашистов. Нет, я не могу!

— Нам все известно, — принялся успокаивать профессора Шорубалка, — и никто не собирается ставить вам в вину то, что оккупанты заставляли вас работать под угрозой смерти. Вы же думаете и в дальнейшем возглавлять этот институт? — чекист пока не спрашивал, где он находится и куда девались его люди.

Хотел бы… — вырвалось у Вайгеля. — Я глубоко симпатизирую Советской стране. Однако кто мне теперь поверит…

Несколько раз докладывал Шорубалка члену Военного совета о разговорах с профессором Вайгелем, советовался, как ему вести себя дальше. Наконец решили попробовать передать этот институт Ягеллонскому университету в Кракове.

И вот Шорубалка с Вайгелем и его женой выехали в старинный польский город. Ехали на юрком «виллисе» по разбитой, ухабистой дороге. Стояла солнечная, но еще холодная весна. В Кракове через военного коменданта встретились с ректором университета, поинтересовались его мнением по поводу возникшей проблемы. Тот обрадовался такому повороту дела, стал от всей души благодарить Ивана Кирилловича.

Вайгель не возражал, но и не дал окончательного согласия.

Он долго молчал, а потом вдруг высказал неожиданное для всех условие:

— Прежде чем все решится, разрешите посетить город Ченстохов…

— А нельзя ли узнать, что вас туда влечет? — поинтересовался майор и предупредил: — Ведь там недалеко фронт, идут бои.

— Хочу посетить собор, — ответил профессор, но Шорубалка сразу же уловил неискренность в его словах.

— Ну что же, пусть будет так, — согласился майор и, доложив руководству, на следующий день вместе с профессором и его женой выехал в Ченстохов.

— А вы ведь не только ради матки боски приехали сюда? — заметил Иван Кириллович, увидев, что Вайгель встречается со многими людьми и подолгу с ними о чем-то разговаривает.

— Да, теперь могу признаться. Не только. Это предлог. Здесь находится три четверти людей нашего института. Все его оборудование. Поэтому, прежде чем дать окончательное согласие, я должен был убедиться, что мои люди живы, никто с фашистами не уехал, а оборудование в сохранности. Ну и, конечно же, необходимо было узнать их мнение и по поводу возвращения во Львов, и по поводу переезда в Краков.

— Каким же образом институт оказался здесь? — поинтересовался чекист.

— А мы еще перед отъездом со Львова договорились между собой любой ценой ускользнуть от гитлеровцев и остаться на территории Польши. А собраться, в случае если все завершится благополучно, решили именно здесь, в соборе, где есть наш доверенный человек… А теперь, — продолжил уже официальным тоном Вайгель, — мне нужны гарантии, что с этими людьми ничего не случится…

И снова Шорубалка докладывал руководству о сложившейся ситуации. Его поблагодарили за успешно проведенную операцию и сказали, что решение остальных вопросов — это компетенция местных органов власти. Чекиста Ивана Кирилловича Шорубалку ждали новые ответственные задания.

Савчак Василий
НЕ ВОЗВРАТИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ

Дверь со скрипом открылась, и черный проем словно взорвался кипящими клубами пара. Из этого белого облака сначала показался автомат, затем вынырнула нескладная, приземистая фигура Совы. «Сова и есть», — молча отметил про себя Михаил, взглянув на широкое, плоское лицо бандита, на котором застыли бесцветные, стеклянные глаза.

— Вас ожидает Хмара, — простуженным голосом прохрипел бандит, указывая автоматом в сторону дверей. — Злой как черт, хе-хе, так что не завидую.

Михаил поднялся с деревянной лежанки, единственной «мебели» в этой тесноватой комнатушке с громадной крестьянской печью в углу, застегнул на все пуговицы свое прохудившееся, явно не для наступивших морозов, демисезонное пальто, и перешагнул через порог. Еще в сенях услышал громкие голоса, доносящиеся из противоположной комнаты, но едва Сова

приоткрыл дверь, как воцарилась тишина. В комнате было светло. От печи тянуло жаром, и сквозь замерзшее окно Михаил впервые за четыре дня увидел солнце, полыхающее над белым от инея лесом.

Вокруг стола сидело четверо. Троих он узнал сразу же, хотя первая и единственная встреча с ними состоялась глубокой ночью, почти в темноте, при скудном мерцании свечи. А вот четвертого, лысого, с продолговатым, чисто выбритым лицом и жестким вдглядом, Михаил увидел впервые. «Наконец-то явился бандитский предводитель Хмара, — подумал он. — Чем же закончится наша встреча?»

— Здравствуйте! — поздоровался Михаил и выдавил из себя подобострастную улыбку. — Слава Украине!

Огромный кулак лысого мгновенно взметнулся вверх и с грохотом опустился на стол.

— Брось ламать комедию! — сверкнул глазами Хмара. — Меня не проведешь! Тебя предупреждали мои друзья, что при малейшем нашем подозрении ты не выйдешь отсюда?

— Предупреждали.

— Тогда, думаю, не будешь на нас в обиде, если укоротим тебя на голову?

— Но ведь я ни в чем не повинен! — твердо промолвил Михаил. — Меня разыскали ваши люди, и я согласился провернуть известное вам дело. В чем же моя вина?

— Врешь! — опять вскипел лысый. — Мы все тщательно проверили. Никакой ты не сотрудник райисполкома. Ты чекист! А с ними у нас разговор короткий. — Хмара выразительно похлопал по лежащему на столе автомату. — Расскажи обо всем, что ты задумал!

— Люди, сидящие рядом с вами, знают обо мне все. Мне нечего больше добавить. Разве что одно. Будете держать меня здесь — наверняка погубите дело. Мое длительное отсутствие на работе встревожит начальство, меня могут заподозрить. Тогда наша сделка уж точно не состоится.

В комнате опять стало тихо. Лишь Сова позвякивал автоматом и тяжело дышал Михаилу в самый затылок. Хмара о чем-то шептался со своими, они тихонько посмеивались. О Михаиле словно забыли, и он, глядя в окно на сверкающий праздничной белизной лес, задумался о своем.

…Эту операцию он, Михаил Дудник, готовил вместе с группой других львовских чекистов. Началось все на совещании у начальника отдела Воробьева.

— В поведении оуновских банд в последнее время замечена

одна особенность, — сказал Василий Ефимович. — Как вы знаете, немало людей, силой или обманом втянутых в банды, приходят к нам с повинной. И вот главари, чувствуя близкий конец, бросают свои «боевки» на совсем безрассудные акции. Их жестокость не знает предела. Но главное заключается вот в чем. Обрекая рядовых членов банд на явную гибель, их верховоды сами всячески избегают риска. Центральный бандеровский провод пытается во что бы то ни стало спасти вышколенные кадры. Прорываться за границу, как это случалось сразу после войны, сейчас они и не пытаются. Оуновцы избрали другой путь: легализацию. Приобретая документы на чужие фамилии, они расползаются по стране или же покидают ее под видом переселенцев. Но документы надо достать, и желательно, конечно, не липовые, а настоящие. Вот и рыскают сейчас бандеровские агенты, ищут тех, кто за большие деньги мог бы пособить им в приобретении паспортов, различных справок, удостоверений, свидетельств. Наша задача — не только предупредить подобные сделки. Надо воспользоваться паникой, царящей во вражеском стане, и, скажем, попробовать «помочь» бандитам в их безысходной ситуации?

Начальник отдела внимательно посмотрел на своих подчиненных. Конечно, они все поняли сразу! На приманку, предложенную им, можно будет поймать крупных главарей оуновских банд, ускорив тем самым их ликвидацию. Сколько жизней советских людей удастся спасти! Ради этого и несут свою нелегкую службу чекисты. Ради жизни и счастья других они готовы отдать все, вплоть до собственной жизни…

Михаил Дудник вспомнил короткие, но ожесточенные схватки у бандитских схронов, длительные засады у колхозных амбаров и мастерских МТС, неравные поединки на ночной лесной тропе… Вспомнил товарищей своих, с которыми уже никогда не придется свидеться.

— Прошу включить меня в группу по разработке операции, — сказал на том совещании Михаил Семенович. Сам предложил план действий, сам же вызвался его осуществить.

И вот со следующего дня Дудник — уже не работник МГБ, а «скромный служащий» одного из райисполкомов. Зарплата — небольшая, семья — наоборот, не прокормишь… Одним словом, нужны деньги — и чем больше, тем лучше… Позаботился и о том, чтобы о его «проблемах» узнал как можно более широкий круг людей.

Тем временем в поле зрения чекистов попала некая Светлана, оказавшаяся, как выяснилось, связной между центральным проводом ОУН и краевыми референтами, то есть главными

воротилами националистического подполья. Она как раз и разыскивала человека, располагающего возможностями снабдить бандеровских главарей документами. Ей «помогли» в этом, и вскоре она уже вела переговоры с Михаилом Дудником.

Михаил сразу почувствовал: связная — враг опытный, действует профессионально. Что ж, тем лучше для него: по ее рекомендации легче будет добраться к верхним ступеням оуновской лестницы. И вот Светлана начала сводить его со все новыми и новыми представителями бандеровской верхушки. Дудник понимал — идет тщательная проверка его легенды. Понимал и то, что с любой из этих «деловых бесед» он может не вернуться…

Но вот наконец связная приказала (разведчик Дудник умело помог утвердиться ей в праве на приказ!):

— Скажите на работе, что заболели, завтра в восемь вечера жду вас на винниковском предместье Львова. Вам предстоит совершить небольшую прогулку.

Михаил понял: в операции наступил самый ответственный момент. Но почему идея «прогулки» возникла вот так, вдруг? Конечно, он рад, что все складывается так, как задумал: побывать в глубоко законспирированном оуновском логове. Но не предприняли ли его «партнеры» еще одну проверку? Попытался представить себе: станет ли даже отпетый жулик рисковать настолько, чтобы из-за денег лезть черту в зубы? Не на этом ли оуновцы хотят поймать его, Дудника? И Михаил решил «заупрямиться»:

— О прогулке мы не договаривались. Уговор был прост: вы мне списки людей, фотографии и, разумеется, деньги, я вам — документы. И расходимся в разные стороны. Зачем же куда-то прогуливаться? Не имею особого желания.

— Вот из-за денег и прогуляетесь! — От Дудника не ускользнуло, что в интонации связной почувствовалось облегчение. Но она тут же овладела собой: — Прогуляетесь, иначе… Достаточно одного телефонного звонка — и сами понимаете, чем закончится ваш бизнес.

Этой беседой, с удовольствием отметил про себя Михаил, довольными остались обе стороны.

…Метель бушевала с нарастающей силой. В клокочущем снежном вихре Михаил едва различает впереди себя фигуру Светланы. Уже час, как они покинули город, и связная, каким-то чудом отыскивая между сугробов дорогу, ведет Дудника все дальше в поле. Он то и дело оглядывается назад, пытаясь запомнить этот путь, каким-то внутренним чутьем угадать его направление.

— Зря стараетесь! — превозмогая свист ветра, крикнула Светлана, повернув на миг свое лицо к Михаилу. — Если все обойдется, вас доставят туда, откуда взяли.

Это были ее единственные слова за всю дорогу.

Вдруг из плотной снежной пелены вынырнули лошади, запряженные в огромные сани. Заметенный снегом ворох соломы на санях стал расползаться, и на дорогу выскочили двое мужчин. Один из них обменялся со связной паролем, а второй, завязав Михаилу глаза, усадил его в сани.

Часа через полтора он сидел в полутемной комнате и отвечал на вопросы троих бандеровских «проводников». Опять пришлось рассказать, кто он и откуда родом, кем работает, что заставило его оказать помощь оуновскому «движению». Дудник то и дело сетовал на безденежье, высказывал недовольство вовсе не предусмотренной вначале и к тому же не совсем приятной «прогулкой», за что, естественно, не мешало бы увеличить сумму вознаграждения.

— Деньги вы получите, не волнуйтесь, — ухмыльнулся один из бандитов. — Но фотографии и фамилии наших людей — нет. Нам нужны только чистые, заверенные печатью и подписями, бланки.

— Это невозможно, — сухо, по-деловому ответил Михаил. — Они, как вам, надеюсь, известно, на строгом учете, выкрасть их не удастся. Да и наложить на пустые бланки печати и подписи даже за деньги никто не отважится. Нужно все проделать, так сказать, законным путем. Жена у меня паспортистка в домоуправлении. Вот мы к документам других граждан приложим для получения паспортов и бумаги ваших людей. Ведь именно такой план мы наметили с вашими представителями еще во Львове! Дабы не возникло у вас каких-либо подозрений, сейчас возьму только третью часть полагающейся мне суммы, остальное — по мере готовности паспортов.

Бандиты молчали. Дудник сразу понял, что имеет дело не с теми, кто уполномочен принимать окончательное решение. Эта беседа — всего лишь продолжение той же проверки, длившейся уже больше месяца. Главная встреча, если она все-таки произойдет, — впереди.

Михаила привели в комнатушку напротив, бросили на лежанку рваный кожух, заперли дверь — и как будто забыли о нем. Лишь пучеглазый Сова дважды на день приносил скудную еду и сваливал у печи охапку смерзшихся чурбаков…

— Эй, ты, уснул, что ли? — Хмара опять припечатал свой мощный кулак к засаленной доске стола. — Даем тебе час на размышление. Расскажешь все честно — предоставим

возможность искупить вину перед нашим движением. Если нет — сегодняшний день станет для тебя последним.

Михаил не чувствовал холода, которым обдавал спину рассохшийся деревянный топчан. Он лежал, закинув руки под голову, и неотступная мысль сверлила его мозг. Неужели все-таки заподозрили бандиты неладное? Где, какую ошибку совершил он? Что могли узнать оуновские эсбисты за те четыре дня, проведенных им в этой западне — на, как видно со всего, давно заброшенном лесном хуторе?.. Или же Хмара, головой отвечая за безопасность своих «вождей», разыгрывает спектакль, еще и еще раз пытаясь убедиться в надежности предпринятой сделки?

Чутье, интуиция, опыт разведчика подсказывали Дуднику, что дело обстоит именно так.

«Что же, надрайонный проводник, тогда поединок наш не окончен, — подумал Михаил. — Не хочется тебе рисковать, это точно. Но слишком уж велик страх у тебя и твоих „зверхников“ за содеянное на родной земле. И, страшась неотвратимого возмездия, вы не упустите даже призрачной возможности ухватиться за соломинку, дабы сохранить себе жизнь. Ты не первый, с кем сцепился в смертельной схватке чекист Дудник. Были враги опытные и коварные, наделенные умом и обойденные таковым, но все они похожи друг на друга в одном: каждый с ужасом думает о том, когда придется отвечать за содеянное. Этот ужас крепко засел и в твоих, Хмара, черных, наигранно сверкающих глазах, и в бесцветных стекляшках тупого Совы. И этот звериный страх лишь ускорит ваш неизбежный конец».

…А день выдался на славу. Даже толстый мохнатый слой инея на окне не в силах был погасить яркие солнечные лучи, осветившие комнату. Михаил рассматривал искрящиеся фантастические рисунки на стекле и невольно вспоминал свое военное жилище в Сибири, в Кемерово: такую же тесноватую комнатушку, печь-буржуйку в углу и редко оттаивающее в зимние месяцы окошко… Он, двадцативосьмилетний инженер, приехал в этот сибирский город осенью 1941-го вместе с группой специалистов, сопровождавших с Украины в глубокий тыл заводское оборудование. Два года работал на предприятии. А в начале 1943-го его вызвали в партком, и секретарь без всяких там вступлений сказал:

— Есть предложение направить вас, Михаил Семенович, на работу в органы госбезопасности. Обстановка требует. Вы согласны?

Согласен ли он? Еще с юношеских лет мечтал стать чекистом, активно помогать разоблачать кулацкие банды и их пособников,

заготовлять хлеб, который враги советской власти гноили в тайных погребах. Позднее, уже юношей, случалось и с оружием в руках идти на бандитов. Но в ЧК Михаила не взяли: мол, сначала подучись, а там видно будет. Он закончил семилетку, потом — фабзавуч. Интересно стало возле станков возиться. Способного рабочего рекомендовали на рабфак. Стал инженером. Женился, появились дети… Вот так, совсем иначе, чем задумывал когда-то, сложилась жизнь. Когда началась война, на фронт не отпустили: нужен был на предприятии. И вот на тридцать первом году жизни судьба преподносит ему подарок, о каком он и во сне не мечтал! Конечно, он согласен, товарищ секретарь парткома! Михаил Семенович Дудник не подведет, он оправдает доверие коммунистов, всего коллектива завода, станет настоящим солдатом-дзержинцем!

На всю жизнь запомнил он свою первую операцию. На Кемеровском вокзале нужно было арестовать фашистского лазутчика. Задание на первый взгляд несложное. Но взять диверсанта надо было так, чтобы у возможных его «партнеров» не возникло подозрения о провале. К тому же, у чекистов не было фотоснимка лазутчика. Известны только его приметы: высокий, крепкого телосложения, одет в фуфайку, с солдатским вещевым мешком.

Только протолкавшись полдня на вокзале, Михаил понял всю сложность своего задания. И зал ожидания, и перрон были переполнены людьми. Поди узнай диверсанта, известного лишь по более чем скромному словесному портрету.

Стоп! Не этот ли детина, жующий ржаную горбушку, и есть враг? Все точно: высокий рост, фуфайка, вещмешок… Но так теперь одеты чуть ли не все мужчины. И все-таки незнакомец чем-то выделялся из этой многоликой толпы. Чем?.. Сначала Дудник никак не мог понять, почему именно он, а не кто-либо другой, похожий на разыскиваемого, приковал к себе его внимание. Вышел на перрон, опять протиснулся в зал — подозреваемый догрызал свой хлеб, спокойно прислонившись к косяку огромных входных дверей. Ясно! Теперь ему все ясно!.. Совершенное безразличие ко всему происходящему вокруг как раз и выделяло лазутчика в этой суетливой, издерганной длительным ожиданием поездов толпе! Именно стремлением скрыть под маской преувеличенного спокойствия свой страх и привлек он внимание чекиста Дудника. Теперь необходимо быстро наметить план действий.

Задевая огромным чемоданом снующих вокруг людей, Михаил приблизился к дежурному милиционеру и тяжело опустил свою поклажу прямо на носки его кирзовых сапог. Тот

удивленно посмотрел на невозмутимую физиономию Дудника и наклонился, чтобы отодвинуть чемодан в сторону. Михаил еле слышно, но властно прошептал милиционеру на ухо.

— Я из ЧК. Слушайте приказ. Следите все время за мной. Как только я затею с одним пассажиром потасовку, берите нас обоих. За нарушение порядка!.. Все!.. Простите, пожалуйста! — добавил он громко и спешно подхватил чемодан.

Откуда-то издалека донесся гудок паровоза, и зал тут же вскипел живым водоворотом. Бурлящая людская река неслась к выходу на перрон. Дудник, разумеется, сразу же оказался рядом с незнакомцем, и не отставал от него ни на шаг. Эшелон оказался длинный, и «подопечный» Михаила, несмотря на свою внушительную комплекцию, сноровисто побежал в конец поезда, где людей было поменьше. Дудник оглянулся: милиционер спешил за ними.

Начался штурм вагона. Незнакомец старался побыстрей протолкнуться к дверям, и тут Михаил изо всей мочи попер на него своим чемоданищем. Тот, не оборачиваясь, ответил крутым движением плеча и стал дальше пробираться к вагону.

— Ты чего толкаешься, паршивец! — закричал Дудник. — Здесь женщины, дети, куда прешь?

Верзила на миг остановился, смерил своего соседа настороженным взглядом, после чего еще сильнее надавил на стоящих впереди людей.

— Говорят тебе — уймись! — не отставал Михаил. — Чтс же это никто за порядком не смотрит? Сейчас ты у меня попляшешь.

Он замахнулся, и тут же раздался милицейский свисток.

— В чем дело, граждане? — Милиционер энергично пробивался к ним. — Почему драку затеяли?

— Это вот он пристал, — зачастил скороговоркой незнакомец. — А я ничего. Я спокойно, как все…

— Выходите оба! — сурово приказал милиционер и стал выводить их из толпы. — Предъявите документы!.. Та-ак, инженер и… тоже инженер! И не стыдно? Пройдемте-ка со мной, уважаемые! Уплатив штраф за нарушение порядка, в следующий раз будете повежливее!..

За умелое выполнение задания Михаилу объявили благодарность. После этой операции была вторая, третья, четвертая… И от задания к заданию мужал чекист Дудник, рос его профессиональный опыт.

Когда осенью 1944 года Михаилу Семеновичу предложили перейти на работу во Львов, он не колебался ни минуты. Ему хорошо была известна ситуация, сложившаяся в западных

областях Украины. Борьба с националистическими бандами требовала не только отменных навыков оперативной работы, но и мужества, отваги.

…Однажды пограничники сообщили: «При попытке нелегально перейти границу ранен оуновский агент. Находится в госпитале». Дудник решил немедленно навестить лазутчика.

Он увидел на больничной кровати совсем молоденького юношу с мягким пушком вместо усов и выразительными голубыми глазами. Не верилось, что этот паренек — враг. Михаил хорошо помнил протокол предварительного допроса нарушителя границы. Зиновий признался, что уже два раза пересекал границу, выполняя задание главаря банды Седого. Поручения были несложными: встретиться на той стороне с представителем центрального провода ОУН, передать ему донесение от Седого. Потом недели две-три, до следующей вылазки, можно отдыхать.

Хотя какой там отдых? Родители пожилые, отец и вовсе не двигается (сказалось к старости тяжелое ранение еще в первую мировую войну), брат — в Советской Армии. Вот и лежит все хозяйство на Зиновии.

— Я никого не убивал! — прошептал юноша. — Меня насильно вовлекли в банду, сделали связным. Теперь я рад, что всему этому пришел конец…

…Бандиты ворвались к ним в хату глубокой ночью. На столе как раз лежало письмо брата из армии.

— Ага, продались, значит, советам. Не в лес, а в армию сыночка вырядили! — накинулись на стариков. — Ну, ну, пусть служит, христопродавец. Зато когда вернется — застанет пепелище вместо родной хаты. Собирайтесь!

Запричитала мать, упала к ногам бандитов, прося о пощаде. Зиновий бросился ее поднимать, усадил на лежанку рядом с беспомощным отцом.

— О-о, так ты уже совсем взрослый! — воскликнул бандеровский предводитель. — Небось, тоже в армию готовишься? Или в ФЗО?.. Тогда давай так. Ты идешь с нами, будешь грехи своего брата искуплять, а родителей оставим в покое. Так даже лучше будет.

— Нет! — опять вскричала мать и бросилась к сыну. — Не быть этому! Лучше уж нас, стариков, убейте, хату сожгите, а его не троньте! Ведь дите он еще совсем, не дам ему под людским проклятием ходить.

— Но он же не хочет вашей смерти, правда, Зиновий? — ухмылялся оуновец и моргнул стоявшим наготове бандитам. Те содрали с гвоздя первый попавшийся кожух, надели на хлопца, потом связали ему руки за спиной и увели.

— И чтобы сидели мне тихо! — прошипел главарь, уже в дверях повернувшись к старикам. — Будете причитать — сынок тут же получит пулю в затылок. Мы поговорим с ним малость и отпустим. Слава Украине!

Избив Зиновия до полусмерти, бандиты притащили его в глубокий овраг за селом, где их ожидали двое в военных полушубках и огромных бараньих шапках. Они-то и повели «разговор». Собственно, говорили только бандиты, Зиновий же полулежал в глубоком снегу и едва улавливал смысл сказанного.

Отца с матерью любишь? Любишь… Смерти их не желаешь? Не желаешь… Сам жить хочешь? Хочешь… Тогда слушай внимательно…

Зиновий возвратился лишь под утро. Молча, не раздеваясь, упал на широкую деревянную кровать…

Так он стал связным в банде Седого.

Это не была обычная оуновская банда. На Седого возлагались особые функции. Он обеспечивал связь между националистическим подпольем и его руководителями, окопавшимися за рубежом. При этом банда все время меняла место своего нахождения.

И вот Дудник уже в который раз беседует со связным Седого. И с каждой новой встречей все более оттаивает парень, все доверчивее воспринимает слова чекиста. Зиновий убеждался, что ему не только верят, но и понимают, стараются помочь вернуться к нормальной человеческой жизни. Однажды он сказал Михаилу Семеновичу:

— Таких, как я, силой втянутых в подполье, в банде Седого немало. В основном это связные, на их руках нет людской крови. Если доверяете, я попытаюсь поговорить с некоторыми по душам, и они явятся с повинной. Я убежден в этом.

— Ты прав, Зиновий, — после долгих раздумий ответил Дудник. — Я верю в твою искренность. Хорошо, что пытаешься и других вырвать с оуновского болота. Мы вместе обдумаем, как это лучше сделать. Но нас очень интересует сам Седой. Понимаешь? Обезвредим его — и многое из того, что ты задумал, станет осуществимым. Это раз. А второе, и это главное, ликвидировав банду, мы лишим националистических верховодов возможности координировать действия оуновского подполья. И тут твоя помощь просто необходима.

— Вы знаете, я за все это время ни разу не видел Седого. Он хитрый как лис. Никто из известных мне связных даже не знает, где его схрон… Но я постараюсь помочь вам, Михаил Семенович. Я благодарен за все, что вы для меня сделали, за то, что не считаете меня врагом… Эх, и почему меня пограничники раньше

не ранили? — грустно улыбнулся юноша и тут же осекся, погрустнел. — Вот если бы матери как-нибудь сообщить, что я жив.

— Мы уже побеспокоились об этом, Зиновий. Все будет нормально…

А через некоторое время чекисты уже готовили боевую операцию по захвату банды. Зиновий сдержал слово. Несколько связных благодаря ему вышли из подполья и явились с повинной. Все ближе к непосредственному окружению главаря подбирался Дудник со своими товарищами. На карте появлялись все новые пометки, обозначавшие тайные гнездовья постоянно маневрирующей банды. И вот Михаил уже беседует… с личной секретаршей Седого. Кольцо сомкнулось!

Операция была проведена настолько ювелирно, что Седой и предположить не мог, что очутился в ловушке. Он считал себя недосягаемым. Даже высоких гостей укрывал в своем логове, гарантируя им полную безопасность. Когда чекисты кружили схрон, в глубоком подземелье среди оуновских главарей дрожал от страха сам Граб, «командующий» группой «Буг-2» так называемой Украинской повстанческой армии. Банда Седого прекратила свое существование.

А вот зверствовавший в винниковских лесах Сатана, можно сказать, сам попал в руки Дудника. Хотя на самом деле, конечно же, такому исходу очередной чекистской операции предшествовала глубоко продуманная и не без риска работа многих людей.

Сатана, как и Седой, считал себя неуловимым. Не знала предела и его жестокость. Сколько человеческих жизней погубил этот оборотень. На его совести и смерть двадцатилетней учительницы из села Гаи, комсомолки Раисы Борзыло.

Приехав в село, Раиса внесла живую струю не только в жизнь школы. Райком комсомола поручил ей создать комсомольскую организацию — девушка успешно справилась с этим заданием. Она наладила работу сельского клуба, организовала драматический кружок. Активность комсомолки взбесила бандеровских душегубов. И вот в одном из писем к подруге Раиса пишет:

«Наберись терпения и читай внимательно. Вчера вечером возвращалась я из клуба. Репетиция прошла прекрасно, и настроение у меня было праздничное. Но перед самым порогом хаты, где я снимаю комнату, внезапно споткнулась о большой камень. Его до этого здесь не было. Оглянулась — за клуней мелькнула чья-то тень. Боязно стало. Но я все-таки отодвинула

камень и увидела какую-то бумажку. Уже в комнате прочитала: „Борзылова! Представитель УПА предлагает вам в кратчайший срок оставить наш район или изменить свои коммунистические взгляды в воспитании нашей молодежи. В противном случае будем вынуждены прибегнуть к крайней мере. Сатана“. Ты представляешь, что они мне предлагают! Изменить свои взгляды! Как мало эти бандиты знают нас! Никуда я, разумеется, не выеду. От всей души радуюсь, что их бесят мои успехи в селе. Я знаю: молодежь пойдет за мной…»

Через месяц, 5 декабря 1945 года, когда Раиса возвращалась из клуба, ее подстерегли бандиты. Несколько позже, взяв Сатану, чекисты обнаружили в его схроне и «документацию» банды. Среди этих кровавых бумаг находился и протокол допроса Раисы Борзыло. Ее уговаривали «по доброму» выехать из села, а перед тем передать бандитам комсомольские билеты молодых сельских активистов. Ей угрожали жестокой расправой. Комсомолка была непреклонной… И тогда с прогнивших нар сырого бункера поднялся сам Сатана… Изуродованное тело Раисы люди нашли только весной, когда в лесном овраге растаял снег…

Матерый бандит понимал, что ждет его за совершенные злодеяния. И он из последних сил, прибегая ко всевозможным ухищрениям, отодвигал свой бесславный конец. Несколько операций, проведенных чекистами против банды, к успеху не привели. И вот подполковник Воробьев поручил заняться Сатаной Михаилу Дуднику.

К тому времени стало известно, что Сатана нащупывает возможность пересидеть зиму во Львове, рассчитывая на то, что здесь, в многолюдном городе, никому и в голову не придет искать главаря крупной банды. И чекисты, разработав план захвата бандеровца, начали с ним «игру». Она состояла вот в чем. Скромный железнодорожник (им должен был стать Михаил), унаследовав небольшой домик на окраине Львова, готов за соответствующую мзду оказать услуги оуновскому «движению». Например, в просторном подвале, из которого очень просто прорыть ход к ветке городского канализационного коллектора, можно оборудовать надежный схрон. Хозяин дома вне всяких подозрений, ибо на прежнем месте работы зарекомендовал себя виртуозным слесарем и во Львов прибыл с отличной характеристикой. По многоступенчатой линии связи весть о неплохом варианте безопасной зимовки дошла до Сатаны.

Переговоры начались. Один за другим наведывались в дом телохранители главаря. Да, лучшего места для схрона в городе, пожалуй, не сыскать. Долгие, обстоятельные беседы с хозяином, проверка всей его подноготной заняли немало времени.

Убедившись наконец, что опасаться нечего, бандиты прорыли подземный ход, оборудовали схрон и завезли туда продовольствие на всю зиму. Теперь осталось только дождаться самого «квартиранта».

…Поздним вечером на пятнадцатом километре тернопольского шоссе, у самой опушки леса, остановился крытый брезентом грузовик. Не выключая двигателя, водитель, как и было условлено, четырежды включил и выключил фары. Но прошло пятнадцать минут, полчаса, а из лесу никто не вышел. Прождав еще немного, полуторка развернулась и умчала в сторону Львова.

Почему Сатана не явился? Неужели все-таки почувствовал неладное и в последний момент опять ускользнул от чекистов?.. Дудник еще и еще раз прокручивал в памяти каждую деталь задуманной операции. Нет, все было разыграно как по нотам. Очевидно, бандит решил подстраховать себя лишний раз. Надо ждать.

Вскоре и впрямь явился связной и назначил новый день приезда главаря.

И вот Михаил услышал, как за окном тихо остановилась машина. В дом вошел чекист, встретивший на грузовике под видом родича Дудника бандитского главаря, и сообщил:

— С ним еще телохранитель. Первым войдет Сатана.

Вот на крыльце послышались быстрые шаги. Дверь открылась. На пороге, щурясь от яркого света, стоял невзрачный, щуплый, заросший жиденькой щетиной мужичок. «И этот недоносок столько времени терроризировал целый район!» — подумал Михаил. Он ступил шаг навстречу и промолвил:

— Рады дорогому гостю! Здравствуйте!

Пожав протянутую руку, Дудник молниеносно заломал ее бандиту за спину.

— Не стреляйте! — простонал все мгновенно понявший и сразу поникший Сатана…

Не раз приходилось Михаилу Руднику видеть бандеровских заправил с поднятыми руками. Проникал он и в их логово.

Помнится одна такая операция в Карпатах.

Чекистам удалось узнать, что в горах, в хорошо замаскированной пещере находится крупная националистическая типография. Это там печатались смертные приговоры партийным, советским и комсомольским работникам, активистам, всевозможные листовки и «воззвания», которыми бандеровцы пытались запугать мирное население. Местонахождение типографии содержалось оуновцами в глубокой тайне.

Однажды с повинной явился связной, известный среди

бандитов под кличкой Верба. Он признался, что несколько раз доставлял из Сколевского района во Львов печатную «продукцию» оуновцев. Передавали ее люди, имеющие связь с Вороном, главарем крупной банды, скрывающейся в отдаленных ущельях. Сообщил раскаявшийся пособник оуновцев и о том, что ему поручено подыскать надежное жилье для «важной дамы» из «провода» и попытаться ее легализовать, то есть приобрести паспорт, договориться о прописке.

— Я собственными глазами видел хутор, который вместе с его жителями сжег Ворон, — говорил связной. — Многих из них я знал, они ни в чем не повинны. В одной из хат была бандитская явка. И вот семья отказала в пособничестве людям ворона. За это он и уничтожил хутор. Я непричастен к этому разбою, но чувствую и свою вину перед погибшими. Поэтому я пришел с повинной. Чтобы смыть с себя позорное пятно, выполню любое ваше поручение.

Для начала Вербе предложили и дальше как ни в чем ни бывало выполнять задания оуновцев. Ему помогут почаще бывать в горах (связной работал водителем лесовоза), а тем временем подыщут жилье для «важной дамы». Верба должен сообщить Ворону, что дело продвигается и есть надежда на благополучный его исход.

Прошел месяц… И вот черный «виллис» пробирается зимней дорогой все глубже в горы. За рулем — Верба, рядом с ним — моложавый преподаватель одного из львовских вузов. Дудник (а это был он) всматривается в заснеженные склоны и думает о предстоящей встрече. Сумеет ли он довести свою роль до конца и выиграть схватку с опытным врагом?

— Кажется, приехали, — неожиданно нарушил молчание водитель. — Мотор барахлит, слышите?

Михаил встрепенулся, бросил подозрительный взгляд на Вербу. Началось?.. Сам опытный водитель, инженер, Дудник напряженно вслушивался в работу двигателя, который в самом деле начал давать сбои. Но ведь перед выездом на операцию «виллис» тщательно проверяли!

Вышли из машины оба. В сгущавшихся сумерках осмотрели буквально каждый узел, но повреждения не нашли.

— Бензин! — вдруг воскликнул Верба. — У нас нет бензина! Смотрите! Бак продырявлен.

Под колесами расползлось рыжее пятно. Стемнело совсем. Мороз крепчал.

— До хутора, где нас ждет ночевка, не менее часа езды, — словно оправдывался водитель. — Я постараюсь задраить бак, но где взять бензин? В такую пору машины здесь не ходят. Да и не

остановится никто, если бы даже и проезжал… Тут неподалеку есть село, в котором у меня имеются знакомые. Можно было бы переночевать.

— Я из машины никуда не уйду! — сухо ответил Михаил.

— Замерзнете! И небезопасно, — перешел на шепот Верба. — Нагрянет «боевка» — забросают гранатами не раздумывая. Надо идти в село.

…В хате тепло, в печи потрескивают сосновые поленья, но Михаил никак не соглашается снять из окоченевших ног сапоги. Верба же не отказал себе в этом удовольствии, и вот сидит у самой печи, приложив босые ступни к ее горячему боку. Хозяйка тем временем собирает на стол, — молча, не проронив за минувшие полчаса ни слова. Хозяин, словно чужой, сидит за столом с самого краю и тоже молча дожидается ужина. Все попытки Вербы завести разговор тонули в этом кротком, но упрямом молчании.

«Устали люди, — подумал Дудник. — От всех этих непрошенных гостей, от беззащитности перед таящими угрозы ночами устали. Но скоро, очень скоро этому страху придет конец. Должен придти!»

Только хозяйка подала на стол картошку, как тут же Михаил услышал за окном стук конских копыт. Буквально через минуту дверь широко распахнулась и в хату ввалилось человек пять. Последним вошел высокий плечистый бородач. Дудник краем глаза взглянул на Вербу. Тот побледнел.

— Ты ба, кого я вижу! — потряс хату громовой голос бородача. — Племянничек, так и есть!

Набирая большой деревянной ложкой кислую капусту, Михаил внимательно наблюдал за Вербой. Неужели ловушка? Ведь ни о каком дядьке-бандите тот не сообщил.

— А я то думаю, кто пожаловал на мой терен! — не унимался бородач. — Прибегает связной и говорит: «Двое неизвестных в селе, начальство, кажется, по одежде видать». Ну, думаю, ежели опять уполномоченные рискнули сунуться или там лесоустроители озябшие, то я их сейчас согрею, го-го-го! Кто с тобой? — вдруг резко повернувшись к Михаилу, спросил бандит.

— Свой, свой, не переживай! — Верба, по всему видать, уже успокоился, дожевал картошку и начал натягивать на босые ноги сапоги. — Выполняем задание Ворона. Очень ответственное. Да вот беда, бак в машине продырявился, остались мы без бензина. А сколько еще до Ворона — сам знаешь. Твои хлопцы случайно не подожгли наш «виллис»?

— Ехали к Ворону, а попали к совсем другой птице… Ястреб! — отрекомендовался Михаилу бородач. — А вы отак,

всухую, глотаете капусту? Эй, друже Подкова! — приказал он одному из застывших на пороге бандитов. — А ну-ка принеси то, что под моим седлом!.. А вам задание, — обратился главарь к остальным. — Машину моих гостей лошадьми оттянуть в лес, бак починить и заправить бензином. Где взять — знаете, из тех лесовозов, что мы вчера спустили под откос. Отвечает за дело Зуб, ты у нас ведь главный инженер, го-го-го!..

…Михаил Дудник, несмотря на непредвиденное осложнение, успешно выполнил задание. «Важная дама» оказалась не только родственницей одного из самых высокопоставленных националистических верховодов, но и весьма осведомленным бандеровским эмиссаром. Благодаря этой операции, чекисты впоследствии разоблачили широко разветвленную сеть вражеской агентуры, захватили целую группу оуновских главарей, уничтожив заодно и подпольную типографию.

Тогда же у Михаила состоялось еще одно интересное знакомство…

Как-то, уже после проведения вышеупомянутой операции, сотрудникам госбезопасности были вручены фотографии некоего мужчины средних лет, высокого, со скуластым лицом и пристальным колючим взглядом. Был это член центрального провода ОУН, один из заместителей самого «главнокомандующего» УПА Шухевича, известный под кличкой Профессор. Заброшенный из-за границы, он руководил так называемой службой безопасности бандеровцев, ничем не уступавшей гитлеровскому гестапо, а нередко даже превосходящей его в жестокости и зверствах… Дудник взглянул на снимок — и сразу же вспомнил, что уже видел Профессора! Тогда, зимой, возвращаясь с Карпат.

А было так. За несколько километров до города Николаева «важная дама» приказала свернуть влево, и через полчаса машина остановилась на окраине поселка.

— У меня здесь родственники, надо повидаться, — сказала она спутникам, ведя их к особняку. — Согреемся малость и поедем дальше.

Вот тогда, в кругу этих «родственников», и выделил Михаил среди остальных этого нервного, со злыми глазами и угловатыми скулами человека. Он все время пытался выдать себя за беззаботного весельчака, знающего уйму шуток и невероятных историй, но дарить их «просто так» гостям не намерен: пусть они тоже потешат компанию интересной побасенкой. Дудник сразу понял, для чего их привели сюда. Конечно, этот шутник один из бандеровских заправил, и именно он должен был решить: можно

отпускать с Михаилом «важную даму» или же ей грозит опасность… Очевидно, никаких подозрений Дудник у него не вызвал, поскольку вскоре «родственник» напомнил о том, что пора в дорогу. На прощание же он, смотря в упор своими обжигающими глазами, прошептал без всяких там условностей: «Берегите ее! А это значит, что и себя сбережете…»

Значит, вот с кем тогда пришлось Михаилу иметь дело! Он все всматривался в снимок, словно предчувствуя, что с Профессором он еще встретится. И, как это было уже не раз, интуиция не обманула его.

…Вечерело. Трамваи были переполнены, и Дудник, миновав центр города, решил пройтись пешком. Свернул в тихую улочку, примыкавшую к парку, — и тут чуть ли не на него из подъезда выскочил высокий мужчина в сером макинтоше и широкополой шляпе. На мгновение их взгляды встретились, и Михаил сразу вспомнил эти злые, колючие глаза. Узнал ли его Профессор? Во всяком случае вида не подал. Круто развернулся и пошел тротуаром вниз к центру.

Дудник постоял немного, тогда, сунув руки в карманы, последовал за ауновцем. Тот тоже опустил руку в карман, и Михаил услышал, как щелкнул взведенный курок пистолета. Профессор все ускорял шаг, Дудник не отставал. И вот, завернув за угол, бандит не выдержал и бросился бежать. Дудник за ним:

— Стой, Профессор, стрелять буду!

Михаил прицелился. Он помнил, что Профессора приказано по возможности взять живым, поэтому старался попасть ему в руку, державшую пистолет. Прогремел выстрел. Но в ту же секунду выстрелил и ауновец. Пуля просвистела у виска. Бандит же, схватившись за плечо, продолжал бежать по направлению к многолюдной центральной улице. Профессор понимал, что здесь, в толпе, стрелять по нему не станут, и со всех сил рванул к трамвайной остановке. Прохожие испуганно жались к стенам домов. Михаил выстрелил вверх, потом еще раз… А бандит уже втискивается в тронувшийся трамвай. Уйдет!

Но тут навстречу Дуднику из проулка выбежали три милиционера. Мгновенно все поняв, они дали знак водителю остановить трамвай и вместе с Михаилом вскочили в него с обеих площадок. Мечущиеся глаза бандеровца извергали беспомощную злость, обреченность и страх…

…Снова скрипнула дверь, и Михаил вздрогнул, с трудом освобождаясь от воспоминаний. В комнату вошел все тот же Сова, и опять проскрипел своим деревянным голосом:

— Хмара ждет! Собирайтесь!

Четыре пары колючих глаз вновь сверлили Михаила насквозь. Глубоко затянувшись дымом, главарь бросил окурок на глиняный пол, старательно, даже чересчур, растер его сапогом и на удивление спокойно спросил:

— Ну как, все взвесили? Мы вас слушаем.

От Дудника не ускользнуло, что бандит вдруг перешел на «вы». Что же, поединок, кажется, выигран?

— Я не набивался вам в партнеры, — ответил Дудник, смотря прямо в глаза бандеровцу. — Ваши люди сами предложили провернуть дело. Я согласился. Теперь вижу, что зря.

В комнате воцарилась тишина.

— Ладно, садитесь. — Хмара, казалось, совсем уже подобрел. — Думаю, вы нас поймете, поэтому не обидитесь. Чекисты засылают к нам своих лазутчиков, приходится быть осторожными… Вот здесь все, что нужно для документов. — Он взял лежащий на скамье конверт, положил на стол и голосом, вновь зазвеневшим угрозой, добавил: — Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что в этом пакете — жизни наших людей?

— Мне деньги нужны, — тянул свою песню Дудник. — Без денег — разве это жизнь?

— Что ж, пожалуй, и в этом есть свой резон, — снисходительно улыбнулся бандит. — Свое вы получите, не переживайте… Ночью вас доставят обратно. Тогда же вручат часть денег и пакет. Можете отдыхать перед дорогой.

…Сани остановились, и Михаилу развязали глаза.

— Дальше нам нельзя, — глухо пробормотал провожатый, не вылезая из вороха соломы. — Город вон там, в той стороне. К рассвету доберетесь.

Перед Дудником расстилалась холодная белая пустыня. Едва освещенная молодым месяцем, она казалась бесконечной, и огромные, причесанные недавними ветрами снежные барханы катились к далекому, невидимому берегу. К нему направился и Михаил…

И вот далеко впереди вспыхнул предрассветными огнями большой город. С каждый шагом их становилось все больше, и разгорались они все ярче.

Город просыпался, готовился к новому дню.

Дзяный Борис
ИЗ КОГОРТЫ ХРАБРЫХ

Прост и скромен кабинет начальника Перемышлянского районного отдела МГБ, майора Павла Михайловича Чернова. Рабочий стол, несколько табуретов, сейф, настольная лампа, портрет Ф. Э. Дзержинского — вот и вся обстановка.

За последнее время Чернов нечасто бывал здесь. Все больше, как говорится, приходилось действовать в полевых условиях. На территории района была разгромлена банда Зеленого, ликвидирован Грыць, взят живым Поташка…

«Надолго ли присмирели бандиты? Куда залезли, в какие норы?» — думал Чернов, внимательно изучая разложенную на столе карту.

Затишье, как и предполагал Чернов, было недолгим. Поступили данные о том, что банда Недобитого собирается напасть на село Лагодов, чтобы расправиться с председателем сельсовета. Не раз уже ему подбрасывали угрожающие записки,

передавали через пособников «розказ» отказаться от занимаемой должности, перейти к ним и т. д. Но ни угрозы, ни шантаж, ни провокации не действовали на этого мужественного человека. И тогда бандеровская служба безопасности вынесла ему смертный приговор. Привести его в исполнение было поручено Недобитому, Лысу и Петру. На совести каждого из них были десятки замученных людей.

Сообщив чекистам, когда примерно эсбисты намереваются совершить свое кровавое злодеяние, крестьяне не могли сказать, в каком месте они в настоящее время находятся. Начальник райотдела тут же отдал приказ создать несколько мобильных заслонов, перекрыть бандитам возможные пути к селу, а сам с опергруппой вышел на наиболее вероятное направление.

Тщательно замаскировавшись, группа майора Чернова устроила засаду. Предстояло набраться терпения и ждать, ничем не выдавая своего присутствия.

Тихая ночь опустилась над Лагодовым. Спешили крестьяне покончить с вечерними хлопотами, а кое-кто уже и спать укладывался. Ведь вставать предстояло с первою зорькой. Вот только для всех ли благополучно минует эта ночь?..

Дорога, которую «оседлала» группа Чернова, с обеих сторон заросла густым кустарником. За ним то и укрылись чекисты. Томительно тянулось время, мерзли ноги, немели пальцы, ныли плечи. Вдруг треснула ветка. Все замерли в ожидании. И тут же неподалеку от них появилась вышедшая из лесу серна. Она замерла на какую-то секунду и, ничего не заметив, спокойно прошла буквально в нескольких метрах от чекистов.

«Значит, замаскировались неплохо», — с удовольствием отметил про себя Чернов.

Но вот его чуткое ухо уловило характерный шорох. Послышался приглушенный говор. На дороге промелькнула чья-то тень, за ней еще и еще. Всего Чернов насчитал пять бандитов. Когда они поравнялись с засадой, майор, поднявшись во весь рост, крикнул:

— Сдавайтесь, вы окружены! Сопротивляться бесполезно!..

В ответ бандиты ударили из автоматов.

Чернов залег и приказал бойцам открыть огонь по врагу. В воздух взлетела осветительная ракета — и стало видно, словно днем. Поединок был коротким.

Убитых осматривали при свете карманных фонариков.

— Смалюх, Лыс, — уверенно констатировал старший лейтенант Сорокин. — А это, кажись, Петр.

— А ты не ошибаешься?

— Крестьяне подтвердят, ведь Петр из Лагодова.

— Не будем их беспокоить… Они после этой перестрелки и так до утра не уснут. Опросим людей немного попозже. А теперь всем группам отбой! Разбор операции утром.

Было видно, что майор недоволен: Недобитый не пришел, к тому же ни одного бандита не взяли живым…

Машины остановились на опушке леса, неподалеку от села. Оперативная группа прибыла для выполнения нового боевого задания по ликвидации банды Лёна.

— Григорий Трофимович, — обратился Чернов к своему заместителю, капитану Вороне. — Возьмите опытных бойцов и оцепите подворье. Смотрите, чтобы ни один не ушел.

— Понял, Павел Михайлович! — ответил капитан и поспешил выполнять приказ.

Чернов, переложив пистолет в карман тужурки, направился с группой чекистов к хате Степана Стецива.

Прибытие группы не могли не заметить крестьяне, которые поняли, что началась операция по ликвидации бандитов, а значит, будет бой. Люди стали прятаться по домам. Матери загоняли в безопасное место детей.

У калитки Чернова уже ждал старший лейтенант Сорокин.

— Товарищ майор, хозяин на месте, утверждает, что ни в хате, ни во дворе никакого схрона нет.

— Ваше мнение?

— Врет!

Чернов знал, что старший лейтенант неплохой психолог, умеет отличить, где правда, а где — ложь.

— Где он?

— В хате. Возле него Стогов.

— Тогда обыск детальный, до мелочей! — приказал майор Сорокину.

Бойцы разошлись по двору. Каждый имел свое поручение. Чернов стоял, внимательно наблюдая за всем, что происходило вокруг. По опыту знал, что враг опасен и хитер. Где только не приходилось ему находить люки схронов: и под кроватью, и в погребах, и в колодцах.

Шло время, но поиск был безуспешным. Оперативники посматривали на Чернова, будто спрашивая: «Где еще искать?»

Майор подошел к хозяину, стоявшему у крыльца. Тот злорадно ухмыльнулся и промолвил:

— Казав, што нема схрона.

— Врете, все равно найдем, — ответил Чернов.

Он зашел в хлев, потом в сарай. Размещались эти строения под общей соломенной крышей. Внимание майора привлекла перегородка. Со стороны сарая она была кирпичной, а в хлеву —

глинобитной, к тому же казалась чересчур широкой. Чернов взял палку и тщательно измерил сарай и хлев: сначала снаружи, потом — внутри.

Бойцы с некоторым недоумением наблюдали за действиями майора.

Разница в измерениях оказалась немалой. Она то и подтвердила предположение о том, что схрон оборудован в перегородке.

Чернов приказал бойцам взять щупы и с их помощью обследовать пол в сарае и в хлеву. Бойцы приступили к делу, стараясь отыскать люк.

А тем временем Сорокин и Губанов по лестнице взобрались на чердак. Разбросали солому над перегородкой и…

— Товарищ майор! Здесь люк! — крикнул Сорокин.

— Бросай туда гранату! — крикнул кто-то снизу.

— Не смей! — резко прозвучал приказ Чернова. — Мы их возьмем живыми.

И тут же из бункера послышался сиплый голос:

— Не стреляйте! Не стреляйте! Я сдаюсь!

— А ну, вылазь! — крикнул Сорокин в открытый люк. — Только без фокусов…

Из люка показались сначала руки, потом лохматая голова.

— Псевдо? — спросил бандита Чернов.

— Горох.

— Где остальные?

— Еще ночью с Лёном ушли в другой схрон.

— Где он находится?..

Бандит бросил испуганный взгляд на Стецива. Заметив это, майор приказал вывести бандпособника, и снова обратился к задержанному:

— Так вы будете говорить?..

— Да, да… Я все скажу… Схрон этот у Стецива.

— Какого Стецива? Что у него — два схрона?

— Да нет. У его брата.

— Где живет?

— На другом конце села.

Мешкать нельзя было ни секунды. И Чернов прекрасно понимал это. Ведь с момента их прибытия прошло много времени, и Лён с боевиками мог ускользнуть из села.

— Григорий Трофимович! Вы со своими вперед! Заходите со стороны леса, — распорядился майор. — Сорокин, вы также с капитаном. Стогов и Губанов со мной!

Первой к месту, где был второй схрон, поспела группа капитана Ворона. Искать бандитов не пришлось. Они сами

выдали себя, открыв беспорядочный огонь из автоматов, пытаясь при этом прорваться к лесу. Когда бой закончился, Чернов подозвал Сорокина и встревоженно спросил:

— Доложите о потерях?

— С нашей стороны их нет, — ответил старший лейтенант. — Банда Лёна ликвидирована полностью…

Уже второй день в засаде. Завывая, в лесу бушует ледяной ветер. Слепит глаза снежная пороша. Чернов с оперативной группой вышел на след Недобитого и Сокола. Вот уже несколько часов сидят чекисты в засаде.

— Товарищ подполковник! — Горбушин в белом маскхалате приблизился к начальнику. — А может, их не будет? Или прошли какой-нибудь другой дорогой и уже у Стефки?..

— Придут! — перебил Чернов оперативника. — Ведь днем в селе их не было. Разведка это подтвердила.

Но в душе подполковника все же зародились сомнения. Наконец он кивнул Горбушину и, когда тот приблизился, сказал:

— А вообще, может, ты и прав. Зови ребят и проверим на месте.

Группа быстро собралась и, соблюдая осторожность, двинулась к селу. Вот показались крайние хаты. В одну из них, к Стефке Домарецкой, и наезжает Недобитый со своим охранником Соколом. Уже виден сад за домом. Вдруг послышался шум, смех. Шла многочисленная группа молодежи. Чекисты с ястребками спрятались за домом. Кто-то из них тихо объяснил Чернову, что это колядники, ведь сегодня рождество. Прошли одни, другие… Дорога опустела. И тут оперативники заметили две черные фигуры, которые, крадучись, ступали вслед за колядниками.

— Внимание! — предупредил Чернов.

— Это наши. Из милиции. Участковые уполномоченные. Я видел их днем, когда ходил в разведку, — зашептал на ухо Дупанов. — Сейчас проверю! — и, не дождавшись ответа подполковника, выскочил из-за стены.

— Стой! Куда! — рванулся за ястребком Чернов, схватив его за руку…

И в этот же миг прозвучал выстрел. Павел Михайлович ощутил тупой удар в грудь. Еще услышал, как рядом застонал Дупанов… И больше ничего…

Горят огнем гвоздики на граните. А рядом шумят белоствольные березки. Они словно пришли сюда с родной стороны Павла Михайловича Чернова, чтобы склонить свои кудрявые головки у могилы отважного чекиста, который навечно почил в украинской земле.

Коломиец Валентина
НЕ ЗНАЯ ПОКОЯ

Отгремели победные салюты. Шли первые послевоенные месяцы. С помощью командования советских войск жизнь в Германии постепенно входила в мирное русло. Но еще нередко группы недобитых гитлеровцев совершали диверсии, вооруженные грабежи, занимались вредительством. Особенно неспокойно было на шоссейных и железнодорожных магистралях. Обеспечивать безопасность передвижения наших войск и воинских грузов довелось чекистам.

…Воинский эшелон шел с редкими остановками. Мимо проплывали небольшие селения Восточной Пруссии. Стоя у окна, лейтенант Вячеслав Толстов с интересом разглядывал основательные, крепкие и удобные строения хуторских имений, ухоженные земельные участки, дорожки, посыпанные галькой или песком. Ничего не скажешь, аккуратно жили пруссаки. Долго рассчитывали хозяйничать на этих исконно польских землях. Вот

даже город Ольштин переименовали на свой манер — Алленштайн.

Толстое — оперуполномоченный транспортного отдела НКГБ — нес ответственность за обеспечение порядка на этом участке дороги. Конечно, справиться с этими обязанностями одному было не под силу. Лейтенанту помогали обходчики, стрелочники, путевые рабочие.

Несколько дней назад именно рабочие заметили развинченный стык, сдвинутые с места рельсы на крутом повороте дороги. Диверсию предотвратили. Этот случай насторожил Толстова. «Надо будет усилить наблюдение за тем поворотом», — думал он, вглядываясь в придорожную полосу посадок.

Вдруг поезд затормозил так резко, что Толстов еле удержался на ногах. В чем дело? Толстов выглянул из вагона и увидел, что навстречу поезду по путям бежит человек.

Из многих вагонов выглядывали офицеры, солдаты, некоторые спрыгивали на землю… Толстов тоже спрыгнул.

— Стойте! Там… туда нельзя… — задыхаясь, проговорил пожилой мужчина в спецовке, которого уже окружили пассажиры.

Машинист тормошил его за плечо:

— Что случилось?

— Я видел, как они закладывали мину… Вон там…

Впереди, метрах в ста от остановившегося поезда, под колеей, Толстов обнаружил две замаскированные мины. Подозвал обходчика, предупредившего об опасности.

— Кто они? Куда ушли? — спросил Толстов.

— Немцы, наверное, кто же еще? Заложили и побежали вон в тот лес…

— Сколько их было?

— Не знаю точно… Я видел троих…

Действовать надо было немедленно. Толстов отобрал несколько десятков бойцов, подозвал сержанта с розыскной собакой. Тут же выстроив поисковую группу, лейтенант объяснил задачу, после чего вместе с сержантом принялся внимательно изучать следы.

— Альма! Ищи! — наконец скомандовал сержант.

Обнюхав место, где топтались диверсанты, собака стремительно скатилась под откос и побежала в сторону леса. Альма шла уверенно, верхним чутьем — след-то был свежий. Толстов и бойцы еле поспевали за ней.

Альма привела группу к заброшенному хутору километрах в трех от железной дороги.

— Окружить хутор! — скомандовал Толстов.

Растянувшись цепью, воины двинулись к постройкам. Заметив их, засевшие в доме диверсанты открыли огонь. Пришлось принять бой. Их было семеро. Двое убиты, пятерых взяли в плен…

Это один из эпизодов начального периода боевой биографии чекиста Вячеслава Васильевича Толстова.

…В конце 1945 года из Германии он был направлен на Украину.

Сороковые годы в западных областях Украины были неспокойными. Активно действовала оставленная гитлеровцами при отступлении агентура, терроризировали мирное население националистические банды. Служба Вячеслава Васильевича снова была связана с транспортом. Теперь он отвечал за обеспечение безопасности на одном из участков железной дороги в Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области.

…Шло расследование диверсии на участке Снятин—Коломыя. Было установлено, что совершили ее бандеровцы. Они хорошо знали местность, обстановку в данном районе. Следовательно, и укрывались где-то неподалеку.

После некоторых размышлений и наблюдений решили сосредоточить внимание на селе Загайполь и его окрестностях. Здесь орудовала банда Льва. Бандеровцы зверски замучили двух сельских активистов, молодую учительницу-комсомолку, присланную из области, держали в страхе всю округу.

Лейтенант Толстов и другие чекисты неоднократно встречались, беседовали с местными жителями, организовали наблюдение, пытаясь нащупать тех, кто связан с бандой, установить место ее нахождения.

Однажды, встретившись с Толстовым, участковый из Загайполя сказал:

— Люди из нашего села сообщили, что бандиты иногда ночью приходят к Марии Н. Очевидно, она их связная… Хата ее стоит на отшибе, возле леса. Живет одна…

На следующий день был разработан план операции. Брать бандитов решили не с наскоку, а наверняка, предварительно все хорошо разведав и, по возможности, исключив нелепые случайности.

…В тот поздний вечер Мария никого не ждала. Поэтому, когда раздался стук в дверь, она испугалась. Но, увидев женщину с хозяйственной сумкой в руках, в одежде, какую носят местные жители, сразу же успокоилась и впустила незнакомку в хату.

— Добрый вечер, пани Мария, — поздоровалась гостья. — Добрый вечер, — неохотно ответила хозяйка. — Кто вы и почему так поздно пожаловали?

— Имя мое Леся, бояться меня не надо. Добрые люди сказали, что у вас можно переночевать.

Мария настороженно молчала.

Гостья осмотрелась, извинилась за беспокойство и тихо, доверительно призналась:

— Я иду на связь с проводом. Надеюсь, вы, местная жительница, меня поймете и не продадите чекистам. У вас я задержусь ненадолго.

— Добре, располагайтесь, — так же неохотно ответила хозяйка и предложьла поесть.

Леся от еды отказалась и попросила разрешения прилечь на лавку.

Разговор не клеился.

Мария поинтересовалась, не страшится ли Леся вот так ночью бродить по лесам.

— Человек ко всему привыкает, — с усмешкой ответила гостья.

Часа через три Леся сказала, что ей пора, и, поблагодарив Марию за приют, собралась уходить.

— Я верю, что о нашем знакомстве вы никому не расскажете. Помощи, повторяю, не надо. Могу ли на обратном пути рассчитывать на ваше гостеприимство?

— Чего ж, заходите.

— А если с одним или двумя хлопцами из провода, можно?

— Добре…

Днем Леся подробно рассказала Толстову, который и послал девушку на это задание, о своем ночном путешествии, знакомстве с Марией.

— Будем надеяться, что она поверила нам, — рассуждал лейтенант. — Теперь Мария наверняка расскажет о вашем визите бандитам. Упомянет о том, что связная обещала заглянуть на обратном пути, да еще не одна, а с хлопцами из провода. Это заинтересует Льва, который обязательно захочет повидаться с ними. А ведь это нам и нужно…

И вот на следующий день к Марии снова пожаловала Леся, а вместе с ней и хлопцы из «провода» (это были Толстов и еще один оперативник, которого они называли Василий).

День прошел спокойно, никто не появился. Очевидно, Мария еще не уведомила Льва о появлении связных.

Вечером, поблагодарив хозяйку, они ушли, сказав на прощание, что дня через два будут возвращаться и, если она не возражает, снова зайдут.

Через два дня тот же Василь, лейтенант Толстов и старший

лейтенант Хорунжий, который был подключен к операции на завершающем этапе, опять сидели в Мариной хате. Сказали ей, что скоро уйдут. Хозяйка тут же сообщила:

— С вами хотят встретиться.

— Кто?

— Известно кто. Хлопцы из леса.

Давай, — небрежно махнул рукой Василь. — Пусть приходят. Только погоди… Сколько их? Чем меньше, тем лучше. Лишние свидетели нам ни к чему. Да чтобы побыстрее.

Мы здесь еще часа полтора-два пробудем — и прощайте.

Хозяйка молча вышла из хаты.

Прошло два часа напряженного ожидания. Никто не пришел.

— Уходим, — решил Толстов. — Ждать больше не будем.

…А они, оказывается, все же приходили. Наблюдали за хатой и выжидали, как поведут себя неизвестные им представители провода. Те ли они, за кого себя выдают? Если это чекисты, то будут ждать долго. Если же действительно полномочные посланцы провода, то не станут задерживаться — им здешние дела мало интересны.

Посланцы ушли. Значит, не захотели ждать мелкую местную сошку и этим самым уверили Льва в мысли, что они действительно от самого провода.

Вскоре чекисты предприняли еще один визит к Марии. Она ушла, оставив их одних, а вернувшись, сообщила:

— Сегодня придут.

— Только напомни, — сказал Василь, — что лишние свидетели нам здесь не нужны, а то все село на ноги поднимут.

И вот они явились. Двое… Лев был совсем не похож на льва — маленький, серенький, в общем, «мыршавый», как определил его Василь. Зато его телохранитель Сиротка — огромный верзила с устрашающими кулачищами. Оба вооружены.

Начиная с приветствия «Слава Украине», разговор вел Василь, — Толстова мог выдать хоть и несильный, но все же заметный восточноукраинский акцент. Когда Лев поинтересовался, почему пан Славко, как отрекомендовали ему Толстова, не принимает участия в разговоре, Василь объяснил:

— А он у нас неразговорчивый. Мы ему и псевдо дали Мовчун.

После этого чекисты выслушали подробный рапорт главаря местной «боивки» о том, что сделано, что планируется сделать, кто им помогает. Лев пожаловался на отсутствие поддержки населения, на то, что слишком уж мало людей осталось в банде.

Толстов тем временем оценивал создавшуюся обстановку. Значит, главное выяснено. Больше они ничего нового не скажут.

Но и того, что успели выболтать, более чем достаточно… Надо кончать этот разговор. С Сироткой справиться будет непросто. Да и Лев просто так не дастся. Надо их как-то разъединить. С каждым в отдельности справиться будет легче…

— Если бы провод подбросил нам людей… — наконец закончил свой отчет Лев.

Толстов незаметно указал Василю взглядом на дверь. Тот все понял.

Мария суетилась у печки, готовя ужин.

— Пошли покурим, — бросил Василь Льву и поднялся со стула, будто для того, чтобы дать хозяйке возможность накрыть на стол.

Они вышли. Какую-то минуту в хате стояла тишина. Сиротка задумчиво смотрел вслед вышедшим.

— А вы, пане Славку… — начал был он.

В это мгновение во дворе раздался выстрел. Сообразить, в чем дело, Сиротка не успел — его прошил из автомата Толстов.

В хату Василь вошел со словами:

— Ну что ж, пусть скажут мне спасибо те, кого он еще не успел убить.

Остальных бандитов даже разыскивать не пришлось — вскоре все они сами явились с повинной.

…Прошли годы. Не гремят больше выстрелы из-за угла, позарастали бурьяном бандеровские схроны. С ненавистью вспоминают сегодня люди презренных фашистских наймитов. Некоторые из них, спасаясь от возмездия, бежали за границу. Их используют в своих целях иностранные разведывательные службы.

…Однажды было обращено внимание на странный маршрут туриста из ФРГ: с пограничного пункта Мостиска во Львов и обратно в Мостиску. Ехать из Федеративной Республики Германии в Советский Союз для того, чтобы посетить только один город, да и тот вблизи от границы? Ничем больше не поинтересоваться? Ничего не посмотреть в нашей стране? Действительно, странно.

Кто же этот турист? Некий Бернардо Винченцо, католический священник из ФРГ, итальянец по национальности. Что же привлекло его во Львов? С городом почти не знакомился, на экскурсии не ездил. Встречался с несколькими служителями культа и с одной молодой женщиной, Софией К. Вскоре уехал. Ну что ж, вольному воля, как говорится.

На следующий год отец Винченцо опять значился в списках иностранных туристов, имеющих намерение посетить город Львов. И опять такой же маршрут: Мостиска — Львов —

Мостиска. Чем это объяснить? Личными мотивами — симпатией к молодой и интересной Софие К.? Может быть. Но все же на всякий случай полковник Вячеслав Васильевич Толстое обратился с просьбой к таможенникам в Мостиске: повнимательнее провести досмотр машины и багажа странного туриста.

Таможенники исполнили просьбу. Обнаружено: много вещевых подарков «для знакомых», как объяснил Винченцо, 17 тысяч советских рублей, заклеенных в стенках картонных коробок, и, наконец, адреса каких-то людей во Львове, Тернополе, Ивано-Франковске. Об адресах турист не нашел что сказать.

Было над чем поразмыслить. Винченцо вез много вещей ширпотреба. Собирался спекулировать? Маловероятно, чтобы материально обеспеченный человек обременял себя хлопотами такого рода. Опять же 17 тысяч рублей. Это не та сумма, которая может понадобиться туристу для покупок во Львове. Следовательно, деньги предназначались для других целей. Каких? Пока неясно. Может, найденные при досмотре адреса помогут разобраться? Но Винченцо всячески открещивается от них: не знаю, не видел, это не мое дело и так далее.

— Что ж, не знает он — узнаем мы, — решил Вячеслав Васильевич.

Началось следствие, которое установило и подлинность адресов, и фамилии людей, проживающих по ним, и их политическое лицо…

Долго, как говорится, распутывали ниточку, пока добрались до клубочка. А клубочек — вот он: Винченцо был одним из эмиссаров заграничного подрывного идеологического центра, посланных в Советский Союз с целью материально стимулировать возобновление униатской церкви в западных областях Украины.

Вот кем оказался католический пастор…

Многие дела, расследованием которых руководил полковник Толстов, на первый взгляд имеют между собой немало общего. Как правило, к падению, которое может закончиться даже предательством, изменой Родине, людей толкают самые низменные побуждения, среди которых далеко не последнее место занимают алчность, жажда наживы.

Вот взять хотя бы того Петрова. Это же какая страсть к благополучию любой ценой обуяла человека, что он решился на такое преступление. Работая на одном из заводов, продавал агенту иностранной разведки государственные секреты. И все ради денег. А когда был разоблачен — какого труда и опыта это потребовало! — уже сидя на скамье подсудимых, мелко дрожал и все спрашивал: «Это конец? Меня расстреляют?» О чем же он думал, когда менял интересы Родины на заграничное барахло и

жалкие сребреники?

Или та история со студентами-иностранцами из Львовского медицинского института, которые вовлекли в свои валютные махинации нескольких советских граждан. Разве не алчность руководила студенткой Татьяной С., когда она согласилась быть посредницей в торговле валютой? А ее мать, увидев большую пачку ассигнаций, выпавшую из кармана Татьяны, даже не поинтересовалась, откуда у дочери такие большие деньги, больше того — с удовольствием приняла от нее подарок — серьги с бриллиантами. И это — при весьма высокой обеспеченности семьи. Но им все было мало. Вот и пошла Татьяна на преступление, хорошо зная при этом, что участвует в подрыве экономической мощи нашего государства.

…Нелегкий, но почетный путь прошел Вячеслав Васильевич в рядах доблестных стражей государственной безопасности.

Во время одной из наших бесед в ответ на вопрос, почему он стал чекистом, полковник Толстов сказал:

— Стремление с оружием в руках бороться с врагами Советской власти, как и у многих сверстников, зародилось у меня еще в юношеские годы. Ведь нашим идеалом были герои гражданской войны, первые чекисты, которых народ по праву именовал рыцарями революции. Именно эта юношеская восторженность и определила мой выбор. А дальше что… Служба — как служба…

Пятнадцать орденов и медалей украшают грудь полковника Толстова. Видимо, хорошо шла служба.

Мельничук Ярослав
ШЛА ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ВОЙНЫ

Вообще-то до Комарно лучше всего было добираться на попутной машине, по крайней мере так Петру посоветовали в Дрогобыче. Но, проторчав битый час на безлюдной дороге, он вынужден был проситься на подводу к какому-то угрюмому старику. Не удостоив своего попутчика слова, тот демонстративно старался не глядеть в его сторону, давая тем самым понять, что ни в какие разговоры ввязываться не собирается. Даже когда Петр, небрежно расстегнув шинель, вынул из кармана новеньких форменных брюк папиросы — не столько для того, чтобы закурить, сколько с целью попотчевать своего молчаливого возницу, — дед и бровью не повел, достал откуда-то из-за пазухи черный кисет и, зажав меж коленями вожжи, ловко свернул козью ножку.

— Ну что ж, — подумал лейтенант. — Поиграем в молчанку…

Он спрятал папиросы и, соскочив с телеги, которую тощая лошаденка начала вкатывать под гору, зашагал рядом. Был этот человек высок и широкоплеч, ступал легко, словно не по ухабистой, раскисшей от недавнего дождя дороге, а по проспекту, с удовольствием подставляя встречному ветерку молодое, открытое лицо.

Вдоль дороги тянулся жиденький орешник, из которого кое-где выглядывали хиленькие сосенки. Дальше простирались возделанные поля, расчерченные ровными межами наделов. Справа виднелся лес, верхушек лиственниц которого уже коснулась желтизна осени, а слева показался хутор. Несколько хат с пристройками выглядели одиноко, словно брошенные хозяевами: ни тебе садика рядом, ни живности на подворье.

Да, у них на Харьковщине хутора выглядели совсем по-другому. Правда, кто его знает, как там теперь, после того, как дважды пронесся землей огненный смерч войны: один раз на восток, второй — на запад. Может, остались от тех хуторов одни обгорелые печные трубы, а сады полегли под гусеницами танков? Да и сам Харьков, какой он теперь?..

О чем думает солдат, оказавшись наедине с самим собой? Конечно же, о доме. И чем больше лет отделяет его от того дня, когда он в последний раз переступил его порог, тем волнительнее, тем острее эти воспоминания. Вот и лейтенант Дубровский мысленно вернулся в эти минуты в родные края. К матери своей Пелагее Андреевне, к отцу — Александру Ивановичу. И на мгновенье представилось ему, как сидят они за белоскатертным столом, на котором благоухает огромный яблочный пирог, на руках у матери еще совсем маленький братишка Женя, к отцовскому плечу ласково жмется сестра Клавдия, — все такие торжественные… Ну точь-в-точь как в тот день, когда вернулся он домой уже не простым хлопцем, а выпускником ФЗУ — без пяти минут мастеровым человеком. Скупа была их семейная жизнь на праздники, но тогда ликовали все по-настоящему. Радовались за него, за то, что выходит в люди, что верную дорогу избрал себе в жизни.

На паровозоремонтном заводе работалось ему хорошо, можно сказать, в охотку. Даже когда приходилось по две смены подряд вкалывать (нередко случалось и такое, ведь время-то тревожное было, предгрозовое), не хныкал, а скорее наоборот, даже какое-то удовольствие получал от того, что может испытать себя на прочность…

Подъем кончился. Вытащив телегу на гору, лошадка таки изрядно притомилась и теперь плелась так медленно, что Петр

даже обогнал ее.

— Садись, чего там, все равно быстрее не будет, — окликнул лейтенанта дед, нарушив наконец затянувшееся молчание, и, пододвинувшись, освободил ему место рядом с собой. — Ее, холеру, — кивнул он на лошадь, — хоть батогом, хоть каленым железом, все равно не подгонишь. Зато дома будет как по расписанию, куда там поезду, точь-в-точь к обеду. Мабуть, эту привычку у немцев переняла, когда бричку с каким-то ихним шуцман-начальником тягала.

— А что, фрицы тут у вас сильно свирепствовали? — поддержал разговор Петр, усаживаясь рядом с возницей.

— А как же… Да и не только они, — дед оглянулся, словно ожидая увидеть кого-то за своей спиной, и щелкнул кнутом. — Вьйо! Щоб тебя…

И снова воцарилось молчание. Возница, наверное, обратился мысленно к не столь уже и далекому прошлому, а Петр вернулся в предвоенные годы. Опять представилась ему вся семья. Только вот разговоры посдержанней, да и лица у всех построже. Провожают Петра в армию. Отец подошел — обнял. Мать слезу уронила. Сестра поцеловала… Короче говоря, как в песне поется: «Были сборы недолги…». Вышел он из дому, оглянулся раз, потом еще, помахал всем рукой на прощание (они так у порога стоять и остались — провожать не разрешил) и зашагал на сборный пункт.

Эшелон с призывниками уходил ночью. Ребята устраивались поудобнее, тут же знакомились, готовились к дальней дороге. У кого-то оказалась гармонь. Зазвучали песни.

Время в пути летело быстро. В разговоры все чаще врывалось слово «Москва». Всех волновало одно: успеют ли они хоть одним глазом взглянуть на нее. И вот столичный Киевский вокзал. Звучит команда выйти из вагонов, построиться. Приземистый, плотно сбитый и на удивление подвижный майор называет фамилии — среди них Петр слышит и свою.

— Выйти из строя! — басит майор. — Остальным: по вагонам!

На перроне остались стоять около сотни человек. Не успели они взглядом проводить уходящий эшелон, как подъехали крытые брезентом грузовики.

— По машинам!

Петр уселся у заднего борта. Грузовики тронулись. И тут же из глубины машины послышалось:

— Ребята, куда едем? Вам там видно…

А что он мог ответить? Ведь видел Москву впервые. Вот высотный дом, набережная, какая-то площадь, проспект, снова набережная… Не может быть! Петр не верил своим глазам:

машины въезжали на Красную площадь. Да, да… Именно такой запомнилась она ему с открыток и журнальных иллюстраций. Вот Спасские ворота…

— Где мы?.. — Все еще не унимались ребята, сидящие за его спиной. Ответить им Петр так и не смог. Дыхание перехватило, сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Да и не сон ли все это?

Тем временем грузовики, миновав медленно открывшиеся ворота, выехали на Кремлевскую площадь и остановились.

Петр услышал голос майора, который, выйдя из кабины, чеканя каждое слово, раздельно произнес:

— Товарищи, поздравляю вас! Вы прибыли на место прохождения своей службы…

Подводу основательно тряхнуло, и Петр едва удержался на своем месте.

— А, черт, покалечили дорогу, — выругался возница и, обратившись к лейтенанту неожиданно заискивающим тоном, предложил: — Может, сзади на сено уляжетесь. Оно так и удобнее, и безопаснее будет.

Петр удивленно взглянул на деда.

— С чего бы это я стал вдруг разлеживаться?.. А насчет дороги не беспокойтесь: и не такими колесить приходилось.

— Да так-то оно так, но впереди лесок видите?

— Вижу. Ну и что?

— Нам бы его минуть благополучно, и, считай, уже дома.

— Так минайте… — в тоне Петра сквозило неприкрытое раздражение.

— Эх, молодо-зелено, — сплюнул возница и, словно его зазнобило, поднял ворот неизвестно какого (то ли польского, то ли еще австрийского) образца латаной-перелатаной шинели.

Петр, будто невзначай коснувшись кобуры, снова соскочил с телеги и зашагал рядом. Время уже, наверное, близилось к обеду, так как лошадка побежала резвей.

…Да, Петру Дубровскому выпало служить в Управлении коменданта Московского Кремля. Тогда, в сентябре 1938 года, он впервые услышал бой курантов на Спасской башне. Не знал парень, что придется ему жить по этим главным часам страны целых шесть лет. И каких лет!

Он стал участником первого довоенного парада на Красной площади. Представляете, как готовились Петр и его сослуживцы к этому смотру? А через год он нес службу на посту номер один — у Мавзолея Владимира Ильича Ленина.

Ему довелось стоять в почетном карауле всего в нескольких шагах от самого дорогого, навечно оставшегося жить в сердцах миллионов человека. Мимо него в торжественном молчании проплывал многолюдный поток, тысячи, десятки тысяч лиц, всматриваясь в которые, Петр научился читать не только летопись, не только настоящее, но и грядущее своей Родины. И когда в июньское утро сорок первого в его сознании взорвалось это жуткое и оглушительное, словно вой падающей бомбы, слово «во-о-ойна», он уже знал: враг будет разбит. Ибо победить тех людей, которые проходили мимо него, направляясь к Ленину, невозможно. Просто НЕМЫСЛИМО!

А потом мимо Петра проплыл еще один людской поток. Только не тихий и скорбный, а грозный и решительный в своей неукротимой жажде разбить и уничтожить врага. Через заснеженную Красную площадь (ровно пятьсот подобных удару набата шагов), мимо Мавзолея, прошли в ноябре сорок первого защитники Москвы. Отсюда — прямо в окопы, на передовую!

В тот же день Петр подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Так же поступили и его товарищи. А вечером к ним в подразделение пришел начальник политотдела. Он постоял несколько минут, ожидая, пока его окружат плотным кольцом бойцы, и сказал:

— Мы понимаем ваше желание быть на передовой, но сейчас вы нужны здесь…

Вот и все. Эти слова они восприняли как приказ. Да они и были приказом — оставаться на посту номер один у сердца Отчизны.

Суровой, неприступной и в то же время родной, близкой — именно такой запомнилась Петру военная Москва. В августе сорок третьего его приняли в партию, а через несколько месяцев он снова обратился к командованию с просьбой направить его на фронт. Дни, недели, пока решался этот вопрос, тянулись для Петра невыносимо медленно. И вот наконец получен ответ: его просьба удовлетворена. Правда, сначала необходимо было пройти подготовку в школе НКГБ СССР.

Окончить ее он не успел. Началось большое наступление на Украине, и Дубровский вместе с большей частью курсантов был откомандирован в Киев, в распоряжение НКГБ УССР. С этого дня их боевой путь был неразрывно связан с продвижением передовых частей.

— …Ну вот, кажись, и проскочили, — прерывая воспоминания своего попутчика, облегченно вздохнул возница и, остановив лошадку, кряхтя, слез с телеги. — Теперь и пройтись

можно, а то засиделся, как квочка на насесте. — И, не выпуская из рук вожжи, дед засеменил рядом с Петром.

Дорога тем временем повернула круто вправо, взобралась на пригорок, с которого Петр и увидел городок.

— Можно сказать, прибыли, — снова отозвался дед. — Вот оно, наше Комарно, щоб его комары съели…

Колеса подводы застучали по брусчатке, которой была вымощена центральная улица городка. Лошадка протащилась еще несколько сот метров и замерла у кирпичного здания провинциальной архитектуры, которое, судя по всему, было вокзалом.

Петр подошел к телеге, нашарил под сеном вещмешок, развязал его. Дед, как бы невзначай заглянув через плечо лейтенанта, небрежно бросил:

— Что ж, спасибо за компанию…

— И вам спасибо, — в тон ему ответил Петр и положил на то место, где всю дорогу восседал возница, завернутый в газету кусок мыла.

Старик, сощурив глаза, глянул на гостинец и расплылся в довольной улыбке. Он хотел еще что-то сказать своему попутчику, но тот поспешил прочь…

Городок показался Петру каким-то неприветливым. Возможно, причиной тому был недавно прошедший дождь, грязь и серое, словно налитое свинцом, небо?.. Нет, не только это. Вот идет навстречу девушка. Движения неуверенные, скованные. Взглянула на Петра и, будто чего-то испугавшись, отвела глаза. А женщина постарше, шедшая за ней, увидев лейтенанта, перешла на другую сторону улицы.

В Дрогобыче товарищи сориентировали Петра, как разыскать райотдел НКГБ, который находился в Комарно неподалеку от центра. Выйдя к реке, он сразу увидел его двухэтажное деревянное здание. Вывеска у двери гласила: «Комарновский райотдел Управления НКГБ». Дежурного у входа не было. Петр толкнул массивную дверь, которая неожиданно легко поддалась его руке, и вошел в управление. Миновав безлюдный коридор, он стал подниматься на второй этаж. Вдруг послышались шаги, и Петр, подняв голову, увидел на верхних ступеньках старшего лейтенанта. Подождав, пока Дубровский поравняется с ним, тот спросил:

— Вы к кому?

— Прибыл для дальнейшего прохождения службы. А вы кем будете?

— Исполняющий обязанности начальника райотдела Балицкий, — представился старший лейтенант.

— Ну, значит, мне к вам, — козырнул Петр и достал из нагрудного кармана гимнастерки свои документы.

— Что ж, пополнению рады, — бросил Балицкий, внимательно изучая предписание. Наконец он вернул бумаги Петру и, сделав рукой широкий жест закоренелого хлебосола, пригласил его пройти в свой кабинет.

Петра поразил беспорядок, царивший в комнате. Пол ее был устлан бумагой и битым стеклом. Шкаф придвинут к окну с вывороченной рамой. На столе в кучу свалены какие-то папки. Сейф, стоявший в углу, открыт, и возле него валяется старая помятая канистра.

Балицкий с улыбкой проследил за недоуменным взглядом Петра и, словно о чем-то само собой разумеющемся, сказал:

— Тут к нам под утро «гости» пожаловали… Вот оттуда, — старший лейтенант подошел к окну и кивнул головой в сторону черневшего за рекой леса. — Думаю, из банды Лютого. Мы позавчера на одном хуторе нескольких ихних боевиков взяли. Вот они и попробовали их отбить. В темноте перебрались через реку… Хорошо, дежурный вовремя тревогу поднял. Короче говоря, встретили мы врага прицельным огнем со всех стволов. Даже карманную артиллерию, то есть гранаты, в ход пустить пришлось. Шуму было! А потом подмога подоспела. Правда, замешкайся ястребки и ребята из милиции еще на пару минут, туго бы нам пришлось. Видишь канистру? Мы ведь уже и документацию сжигать приготовились. Сам понимаешь…

Да, теперь-то он понял все. Нескольким сотрудникам райотдела НКГБ, НКВД довелось этой ночью отбивать натиск целой банды. Оуновцы надеялись на внезапность. Им казалось, что ничего не стоит снять дежурного, покончить с теми, кто находился в райотделе, проникнув в подвал, освободить пленных бандитов, захватить или уничтожить документацию.

Переправившись через реку, они черными тенями возникли вот под этими окнами. И кто знает, чем бы закончился налет, если бы не мужество и стойкость чекистов…

— Неужели пополнение прибыло?!

Петр оглянулся. На пороге кабинета стоял худощавый юноша в выцвевшей гимнастерке.

— Знакомьтесь, — словно подбадривая Петра, Балицкий коснулся рукой его плеча. — Лейтенант Дубровский, направлен к нам Дрогобычским управлением НКГБ.

— Оно и видно, что из центра…

— Не знаю, что ты там успел разглядеть, — оборвал на полуслове Балицкий лейтенанта, — скажу лишь одно: перед поступлением в школу НКГБ товарищ Дубровский служил в

Управлении коменданта Кремля и принимал участие в обороне Москвы. Награжден медалью «За боевые заслуги».

— Вот это да! — взгляд юноши потеплел и заискрился, словно весенняя капель. Подойдя к Петру, он крепко пожал ему руку и представился: — Лейтенант Кузнецов… Михаил…

— Что ж, будем знакомы, — ответил с едва заметной улыбкой Петр.

— Ничего не скажешь, совсем как на дипломатическом приеме, — пошутил Балицкий…

Август и сентябрь пролетели для Дубровского как один день. Он сразу же с головой ушел в оперативную работу, требовавшую полной отдачи, предельного напряжения сил. В районе бесчинствовали националистические банды Лютого, Зализного, Резуна. Они совершали террористические акты против партийного и советского актива, крестьян, которые объединялись в колхозы, грабили население, занимались вредительством. Петр знал, что еще в то время, когда Красная Армия, преодолевая ожесточенное сопротивление гитлеровцев, начала освобождение западных областей Украины, националистические верховоды издали приказ, в котором категорически запрещалось членам ОУН эвакуироваться в глубь Германии. Им предписывалось сделать все возможное для того, чтобы не позволить Советской власти укрепиться на западноукраинских землях.

Петра возмущало и поражало изуверство, с которым вершили свои преступления эти гитлеровские недобитки. Бандиты резали свои жертвы ножами, сажали на колья, топили в криницах, голосовавшим за колхозы отрубывали руки. В райотделе была ориентировка на одного душегуба, который вешал людей на собственной спине. Будучи высоченным детиной, он, согнувшись, затягивал на шее жертвы петлю, перебрасывал веревку через плечо и, резко выпрямившись, становился живой виселицей. Да, жутко становилось от всей этой бессмысленной жестокости. Особенно когда, прибыв на место преступления, они находили изувеченные тела детей, стариков, женщин…

Наступил октябрь. Похолодало, шли дожди, дороги развезло окончательно, в лесах шумел листопад. Первые дни месяца выдались спокойными. Бандиты то ли ожидали удобного момента, чтобы совершить очередную кровавую расправу, то ли просто затаились в предчувствии близкой зимы.

Однажды под вечер Балицкий куда-то исчез. Не сказав никому ни слова, вышел из райотдела и словно в воду канул. Поначалу они не придали значения его отсутствию, но, когда стемнело, Кузнецов встревожился не на шутку.

— Пойду искать, — решительно заявил он, доставая из сейфа

запасной автоматный диск.

— Интересно знать где? — спросил всегда старавшийся казаться невозмутимым Анатолий Ширенин, младший лейтенант с удивительно голубыми глазами и добродушным характером.

Михаил постоял, что-то прикидывая в уме, и, бросив диск обратно, с силой захлопнул массивную дверцу сейфа. Петр сидел за столом и в который раз перелистывал поступившие за последнюю неделю оперативные документы, содержание которых уже было цепко схвачено памятью.

Неожиданно в коридоре послышались торопливые шаги. В кабинет вошел Балицкий. Как ни в чем не бывало, он кивнул им головой, подошел к окну, где на подоконнике лежала пачка папирос, закурил и лишь только после этого спокойным и обыденным голосом произнес:

— Есть сведения, что в Повергов на ночевку пожалует банда Лютого. Будем брать! С нами пойдет человек десять из райотдела милиции. Ты, Михаил, немедленно поднимай по тревоге ястребков. Анатолий готовит транспорт. Петр тащит на него весь наш арсенал. Гранат берем максимум. Из городка выходим в 2.00 — без разговоров, курений и прочей суеты. Вот и все.

Балицкий ткнул папиросу, которой и затянулся всего-то раз, в пепельницу и, подойдя к Петру, додал:

— Теперь за дело, а я тем временем здесь пораскину мозгами. Как-то за столом лучше думается, наверное, становлюсь чинушей.

…Из Комарно они вышли ровно в 2.00, как и требовал того Балицкий, тихо и без лишней суеты. Хоть темень была непроглядной, даже фонариками себе не присвечивали. Старший лейтенант шел рядом с передней подводой. Как он угадывал дорогу, одному богу было известно. А всего Анатолий в срочном порядке задействовал десять подвод. Это и был весь транспорт ихнего небольшого отряда.

В 4.30 они подошли к Повергову. Вообще-то следовало бы село окружить, но людей не хватало, и поэтому Балицкий лишь выставил отдельные посты в местах вероятного отступления, или, вернее говоря, бегства бандитов. Остальные участники операции, разбившись на группы, двинулись в село.

— Брать желательно тепленькими. Особое внимание крайним хатам, стоящим ближе к лесу, — предупредил всех старший лейтенант и, кивнув Петру, мол, идешь со мной, неслышно ступил в темноту. Теперь все зависело от их умения, смекалки, выдержки.

Петр осторожно ступал след в след за Балицким, ощущая на спине дыхание старшины-милиционера. Одна мысль не давала

ему покоя: «Почему бандиты не выставили охранения?.. Или это ловушка?..»

— Наверное перепились, — словно угадав, о чем думает Петр, прошептал старший лейтенант. — Попали после своих гнилых нор в теплые хаты, вот и расслабились. А ну давайте здесь пощупаем…

И Балицкий, круто свернув, направился к избе, силуэт которой едва угадывался на фоне сереющего неба. На ходу он едва слышно бросил за спину:

— Ты, старшина, прикроешь нас от окна. Чуть что, высаживай раму и дай им о себе знать. Первой же очередью постарайся заставить гадов улечься на пол. А там уже мы с Петром поработаем. Только смотри, нас не перестреляй. Да и дети в хате могут быть. Так что работаем ювелирно!.. Мы с Петром попробуем забраться в сени через крышу. Не исключено…

И вдруг, в эту самую секунду, ночную тишину разорвала автоматная очередь. Раздался чей-то отчаянный крик, где-то совсем рядом залаяла собака, затрещали одиночные выстрелы.

— А, черт возьми, как не вовремя! — выругался Балицкий и, крикнув уже во весь голос: «За мной!», бросился к хате, из которой выскакивали бандиты.

По глазам резонули вспышки выстрелов. Петр на мгновение замер, ожидая, что его вот-вот полоснет пуля, но бандиты стреляли наугад. И тогда он увидел, как чья-то тень крадучись скользнула за хату. «Наверное порядочная сволочь, если так тихо уходит», — мелькнуло в голове, и Дубровский, пригнувшись, последовал за бандитом. Тот, обогнув угол, прижался к стене соображая, куда лучше всего податься, чтобы незаметно исчезнуть. В руках у него Петр разглядел «шмайсер». Одно неверное движение — и можно нарваться на очередь, которая буквально переломит тебя пополам. Действовать надо было мгновенно…

Петр совершенно неслышно ступил несколько шагов вдоль стены и вдруг ощутил под ногой ветку, он даже вобрал голову в плечи, ожидая, что она вот-вот треснет. Нет, выдержала. Но забирать с нее ногу теперь уже было нельзя — обязательно раздастся шорох. А до бандита оставалось каких-нибудь пять шагов. И тогда Петр, присев как можно ниже, тихо, но внятно произнес: «А ну, брось оружие!». Бандит оторопел, но в ту же секунду, круто развернувшись, полоснул из автомата. Очередь прошла над самой головой. И тогда лейтенант Дубровский тоже нажал на курок. Бандит вскрикнул и повалился на землю. Петр помедлил какое-то мгновение и, осторожно ступая, подошел к поверженному врагу. Тот лежал лицом вниз на пожухлой,

тронутой утренним заморозком траве, неестественно вывернув правую руку, в полуметре от которой валялся «шмайсер». Бандит был мертв. Петр нагнулся, поднял автомат и, перекинув его себе за плечо, спиной почувствовал горячее еще дуло.

— Смотри справа! Они огородами уходят в лес. Нельзя упускать гадов! — раздался вдруг совсем рядом окрик Балицкого.

Повернув голову, Петр различил метрах в двадцати темные фигуры, которые, спотыкаясь, убегали прочь. Прицелившись, он выстрелил раз, потом еще и бросился за бандитами…

Когда над селом забрезжил рассвет, с бандой было покончено. Лишь немногим удалось уйти. Семерых взяли живыми, двое было убито. В оперативной группе обошлось без потерь. Балицкий приказал еще раз прочесать село, а сам, облюбовав наиболее просторную избу — кажись, она принадлежала местному священнику, — приказал доставить сюда пленных для допроса.

Да, главным сейчас было не дать «остыть» бандитам, вытянуть из них все, что они знали. Допрос длился аж до 15.00. Дознаться удалось о многом: адреса явок, месторасположение схронов, фамилии связников. Время было возвращаться. Подводы одна за другой оставляли Повергов. На последней увозили захваченных бандитов.

День выдался погожий. Солнце было не по-осеннему ласковое, светило ярко, на небе — ни тучки. Дышалось легко… Одним словом, идиллия. А вот Балицкий, когда миновали хутор Грабичо, вдруг забеспокоился и приказал передней подводе выдвинуться вперед. Понукаемая возницей лошадь побежала резвей. Так, оторвавшись метров на сто от колонны, она первой и приблизилась к небольшому леску.

Выстрелы грянули, как гром средь ясного неба. Передняя подвода быстро развернулась и помчалась обратно.

— Спешиться! Развернуться цепью! — скомандовал Балицкий.

Петр соскочил с подводы и, очутившись рядом со старшим лейтенантом, побежал вперед. Спрятавшиеся в лесу бандиты открыли беглый огонь. Да, это была засада. Краем глаза Петр заметил, как упал сраженный пулей ястребок.

— Ложись! — прозвучала команда Балицкого, и вовремя. Только они упали на землю, как из лесу высыпало человек семьдесят, стреляющих на ходу из автоматов и карабинов.

Петр укрылся за какой-то кочкой. Расстояние между залегшим отрядом Балицкого и нападавшими бандитами быстро сокращалось.

— Что же будет дальше, — осознав грозящую опасность, подумал Петр. — Ведь их намного больше.

И в эту минуту, когда запыхавшиеся от быстрого бега бандиты почти прекратили огонь, лежавший рядом с Петром Балицкий вдруг поднялся во весь рост и с криком «Вперед!» бросился на приближающихся бандеровцев.

Петр вскочил, словно подброшенный пружиной. Вместе с ним поднялись Михаил Кузнецов, Анатолий Ширенин и, стреляя на ходу из автоматов, тоже пошли на врага.

Ошеломленные неожиданным контрударом бандиты, надеявшиеся с наскока опрокинуть малочисленную группу Балицкого, резко повернули назад и беспорядочно побежали к лесу. Опергруппа преследовала их буквально по пятам. Слева от Петра застрочил ручной пулемет. Кто-то из чекистов вел из него огонь на бегу. Но вот бандиты достигли опушки. Балицкий неожиданно остановился и, скомандовав: «Гранаты к бою!», первым метнул по направлению к лесу гранату. «Опасается ловушки», — сообразил Петр и последовал его примеру. Взрывы следовали один за другим, словно работал минометный расчет. Но вот они умолкли, и преследовавшие бандеровцев бойцы, не ожидая команды, бросились в лес.

Петр потерял из виду Балицкого, и вдруг в нескольких десятках метров перед ним мелькнула меж деревьями спина здоровенного детины. Неужели тот душегуб, на которого была получена ориентировка?! Этот не должен уйти от возмездия! Дубровский ускорил бег. Ветви деревьев больно хлестали по лицу, ноги путались в высокой траве. Больше всего Петр боялся упустить из виду бандита. Верзила бежал быстрее, чем можно было ожидать. Но все же ему не удалось оторваться от Петра настолько, чтобы успеть развернуться и произвести хотя бы один прицельный выстрел из зажатого в руке браунинга, схожего по форме и размерам с нашим «ТТ». «А автоматик свой он где-то посеял», — подумал Петр, но тут же увидев, что левая рука бандита болтается, словно плеть, понял: получив ранение, тот бросил бесполезный теперь «шмайсер». «Интересно, при нем ли его удавка?» — мысленно спросил самого себя Дубровский и отчаянным рывком еще больше сократил расстояние между собой и бандеровцем. И вдруг откуда-то сбоку ударила автоматная очередь. Петр пробежал по инерции еще несколько шагов, пока резкая боль в левом бедре не заставила его остановиться. Ногу словно парализовало. Рука непроизвольно скользнула по окровавленному бедру. Колени стали подкашиваться. Еще немного — и он упадет. А как же бандит? Неужели уйдет?.. Петр вскинул автомат и, взяв на мушку широченную спину петляющего между деревьями верзилы, нажал курок. Пули, срезав несколько веток, таки достали бандита. Дубровский еще увидел, как он

внезапно замер, словно нарвавшись на непреодолимую преграду, и, роняя пистолет, взмахнул рукой… Петр успел для верности дать еще одну очередь, и тут разорвавшаяся буквально в нескольких метрах граната швырнула его на землю…

Очнулся лейтенант Дубровский в комарновской райбольнице. Тут ему оказали первую помощь, после чего направили в стрыйский госпиталь. Ранение было сложным, к тому же мелкие осколки посекли спину, ударом ручки разорвавшейся гранаты перебило ногу.

— А вообще-то, ты еще легко отделался, — все так же невозмутимо заявил Анатолий Ширенин, навестивший Петра в госпитале. — Видать, в рубахе родился.

Он же рассказал, что на помощь опергруппе подоспело подкрепление, и банда Лютого в основном была разгромлена. Ну а Балицкий велел передать, чтобы Петр быстрее выздоравливал и возвращался. Дел впереди невпроворот.

Друзья разговаривали еще долго, пока сестра не выпроводила Анатолия из палаты. А за окном шумел листопад. Шля последняя осень войны…

Этим боевым крещением началась многолетняя деятельность на Дрогобыччине, а затем на Львовщине замечательного чекиста Петра Александровича Дубровского, прошедшего путь от лейтенанта до полковника, ветерана ВЧК — КГБ.

Егоров Константин
ОТЕЦ И СЫН

Время идет, одно поколение сменяет другое, а ты в жизненном круговороте не замечаешь, как бегут дни и годы, и лишь встретившись с очень давними друзьями, осознаешь быстротечность времени.

Кажется, давно ли в этой вот квартире в доме на одной из львовских улиц я беседовал с молодым Павлом Емельяновичем Колодяжным, человеком кипучей энергии, страстно увлеченным своей работой. Теперь он ветеран, на заслуженном отдыхе. Впрочем, «отдых» — понятие для него относительное, можно даже сказать неприемлемое.

Павел — сын известного на Украине чекиста Емельяна Павловича Колодяжного. Об отце он говорит с нескрываемым чувством гордости. О себе же, о своей работе — скупо, немногословно.

— Делал и делаю все, что надо и как положено.

На вопрос о том, как стал чекистом, ответил так же коротко:

— По стопам отца пошел…

А случилось это после войны, в сорок шестом, когда младшего лейтенанта, выпускника пехотного училища, по возрасту не успевшего попасть на фронт, демобилизовали.

Павел всегда восхищался отцом, его мужеством и, конечно же, мечтал быть таким, как он. А тут отец как раз приехал в отпуск. Павел и сказал ему, что хочет быть чекистом.

— Что же, верю, ты способен работать в органах госбезопасности, — сказал отец. — Но сперва надо подучиться.

И посоветовал поступать в школу МГБ СССР.

Павел учился ревностно, школу закончил успешно. Затем последовало должностное назначение на оперативную работу. Посчастливилось попасть в Дрогобычское областное управление госбезопасности, где один из отделов возглавлял Емельян Павлович. Нет, не был он под крылышком отца, работал в другом отделе. Но то, что отец был рядом, значило многое. Для Павла это была вторая школа, школа становления и возмужания, школа боевой закалки и накопления практического опыта.

Почти сорок лет минуло с тех пор, как не стало отца, но в квартире сына все напоминает о нем — и книги, и вещи, и старые, еще довоенные, настенные часы. А на самом видном месте — фотопортрет Емельяна Павловича в форме подполковника. Взгляд суровый, мужественный… Взгляд из тех грозных, теперь уже далеких лет.

По скупым рассказам отца Павел знал, что он принял первое боевое крещение еще в двадцатом году на Харьковщине. Действовавшие там кулацкие банды нападали на работников советских органов, грабили крестьян, убивали женщин, детей, стариков. На подавление контрреволюции и был брошен чекистский эскадрон, в котором служил молодой боец Емельян Колодяжный. Потом лет десять служил на западной границе, оттуда был переведен на оперативную работу. Началась беспокойная чекистская жизнь. Она бросала его из района в район, из области в область. Винница, Житомир, Одесса… Учеба… И снова — оперативная работа. На этот раз — назначение в Крым, в Феодосийский городской отдел госбезопасности. Тут Емельян Павлович и встретил войну. В Джанкое вместе с боевыми товарищами обеспечивал оборону Крыма, вылавливал и обезвреживал диверсантов, шпионов. А потом настал момент, когда весь личный состав городского отделения госбезопасности во главе с Колодяжным ушел в партизаны…

…Ничем не примечательный дом на одной из улиц Дрогобыча. В небольшом кабинете за широким столом сидел коренастый человек с усталым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и красными от недосыпания глазами.

Это был подполковник Колодяжный. Он внимательно просматривал стопку свежих донесений, делая на них пометки красным карандашом.

Было начало 1948 года. Три года, как закончилась война, но в предгорьях Карпат все еще гремели выстрелы, в лесах часто возникали короткие, но ожесточенные схватки. Разбитые и обреченные на гибель националистические банды отчаянно сопротивлялись, пытаясь помешать восстановлению мирной жизни в западных областях Украины.

— Товарищ подполковник, из района пришли люди. Говорят, дело очень срочное, неотложное. Просятся лично к вам…

— Пусть заходят.

Емельян Павлович вышел из-за стола навстречу посетителям, трем селянам в запыленной одежде.

— Садитесь, пожалуйста!

— Да нет, нам некогда, товарищ начальник. Мы спешим. В Почаевичах Чумак объявился.

— Чумак? — Колодяжный заметно оживился. — Это же мой старый знакомый! Зверь из зверей… Спасибо вам, товарищи, за сообщение. Мы сейчас же примем меры.

Диверсионно-террористическая группа, которую возглавил оуновец по кличке Чумак, нападала на отдельные села, чинила расправы над советскими активистами, совершала диверсии. Бандитам каким-то чудом все время удавалось заметать следы, скрываться и отсиживаться в схронах.

— Видно, январские морозы выжили Чумака из лесу, — сказал Емельян Павлович своим работникам, явившимся по вызову. — Давненько о нем ничего не было слышно… Пора с ним кончать. Я наметил план операции. Надо окружить Почаевичи, отрезать их от леса, а затем накрыть, заставить оуновцев сложить оружие. Есть другие предложения? Нет? Тогда за дело…

Оперативную группу возглавил сам Колодяжный. Скрытыми путями пробивались чекисты к Почаевичам. Точно так же в годы войны в Крыму водил он партизан горными тропами. Тут тоже была война, и она требовала от людей не меньшего мужества и отваги.

Вот и Почаевичи. Развернулись в цепь. Снег под ногами чуть слышно поскрипывал. Где перебежками, а где по-пластунски бойцы продвигались вперед. Возвратились заранее посланные разведчики, сообщили, что Чумак все еще в селе, на околицах и

на улицах выставлены бандитские часовые.

Двигаться засветло, значит, выдать себя. Нет, надо подождать ночи. Нападение должно быть внезапным. Колодяжный, взглянув на часы, распорядился:

— Передайте по цепи: ждать моего сигнала.

Зимние сумерки сгущались быстро. Снег потемнел и слился с черной полосой леса.

«Пора!» — решил подполковник и подал долгожданный сигнал.

Первого бандитского часового удалось снять бесшумно. Другой, заметив чекистов, поднял стрельбу. Из хат высыпали оуновцы, паля куда попало. Они рванулись к лесу, но наткнулись на заслон, побежали в другую сторону — и здесь их встретил автоматный огонь. Тем временем сам Колодяжный с небольшим отрядом ворвался в село.

— Сдавайтесь! — крикнул он мечущимся бандитам. Двое или трое бросили оружие, подняли руки. Но были и такие, что продолжали стрелять.

— Ах так! Не будет вам пощады!..

Выскользнуть удалось лишь немногим оуновцам. (Как потом показали задержанные, ликвидация их банды предотвратила много серьезных бед: Чумак готовился совершить крупную диверсию в Дрогобыче.)

…В управление возвратились лишь к утру. От усталости и нервного напряжения валились с ног.

Колодяжный распорядился:

— Всем свободным от дежурства — отдыхать!

Сам тоже едва держался на ногах: ведь пятая ночь без сна! Провел ладонью по щетинистой щеке, подумал: «Не мешало бы побриться да и выспаться наконец».

Как бы угадывая его мысли, заместитель посоветовал:

— Отправляйтесь домой, Емельян Павлович, отдохните часик-другой. А я тут буду. Ежели что — дам знать.

Поехал домой. Увидев мужа, Мария Романовна кинулась снимать тяжелую шинель. До дивана добрался уже с помощью жены…

Павел Емельянович бережно хранит записную книжку отца. В ней много записей, сделанных в разное время и в разной обстановке. Но одну он запомнил крепко: «Воин в боевой обстановке может на каждом шагу встретиться с опасностью. Но он об этом не думает. Его движет вперед другая мысль — успешно выполнить боевое задание». Сделал ее отец в 1942 году в Крыму, когда находился в партизанах. Их отряд тогда попал в окружение. Весь день шел неравный бой. Патроны были на

исходе. Но люди не пали духом, они верили в своего командира, потому что знали его храбрость, умение не теряться в любой обстановке и находить выход из самого сложного положения.

— Друзья! — обратился Емельян Павлович к бойцам, укрывшимся за камнями. — Поступил приказ командира соединения — ни шагу назад. Нам надо продержаться дотемна. А там мы покажем фашистам, на что способны народные мстители!..

Гитлеровцы же не собирались дожидаться ночи. Под прикрытием артиллерийского огня они предприняли решительную атаку.

И в ту минуту, когда, казалось, оборонительные порядки партизан будут смяты и опрокинуты, во весь рост поднялся Колодяжный.

— Гранаты к бою! Вперед! — крикнул он и первый бросился навстречу врагам. За ним в едином порыве поднялись бойцы.

Не ожидавшие контратаки гитлеровцы остановились. Тут их накрыли партизанские гранаты. Стоны. Крики. Проклятья. Завязалась рукопашная схватка. В ход пошли штыки, приклады, ножи. И гитлеровцы дрогнули, обратились в бегство.

Ночь укрыла пробившихся сквозь огненное кольцо партизан. Фашисты начали было преследовать их, освещая местность ракетами, но те скрылись и дали о себе знать лишь через несколько дней — налетом на один из вражеских гарнизонов на Крымском побережье.

А вот еще один эпизод, ярко характеризующий Емельяна Павловича.

После длительной героической обороны пал Севастополь. Некоторое время спустя Колодяжный получил достоверные сведения: неподалеку от города гитлеровцы создали секретную школу, где готовят лазутчиков, которых собираются забрасывать в советский тыл. Он подобрал среди подпольщиков таких людей, которые сумели проникнуть в самое логово врага. И вот результат: будущие вражеские шпионы только начинали осваивать в спецшколе азы своего коварного ремесла, а их приметы, характеристики уже были известны нашему командованию.

Несколько лет спустя, уже после войны, Павлу Колодяжному довелось продолжить дело отца по борьбе с вражеской агентурой.

Как известно, отступив под сокрушительными ударами Советской Армии, гитлеровцы оставили на нашей территории свою агентуру. Диверсантов и шпионов готовила так называемая «Абвергруппа-220». Набирали в нее в основном националистическое отребье, людей без чести и совести,

предателей своего народа. Некоторым удалось внедриться в новой среде. Но чекисты были начеку.

Павел Емельянович рассказывает:

— В 1946 году Бродовский район потрясло зверское убийство советских активистов в селе Суходол. Кое-кого сразу же удалось задержать, но главным преступникам удалось скрыться.

Более десяти лет минуло с тех пор, кровавое злодеяние не стерлось в памяти людской. Все эти годы чекисты неутомимо искали преступников. И таки нашли.

Ими оказались двое Островских — Мирон и Иосиф. Один скрывался под личиной сторожа, другой — колхозного бригадира. С виду добропорядочные люди.

Не счесть дней и ночей, проведенных Павлом Колодяжным и его товарищами в розыске. По крупицам собирали и анализировали материалы, ведшие по следам убийц. И вот открылось их истинное лицо. Мирон Островский оказался немецким агентом, завербованным еще в Германии, где находился как военнопленный польской армии с 1939 года. Домой вернулся после войны как репатриант. Установил связь с бандой. Одновременно, выдав себя за противника националистов, проник вместе с Иосифом в истребительный батальон…

Изобличенные материалами следствия, прижатые к стене показаниями многочисленных свидетелей, которых удалось разыскать чекистам, бандиты были вынуждены на судебном процессе признаться во всех своих злодеяниях.

В пятидесятые и шестидесятые годы на Львовщине состоялось несколько судебных процессов над бывшими агентами фашистской разведки, разоблаченными чекистами. Нет, не ушли от справедливого возмездия выродки, предавшие свой народ.

Не словоохотлив Павел Емельянович. В своих воспоминаниях предпочитает снова возвратиться к отцу.

Когда его назначили работать на Львовщину, главари украинских буржуазных националистов уже знали, с каким человеком придется иметь дело. Они боялись и ненавидели этого опытного, закаленного в борьбе чекиста.

Нам теперь доподлинно известны подробности последней операции, которой руководил подполковник Колодяжный.

…С польской стороны советскую границу перешла большая группа оуновцев из банды Черняка. По поступившим данным, они продвигались к селу Головацкое в надежде запастись там продовольствием.

Через час небольшой отряд чекистов на двух грузовиках (Колодяжный с тремя бойцами и шофером ехала в «газике»)

углубился в лес неподалеку от села. Был май. Деревья еще только примеряли зеленое убранство. Но уже благоухали лесные цветы, пели птицы.

— Красота-то какая! — воскликнул Колодяжный, оглядываясь вокруг.

— И не верится, что где-то рядом бродят лютые звери, — промолвил, словно продолжая его размышления, шофер, остановив «газик» по сигналу начальника.

Подошли разведчики. Они доложили, что в Головацком бандитов еще нет.

— Ну что ж, — сказал Колодяжный. — Необходимо предупредить людей.

Весть о приближении банды разнеслась по селу мгновенно. Люди прятались в погребах, сараях. Колодяжный же решил предпринять ложный маневр: оставить село, мол, поиски банды переносятся в другой район, а вечером снова нагрянуть сюда. Был уверен, что к этому времени бандиты обязательно заявятся в Головацкое.

Грузовики с бойцами двинулись в обратный путь. Тронулся за ними и командирский «газик». Но тут какой-то человек с крыльца сельсовета позвал Колодяжного:

— Товарищ подполковник, вас к телефону.

Емельян Павлович вошел в дом, взял телефонную трубку. Она молчала. «Эге, да это какая-то шутка!» — подумал и оглянулся. Но человека, позвавшего его к телефону, и след простыл.

Пожав плечами, Колодяжный сел в «газик» и приказал шоферу догонять ушедшие вперед грузовики.

Но не успела их машина выехать за околицу, как вдруг за крутым поворотом проселочной дороги из зарослей орешника по «газику» ударил град пуль. Трое бойцов были убиты сразу же.

Из засады выскочили бандеровцы и со злобным ликованием навалились на тяжелораненого подполковника.

— Это Колодяжный! — раздался чей-то выкрик, и бандиты отпрянули от машины. Они боялись его даже теперь, когда у него были прострелены грудь и рука.

— Сволочи! Все равно вам скоро конец! — прохрипел он, захлебнувшись кровью. Это были последние слова Емельяна Павловича.

За время нашего разговора Павел Емельянович ни разу не обмолвился такими словами, как «верность отцовским традициям», «жизнь отца — для меня вдохновляющий пример». А ведь так оно и есть. Образ отца-чекиста предстает перед ним в

самые трудные минуты. И не раз задавал он себе вопрос: как бы поступил в данной обстановке отец, какое бы принял решение?

И после каждой успешно проведенной операции сын тоже мысленно обращался к отцу: похвалил бы? Нет, пожалуй. Скуп был Емельян Павлович на похвалы. Только, пожалуй, в его взгляде мелькнуло бы едва уловимое одобрение, выражение сердечной доброты и признательности судьбе за такого сына.

Как-то Павла Емельяновича пригласили преподаватели и учащиеся Стрелковской школы-интерната, что в Старосамборском районе. Ее пионерская дружина носит имя Е. П. Колодяжного. На встрече ребята сказали, что в тот год, когда погиб отважный чекист, их еще не было на свете, но они знают, что свою жизнь он отдал за их счастье. Потому и благодарны ему — человеку, память о котором сохранят навсегда.

Да, Емельян Павлович оставил глубокий след в сердцах людей, среди которых жил, работал, вместе с которыми и ради которых воевал. Одна из улиц Феодосии названа его именем, он почетный гражданин этого южного города. В Дрогобыче, на доме, где жил Колодяжный-старший, — мемориальная доска. Его многочисленные награды — орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали — хранятся в музее.

Немало заслуженных наград и у Павла Емельяновича.

Я прощаюсь с майором в отставке П. Е. Колодяжным. Жму его крепкую руку и ловлю себя на мысли о том, что есть в книге нашей жизни страницы, которые неподвластны времени.

Петров Олег
«ВЕСНА-49»

Шел снег. Крупный, мокрый. Он налипал на голые ветки деревьев, выбеливал крыши домов, ложился ровным слоем на тротуары и проезжее полотно дорог. А в воздухе уже витал пусть еле уловимый, но тревожно-радостный запах весны. Он исходил от вчерашних проталин, от посеревших заборов, стен домов и даже от самого февральского снега.

Михаил Васильевич Ежов невольно замедлил шаг. Дышалось легко. Он снял перчатку и, повернув вверх ладонь, поймал несколько снежинок.

— С зимой прощаешься? — неожиданно прозвучал за спиной голос его сослуживца Федора Кузьмича Оладьева.

— Нет, с весной встречаюсь, — ответил, не оборачиваясь, Ежов.

— Не рано ли?

— В самый раз.

Поздоровались. Пошли рядом.

— Вчера был у начальника. Мечет молнии. Упрекает, что затянули с операцией по ликвидации остатков банды Степана. Главаря, мол, уже в живых нет, а его подручных все еще не взяли.

Михаил Васильевич вспомнил, как их опергруппа выследила Степана. Тогда, при задержании, бандит сбил Федора Кузьмича на землю и стал душить. Один из оперативников не выдержал. Подскочил вплотную и выстрелил бандиту прямо в висок. Оладьев потом долго возмущался:

— Да я бы его в бараний рог скрутил. Зачем поторопились?..

Но Ежов помнил, с каким трудом выбрался тогда Оладьев из-под убитого. Правда, за слова эти товарища не осуждал. Раз так говорит, значит, уверенность в себе осталась.

— А ты вчера где пропадал? — продолжил разговор Федор Кузьмич.

— В отгуле был, после дежурства.

— К тебе там паренька приводили. Сбежал с мест поселения. Требовалось разобраться, что к чему. Лично я так думаю: сбежал — отвечай. Нечего с ним возиться. Закон для того и существует, чтобы порядок был.

— Парня этого изловили, что ли? — оставаясь невозмутимым, поинтересовался Ежов.

— Нет. Сам пришел. Вроде как бы с повинной.

— С повинной к нам сейчас из леса идут — и прощаем. А тут молодой хлопец… Видать, совсем запутался.

Федор Кузьмич улыбнулся, поправил шапку, отряхнул с груди приставшие к шинели снежинки и заметил:

— Не люблю сентиментов. Сегодня ты его простишь, а завтра он тебе пулю в спину вгонит.

Ежов укоризненно посмотрел на товарища.

— Злым ты становишься, Федор.

— Справедливым.

— Нет, злым. Ведь к нам какие требования предъявляют?

— Знаю, знаю. Мы с тобой должны быть с чистыми руками, горячим сердцем и холодным рассудком. Но как эти руки чистыми сохранить, когда приходится иметь дело с такой мразью?

— Не заводись, — оборвал его Ежов, а сам подумал о том, что в жизни ничего не проходит бесследно. И та кровавая схватка с бандитом, душившим его, тоже наложила отпечаток на Федора.

Микола Протас был обут в немецкие солдатские ботинки, износу которым, казалось, не будет никогда. Вот только верх подкачал. Потрескался. Да и металлические ободки вокруг дырочек для шнурков отскочили. Все, кроме нижних на левом.

Ботинки эти подарил Миколе родной дядя Михаил

Михайлович Стоценко. Не сразу, правда. Сначала просто дал поносить. На время. Потом как-то смирился. И вот во время рождественского застолья сказал:

— Бери насовсем.

Микола, сбежав с Урала, куда вместе с матерью (отца они похоронили еще до войны) был отправлен на новое поселение, жил у дяди уже полгода. Пришел к нему оборванный, изголодавшийся. Михаил Михайлович как раз сено коровам задавал. Так навстречу племяннику с вилами и двинулся. Потом разобрался.

— Так ты Протас будешь? Марьин сын?

Переминаясь с ноги на ногу, Стоценко долго разглядывал паренька, потом глубоко вздохнул:

— Проходи.

С этого дня жизнь Миколы пошла по замкнутому кругу. Оправившись от страха, Михаил Михайлович четко определил племяннику его обязанность — ухаживать за скотиной. Хозяйство было хотя и небольшое, но прожорливое: две коровы, лошадь, пять овец, три свиньи. Так что работы хватало.

— Ты вот что, — советовал дядя. — Сиди тихо. Если кто и спросит, отвечай, что погорелец. Мол, приютил я тебя по жалости.

Однако не за этим пробирался Микола Протас на родную землю, чтобы батрачить на прижимистого родственника. Ему хотелось доказать, что с ним и его матерью поступили несправедливо. Произошла ошибка. Мечтал поскорей пойти учиться, работать, мать обратно домой вытребовать. Но как это сделать?

Эти мысли особенно донимали по вечерам, когда, забившись в холодный стог сена, Микола прислушивался к ритму деревенской жизни. Где-то, не так уж далеко, звучали веселые голоса, чье-то пение, доносилось тарахтенье движка колхозной электростанции, звуки транслируемой по радио музыки. Но все это происходило, казалось, за непреодолимым барьером, в ином заманчивом мире.

Выслушав сбивчивый рассказ подростка, Михаил Васильевич убрал со стола бумаги и поудобней устроился в кресле. Всем своим видом он хотел показать, что не собирается проводить никакого допроса. Пусть состоится просто беседа. Один на один. К тому же вся поведанная пареньком история укладывалась в несколько фраз. По его утверждению, их с матерью безосновательно обвинили в бандпособничестве и отправили на поселение в Иркутскую область. Он знает, что поступил вопреки

закону. По сути дела — сбежал. Но ведь необходимо восстановить справедливость.

Протас неловко подобрал под стул ноги, обутые в тяжелые ботинки. В руках он держал истертый треух. Короткий, забрызганный мазутными пятнами брезентовый плащ скрывал под собой стеганую ватную куртку.

— Как же тебе удалось от Иркутска до Львова добраться? — спросил Ежов. Ему положительно нравился этот хлопец. На рискованное путешествие отправился он в поисках правды.

— На товарняках…

— Питался-то чем?

— Чем придется. Но не воровал… Больше выпрашивал.

— А если не давали?

Микола опустил голову. Покраснел. «Совестливый», — отметил про себя Ежов и вслух посочувствовал:

— Да, браток. Хлебнул ты горя.

В кабинет вошел Оладьев. Посмотрел на парня.

— Что, припирается?

— Ты о чем? — нахмурился Михаил Васильевич.

— Как о чем? Пусть всю правду выкладывает.

— У тебя ко мне дело?

— Закурить не найдется?

Когда Оладьев ушел, Микола как-то сжался. Его глаза, большие, грустные, наполнились слезами. Михаилу Васильевичу очень хотелось успокоить своего собеседника, приободрить. Он хорошо понимал, что пришел этот юноша в органы госбезопасности потому, что верил: именно здесь ему могут помочь.

Ежов поближе придвинулся к пареньку.

— Вот что, Микола, буду с тобой откровенным. Здесь твой вопрос никто решить не может. Я тоже не могу. Но постараюсь. Запрошу ваше дело, решение суда. Договорились?!

Юноша поднялся, понимая, что их беседа подошла к концу.

— Главное, не унывай. Разберемся, — тепло улыбнулся Михаил Васильевич.

Музыка звучала весело, задорно. Без устали кружились в быстром танце пары. У соседа играли свадьбу.

Микола стоял, припав плечом к стволу старой груши, и с любопытством смотрел на веселившихся гостей.

— Почему не танцуешь? — спросила его миловидная дивчина.

Протас смутился. Промолчал. Он давно наблюдал за ней. Ему нравилось ее красивое и приветливое лицо, легкая походка…

— Ну что же ты?.. — девушка улыбнулась. Микола, поборов смущение, шагнул вперед.

Танцевали польку. В горячей ладони паренька в такт музыке подрагивали девичьи пальцы. Он видел перед собой розовую мочку ее уха с бусинкой жемчуга, ловил нежный запах волос.

Неожиданно Мария — так звали девушку — отстранилась, запрокинула голову и посмотрела ему в глаза:

— Ты что, на нелегальном?

— Как это?

— Ладно, ладно. Не прикидывайся — без паспорта живешь. Думаешь, никто тебя не знает? Знает, знает. И что от Советской власти прячешься, и что в Сибири был. А туда просто так не отсылают.

Она рассмеялась и всем телом прижалась к Миколе.

В эту ночь он провожал ее. Шли молча. Коготок месяца, словно наполненный ветром парус, плыл по Млечному Пути.

Прощались у развилки дорог. Она поцеловала его и шепнула:

— Помоги мне. Ты мне очень можешь помочь.

Шагнув с мороза в кондитерскую-булочную, Михаил Васильевич сразу же окунулся в сладковато-приторные запахи сдобы. Он купил бутылку лимонада, два пирожных и встал за столик у окна, чтобы лучше видеть улицу. Только что ему позвонил Протас и попросил о встрече.

«Вот нетерпеливый», — невольно подумал Ежов, но парню объяснил, что будет ждать в кафетерии.

Минут через пять вошел Микола. Он снял треух и издали поздоровался. Михаил Васильевич махнул рукой:

— Давай сюда!

Ежов поставил перед парнем чистый стакан, наполнил его шипучим лимонадом и подвинул пирожное:

— Угощайся.

Микола отхлебнул несколько глотков и сказал:

— А я вот опять к вам.

— Ко мне часто нельзя. Я же говорил. К тому же, дело твое, как оказывается, не такое уж безобидное, если по справедливости.

— Это вы о той картошке, которую мы с мамой будто бы бандитам передали? Эх! Я же рассказывал. Силой они ее у нас отобрали. Мне о косяк амбара голову разбили, мать в лицо ударили.

Паренек разглядел на столе невидимую крошку и стал катать ее указательным пальцем.

— Ладно, — Михаил Васильевич положил руку ему на плечо. — Разберемся. Думаю, учиться тебе надо. Вот с бумагами

вопрос решим и определим на шофера или токаря. Годится?

Микола стоял насупившись.

— Ну, что невесел?

— По делу я. Тут вот девушка из соседнего села просит меня связать ее с каким-то Степаном.

Ежов резко выпрямился и оглянулся. За соседним столиком никого не было.

Оладьев расхохотался:

— И ты поверил?

Михаил Васильевич был явно растерян:

— Все может быть.

— Давай, давай, рассказывай. Мы что с тобой, новички? Тут месяцами прокручиваешь разные варианты, чтобы на след выйти. А сопливый мальчишка раз — и в дамки! Чушь какая-то.

— Но ведь ситуация особая. Как ты не поймешь. В деревне знают, что парень из Сибири сбежал. Вроде как скрывается. Значит, вполне возможна связь с бандой. Так думают те, кто выход на Степановых подручных ищет. Чего тут непонятного? Логично все.

Михаил Васильевич молча достал из шкафа папку-скоросшиватель. И, макнув ученическую ручку в чернильницу, старательно вывел: «Весна-49».

Мария завела Миколу в сенцы и, шепнув: «Стой здесь», поднялась по скрипучей лестнице. Микола огляделся. На стене, похожий на огромное ухо, висел хомут. В углу сгрудились отточенные с двух сторон жерди. Пахло сеном, пылью, подмороженным луком.

— Поднимайся, — позвала девушка.

Микола взялся за грубо обструганное перило и медленно пошел наверх. Сердце неистово колотилось в груди. Было страшно…

Микола толкнул обитую клеенкой дверь. Он очутился в маленькой комнатке с ворохом сена на дощатом полу, с небольшим столиком у слухового оконца и покосившейся в углу старой этажеркой.

На табуретке сидел мужчина средних лет. Лысый. На его плечи был наброшен овчинный полушубок. Он внимательно посмотрел на Протаса, закрыл книгу, предварительно положив между страницами сухую травинку. Мария, вдруг став какой-то холодной и отчужденной, вышла. Это Микола заметил по ее глазам.

— Ну, здравствуй, герой.

Скуластое, с болезненной желтизной лицо незнакомца выражало, некоторое разочарование.

За спиной Микола услышал скрип половицы. Оглянулся. Там стоял коренастый бородатый мужчина в свитере.

Микола кивнул ему, но тот не ответил.

— Мария говорит, что ты можешь связать нас со Степаном. Это правда? — спросил первый.

— Я могу передать вашу просьбу нужному человеку.

— Кто он?

— Мне приказали на все другие вопросы не отвечать.

— Ну ладно, — сказал тот, что был за спиной. Он взял Протаса за плечи и повернул лицом к себе.

— Ладно, — повторил бородатый и достал из кармана стеганых брюк полоску папиросной бумаги.

— Передашь и поспеши с ответом. Понял?

Ежов тщательно разгладил сложенную в гармошку записку и вновь, в который раз, прочитал:

«Гости от соседей ждут встречи. Есть новости. Срок командировки просрочен. По истечении двух дней выезжаем домой».

Ответ Михаил Васильевич помнил наизусть. Он был краток: «Готовность встречи 24 в 20.00. Наш укажет. Проводник Ю.».

Именно на этом этапе операции Микола, в целях безопасности, должен был выйти из игры. Проезжая на машине по улице Зеленой, Ежов сам видел, как паренек шел с двумя мужчинами — один был лысый, высокий, второй пониже, с бородой. Он знал, что в районе фабрики гнутой мебели к ним подойдет сотрудник госбезопасности и тихо представится.

— Я от Степана. Идемте.

Микола повернет обратно, а его подопечные продолжат свой путь.

В комнате было тепло, уютно — домотканые дорожки, цветы, занавески на окнах. В углу иконы.

Гостей встретил мужчина, одетый по-зимнему: бурки, стеганые брюки, куртка-френч. Все — по сезону. При такой экипировке что в лесу, что в поле — холод не страшен.

— Сначала некоторые формальности. Как говорится: береженого бог бережет. Итак, кто вы?

За стеной соседней комнаты находились Михаил Васильевич и Федор Кузьмич. Они внимательно слушали.

— Проводники из-за кордона, — ответили прибывшие, уверенные, что находятся на явочной квартире. Имеем задание передать Степану новые инструкции.

Оладьев подмигнул товарищу и поднял вверх большой палец. Мол, знай наших. В это время за стеной спросили:

— У вас есть при себе оружие?

— Да. Парабелум, вальтер и граната.

— Придется временно сдать.

— Не возражаем. Порядок есть порядок.

Михаил Васильевич улыбнулся: все! И нетерпеливо потер ладони. Теперь они их возьмут что называется тепленькими.

Яркое солнце слепило глаза. С веток деревьев сползал и срывался подтаявший снег. Оладьев радостно, как-то по детски улыбнулся, запрокинув голову вверх.

— Весна! — воскликнул он.

Михаил Васильевич с прищуром посмотрел на стаю голубей, что кружили в небе, и спросил:

— А ты помнишь весну, когда тебе было семнадцать?

— Помню. А ты?

— И я.

Ежов замолчал. Задумался. Потом сказал:

— А моему Миколе завтра семнадцать.

— Ну и чем ты его порадуешь?

— Паспортом. И еще вызовом для его матери. И трудоустройством на работу.

— Куда?

— На стройку. Вокруг вон сколько строить надо. Львов поднимать…

Михаил Васильевич отложил в сторону рукопись очерка и заметил:

— Все было почти так. Впрочем, некоторые детали, может быть, следует уточнить. Кто как одет был, как выглядел.

Но после некоторого раздумья подытожил:

— Собственно, почти сорок лет прошло. За давностью многое и позабылось. Вот только о Миколе надо обязательно сказать, что потом окончил он техническое училище, честно трудился. Сейчас дед. Внуков имеет. На производственном объединении имени Ленина работает.

— А как сложилась ваша судьба?

— После увольнения в запас продолжаю трудиться на ПО «Микроприбор».

— Ну, а Оладьев?

— Погиб. Вскоре после тех событий.

За окном слышна веселая дробь капели.

— Весна грядет, — вздохнув, произнес Михаил Васильевич и

добавил: — Весна восемьдесят восьмого года.

Вербинскии Михаил
НЕВЗИРАЯ НА ОПАСНОСТЬ

Ночная темень окутала землю. Шофер осторожно вел машину по проселочной ухабистой дороге. Подъехав к стоявшему стеной лесу, затормозил, выключил двигатель. Из кабины вылез сидевший рядом с водителем среднего роста человек в туго затянутой шинели. К нему подошел выскочивший с кузова полуторки младший лейтенант и спросил:

— Товарищ лейтенант, солдатам сходить?

— Да! — ответил Карпенко. — Здесь должна быть просека, по ней и пойдем.

Солдаты, стараясь не шуметь, спрыгивали на землю.

— Так вот, товарищи, — обратился к ним лейтенант. — Дальше мы двигаемся пешком. Перед отъездом мы вас инструктировали. Действовать каждому надлежит смело и решительно.

На инструктаже, о котором напомнил Карпенко, говорилось о

том, что на стыке Куликовского и Каменско-Бугского районов действовала банда, которой продолжительное время удавалось избегать расставленных чекистами ловушек. И вот наконец удалось установить ее месторасположение и взять в кольцо.

Банда оказалась зажатой в тиски. Все теперь зависело от слаженности действий непосредственных участников операции.

Небольшой колонной бойцы шли по просеке. Впереди двигался дозор. Вокруг тихо. Слышен лишь шорох прошлогодних листьев.

— Как там наши дозорные? — тихо спросил Карпенко младшего лейтенанта Сахнова, своего помощника.

— Ничего подозрительного ими пока не замечено, — ответил тот.

Над верхушками деревьев забрезжил рассвет. Лес начал оживать в переливах птичьих голосов.

— Это синички — веселые птички, — улыбнувшись, промолвил Карпенко.

— Весна… У нас на Днепре в эту пору пташиный гомон не умолкает, — негромко сказал шагавший рядом коренастый боец Мандебура.

Через просеку пролетела крупная птаха, держа в лапках какой-то темный комочек.

— Добычу несет, — предположил Мандебура, обративший внимание на птицу.

— То, ребята, лесной кулик, — заметил Карпенко. — Питается жуками, червяками. А в лапках у него свой птенец. Кто-то потревожил гнездо с выводком — вот птица и переносит потомство в другое место.

— Умная птица, — уважительно промолвил Бузуев. — Не от нее ли пошло название райцентра, где мы с вами находимся?

— Слышал я от старожилов, — сказал Виктор, — что на том месте, где сейчас городок Куликов, болото стояло. И все в гнездовьях кулика. Может, потому и селение так назвали…

Лес остался позади. Впереди тянулось болото, поросшее мелким кустарником.

От дозорных поступило неожиданное донесение.

— Посреди болота — в зарослях камыша — островок, на котором видна палатка. Возле нее — часовой в немецкой форме с автоматом.

Лейтенант Карпенко отдал приказание.

— Окружить островок. Ждать сигнала.

Карпенко первым скрытно приблизился к загадочной палатке. Оттуда доносился громкий смех и говор. Часовой действительно был в форме гитлеровского солдата, но без погон.

Лейтенант кивнул находившемуся рядом автоматчику и шепотом приказал:

— Снять часового!

Боец дал меткую очередь.

Палатка встрепенулась — из нее выбежали «лесовики» и открыли беспорядочную стрельбу.

По сигналу лейтенанта Карпенко застрочил пулемет.

Огонь вел ефрейтор Гапон. Рассеченную меткой очередью палатку растрепал ветер.

— Бросайте оружие! Сдавайтесь!

Но никто из «лесовиков» не поднял рук. Они в судорожной суматохе продолжали отстреливаться. Огонь чекистов был прицельным. Бандиты один за другим валились на землю.

Бойцы собрали трофеи. Были здесь немецкие и наши автоматы, пистолеты, гранаты, два ручных пулемета, много патронов…

Недалеко от места боя встретились с группой чекистов, вышедших к болоту со стороны Каменки-Бугской. Карпенко рассказал о только что закончившемся поединке.

— Молодцы, матерых бандитов разгромили! — Мы их давно разыскивали… — сказал капитан — чекист из соседнего района.

Возвращались в Куликов поздно вечером. Когда подходили к городку, послышалась дружная пальба: автоматные, винтовочные, пистолетные выстрелы, взлетали вверх ракеты.

— Неужели бандеровцы напали и там идет бой? — с тревогой подумал Виктор Карпенко.

Подошли к окраине. Навстречу — человек в гражданской одежде стреляет вверх из винтовки.

— Задержать! Что за ухарь такой, — и Карпенко послал двух солдат.

Привели мужчину средних лет. Винтовку у него забрали. Но он весел и рад.

— Зачем стрелял? — строго спросил лейтенант.

— Братцы! — весело воскликнул тот. — Война закончилась. Победа!

— Вот оно что! — радостно промолвил Карпенко и, выхватив из кобуры пистолет, трижды выстрелил вверх. — Победа!!! — Солдаты тоже стали палить в воздух.

В райотделе МГБ лейтенанта Карпенко встретил старший лейтенант Макаров.

— Поздравляю! — с неудержимым восторгом воскликнул он. — Безоговорочная капитуляция фашистской Германии! — и они пожали друг другу руки…

А поздно вечером, когда Виктор остался один, неспокойные

мысли разбередили душу. Вот и Победа… А что же делал он, чтобы приблизить этот день. И предался лейтенант воспоминаниям…

На тихой окраине Ейска небольшой домик. Здесь он родился. В 1926 году умер отец. Тогда Виктору исполнился лишь один год. У овдовевшей матери — пятеро детей. Жилось семье нелегко. Когда началась война, первым ушел на фронт старший брат — Николай. А в начале сорок второго на него уже пришла похоронка. К тому времени на фронте был уже и Василий. Виктор пришел в военкомат в первый же день окончания десятилетки. Как раз гитлеровцы рвались к Сталинграду, шли бои на Кавказе…

Несколько недель военной подготовки — и он попадает в 873-й стрелковый полк. В первом же бою его ранило. Лечился около месяца. Возвратился в свой полк, где его назначили командиром отделения.

И вот он, сержант Карпенко, с группой автоматчиков направляется в разведку. Задача — достать языка. Хорошо помнится ему тот поиск. Ночью преодолели проволочные заграждения. Бесшумно обошли вражеские посты. Возле избы, в которой располагались гитлеровцы, сняли часового. Схватили офицера, который вышел подышать свежим воздухом. Здоровый, долговязый верзила. Связали. Волокли его по очереди. Когда были уже на нейтральной полосе, немцы заметили их и ударили из пулеметов. Одному бойцу пуля попала в плечо, а Виктору — в ногу. Еле доползли до своих. Карпенко тотчас же доставили в санчасть.

Потом госпиталь в Тбилиси. Думал, все обойдется, но после операции хирург, отведя глаза, сказал: «Перебит нерв, исцелить нет возможности».

Приехал домой на костылях.

— Ничего, хорошо, что живой… — успокаивала мать, видя, как ему тяжело.

А вскоре пришло письмо из Тбилисси: «Приезжайте, есть способ отвести беду», — писала врач Заидзе Любовь Михайловна.

И вот он снова в госпитале. В то время у врачей появилась аппаратура, позволяющая сшить поврежденный нерв. Уже было сделано несколько таких операций. Теперь очередь за ним… «Буду бегать, доктор?» — спросил, когда очнулся от наркоза. «Недельки через две», — ответил хирург.

Через полмесяца вышел без костылей. Какая это радость! И сразу же решил: «На фронт! Только на фронт!» Однако в армию не взяли.

Поехал в Днепропетровск. Здесь поступил в Институт

железнодорожного транспорта. Таких, как он, фронтовиков, среди студентов было немало. Их постоянно донимали вопросами о фронте, о боях. Рассказывал и он… Каждый день слушали сводки Совинформбюро. Радовались победам.

Однажды, было это уже в сорок четвертом, нескольких студентов, в том числе и его, пригласили в военкомат. Им предложили пойти на работу в органы МГБ.

— Дело нелегкое. Требует силы воли, предельного напряжения… Нужны добровольцы, — спокойно и внушительно говорил представитель органов госбезопасности…

Окончив курсы в Киеве, лейтенант Карпенко с командировочным предписанием прибыл во Львов. Отсюда — в Куликов, в районный отдел МГБ.

То было в январе сорок пятого. С вокзала шел по заснеженным улицам уютного городка и ловил себя на мысли, что давно уже не было ему так легко и радостно. Войдя в райотдел, застал там лишь начальника — старшего лейтенанта Макарова. Он был невысокого роста, худощав, с угрюмым, озабоченным лицом. Представился ему.

— Траур у нас, — сказал тот глуховатым голосом. — Нескольких активистов убили вчера бандеровцы. Из засады обстреляли, когда те из сел в райцентр возвращались. Завтра похороны. А сейчас все на боевом задании, бандитов ищут. И я уезжаю.

Карпенко попросился:

— Возьмите и меня с собой.

Прочесывали лес. Задержали четырех бандпособников. Но на логово «лесовиков» выйти тогда не удалось…

На следующий день в райотделе состоялся разбор операции, в результате которой была ликвидирована бандгруппа, прятавшаяся на болоте. После него Макаров сказал Карпенко:

— А теперь беритесь за боевки Кошевого, Сивого, Крука. Хитрые, скользкие эти бандитские главари. Орудуют чаще всего вот здесь, — показал Макаров на карте селения к северо-востоку от райцентра.

…В селе Желтанцы Карпенко разместил свой боевой резерв. Отсюда он брал бойцов, ведя поиск то на одном, то на другом хуторе. Но вот из села сообщили, что ночью здесь побывала банда. «Лесовики», запасаясь продуктами, разграбили несколько хозяйств.

— Сколько их было? Куда ушли? — спрашивал Карпенко у жителей села. Но толком никто ничего так и не мог сказать. «А вдруг часть бандитов ушла, а часть укрылась в селе», — подумал

лейтенант.

Взяв бойцов, начал ходить по дворам. В одном из них, хозяин которого, как он знал, погиб на фронте, внимание лейтенанта привлекла лежавшая на подоконнике бумажка, о которую кто-то вытер бритву. Подозвав гуляющего во дворе малыша лет шести, Карпенко спросил:

— А кто тут у вас брился, хлопче?

— Якийсь вуйко, — ответил мальчик.

Тут же подоспела хозяйка, бойкая женщина, чем-то очень взволнованная. Лейтенант осмотрел дом, потом подошел к сарайчику, отворил дверь. Выпорхнули, кудахтая, куры. Увидел дверцы от погреба. Солдат приоткрыл их.

— Выходи, кто там есть! — крикнул Карпенко.

Никто не отозвался. Осмотрели погреб. Лаз был завален досками. Когда их отбросили, со схрона ударил автомат. И сразу же туда полетели гранаты. Трое оуновцев из банды Кошевого были убиты…

И снова поиски по хуторам и отдаленным селам.

В Нагорцах Карпенко, оставив во дворе двух бойцов, зашел в один дом. Хозяйка, стараясь скрыть волнение, которое не ускользнуло от лейтенанта, пригласила его к столу, а сама выбежала за молоком.

Положив автомат на лавку, Карпенко прошелся взад-вперед по комнате. Вдруг открылся платяной шкаф — и оттуда на Виктора бросился жилистый здоровяк, свалил с ног, подмял под себя, принялся душить. Вот когда пригодилось Карпенко знание самбистских приемов. Изловчившись, он сбросил с себя бандита и, выхватив пистолет, выстрелил почти в упор.

На выстрел со двора прибежали солдаты. Лейтенант, бледный, тяжело дыша, сидел на скамейке. Бойцы молча переглянулись между собой.

— Обыщите, заберите документы, оружие, — тихо сказал Карпенко…

…В Куликове в последнее время Карпенко бывал редко. Но вот приехал рано утром и зашел домой. Ждала его весточка от брата Василия, вернувшегося с фронта в Ейск. «Когда приедешь? Соскучились за тобой…» — прочитал в письме.

«В отпуску давно не был. Но разве теперь время для отпуска?» — подумал Виктор, положив письмо на стол.

Приветливо встретил его Макаров.

— Поздравляю с присвоением очередного звания! Вчера звонили со Львова, приказ уже подписан.

А в середине дня состоялось партийное собрание.

Обсуждался вопрос об авангардной роли членов партии в борьбе с оуновским подпольем. Среди тех, кто больше всех отличился в ней, назвали и коммуниста Виктора Карпенко.

Затем он снова был в кабинете начальника райотдела. Разговор длился недолго. Поступили данные, что главарь одной из банд Ярема часто бывает на хуторе Колодно. Там он «подрядился строить» дом какому-то дальнему родственнику. Услышав об этом, Карпенко тут же заявил:

— Нагряну к этому плотнику.

Когда прибыл с опергруппой в Колодно, строительство было в самом разгаре. Стучали топоры. Весело переговаривались плотники.

Оставив бойцов в засаде, Карпенко сам вошел на подворье. Увидев старшего лейтенанта, строители от неожиданности замерли. Один из них, бросив топор, стал торопливо спускаться со сруба. Виктор шагнул к нему, сразу же определив по известному ему словесному портрету, что это и есть Ярема.

Он подошел поближе и, когда бандит оказался на земле, неожиданно протянул ему руку:

— Ну что ж, здоров…

Тот на мгновение опешил, беспомощно оглянулся и несмело вложил свою руку в широкую ладонь старшего лейтенанта. Виктор провел прием молниеносно и хладнокровно. Ярема еще не успел сообразить, в чем дело, как оказался на земле с заломленными назад руками. Тут же их окружили бойцы. Бандита связали. А Виктор, задорно улыбнувшись, бросил оторопевшим плотникам:

— Что ж вы о работе забыли. Так избу и к зиме не срубите.

И снова застучали топоры…

Минуло немного времени и чекисты покончили с Кошевым. Теперь все их внимание было сосредоточено на Сивом. Ведя поиск его боевки, они напали на след банды Ключа, которая после разбойничьего налета не успела укрыться в своем логове. Во время схватки было уничтожено несколько бандитов и их главарь.

Охоту за Сивым продолжили в том же лесу. Когда наступили сумерки, чекисты попросились переночевать на один из ближайших хуторов. Вошли в одну из хат. Три бойца расположились в боковой комнате. Карпенко в горнице сел за стол, где у керосиновой лампы девочка-школьница учила уроки. На посту у дома остался Мандебура.

Хозяйка вышла на кухню. Карпенко стал помогать девочке решать задачи. Вдруг распахнулась дверь, и в комнату ворвались

двое. Один крикнул:

— Прывит от Сывого!

Грянул выстрел. Пуля обожгла Виктору щеку. Падая, он успел опрокинуть лампу, которая тут же погасла. Выхватил пистолет. Первым же выстрелом Карпенко уложил одного из бандитов. Второй попытался бежать, но его меткой очередью сразил подоспевший Мандебура. Он же крикнул:

— Трое уходят полем!

Старший лейтенант повел бойцов в погоню. Уйти бандитам не удалось. Но Сивого среди них не было.

…Шел 1949 год. Понемногу зарубцовывались раны войны. Владно вступала в свои права мирная жизнь. На душе Виктора Карпенко было радостно: на его глазах свершались добрые перемены в жизни западноукраинских сел. Но было и горько от того, что по ночам то в одном, то в другом селе еще раздавались выстрелы бандитов. Когда же угомонятся душегубы-оуновцы? И за ним еще числится непойманный Сивый. Ускользает все время, словно угорь.

Было ему известно, что главарь банды появляется в Колоденцах. Не раз устраивали там засады, но все напрасно. И вот поступил еще один сигнал. Снова чекисты в засаде. Ночь выдалась лунной. В небе ярко мерцали звезды. Послышались шаги. И тут Карпенко увидел, что по дороге идут трое. Впереди — статный мужчина в ватнике. На груди автомат. Сзади — двое, охрана. Тоже вооружены автоматами.

Карпенко подал сигнал лежащим вблизи бойцам. Раздались выстрелы. Застигнутые врасплох бандиты, отстреливаясь, попытались бежать, но были сражены меткими очередями.

Люди, узнав о ликвидации банды и самого главаря Сивого, облегченно вздохнули.

— Волку волчья смерть, — говорили сельчане…

Вскоре Виктор Карпенко уезжал из Куликова к новому месту службы. Тепло прощались с ним товарищи-чекисты. А получил он назначение в райцентр Турка, расположенный в Карпатах.

— Как видите, условия у нас особые, — предупредили его в райотделе МГБ. — Кругом горы, леса, чащобы — там и прячутся недобитые оуновцы. Там логово главаря банды, назвавшего себя Гайдамакой.

Несколько месяцев продолжалась охота за националистическим «проводником». Наконец был обнаружен схрон Гайдамаки. И немалую роль при этом сыграла наблюдательность Карпенко.

Как-то вышли они к горной речке. Виктор засмотрелся, как

бежит и пенится вода, и вдруг увидел на берегу скорлупки от куриных яиц. «Интересно, кто это здесь подкреплялся?» — подумал старший лейтенант.

Пошли вверх по течению, всматриваясь в берег. Нашли крышку от консервной банки… Схрон оказался в обрывистом берегу речки. Здесь и произошел скоротечный бой. С бандой Гайдамаки было покончено…

Полюбились Карпенко и город в горах, и его люди. Но задержаться здесь не пришлось. Вскоре перевели его в соседний район — Старосамборский.

Первым же его заданием было разыскать и обезвредить проводника Жара, которому до сих пор удавалось избегать встречи с чекистами. Обратившись за помощью к местным жителям, Карпенко вскоре разузнал, где чаще всего появляется оуновец. В том селе была устроена засада. Произошла жестокая схватка. Три бандита были убиты. Однако Жар снова ускользнул.

И тогда у Виктора Карпенко созрел иной план захвата проводника. Вернулся домой брат Жара фронтовик Василий. Отмечен боевыми наградами. Он был полон негодования, узнав о черных делах брата.

Карпенко встретился с Василием, поговорил с ним.

— Передайте брату, пусть приходит с повинной. Ему еще можно искупить вину.

И вот на следующий день к капитану Карпенко пришел Василий и сказал:

— Пришли вместе. Он на улице ожидает.

Карпенко вышел. «А что, если тот в упор разрядит пистолет», — подумал он и сразу же отбросил эту мысль. Он хладнокровно подошел к Жару. Взял за локоть проводника и вместе с ним вернулся в райотдел.

Начальник и сотрудники райотдела не скрывали своего восхищения. «Да, карпенковские сети сработали точно…»

А затем Виктор Антонович со своими помощниками наведался в соседние районы. В Хирове накрыли долго не сдававшуюся боевку. Затем по нащупанным следам — в Добромыль. По возвращении доложил:

— Тайники раскрыты. Оуновцы обезврежены.

* * *

Розовым цветом шумели весны, белыми метелями пролетали зимы, посеребрив виски Виктора Антоновича.

В его уютной квартире на одной из львовских улиц редко

когда бывает тихо: резвятся внуки — дети дочери. А вот от сына приходят письма. Он офицер, служит далеко отсюда. Кстати, писем почта доставляет по этому адресу немало. Среди них и от Николая Жара из Донбасса, который на всю жизнь сохранил глубокую признательность чекисту, вернувшему его к людям, и от боевых побратимов Ивана Гапона и Василия Мандебуры…

Часто раздаются телефонные звонки; то с завода, то со школы, училища, техникума… Просят встретиться с молодежью, рассказать о себе. И никогда не отказывает подполковник в отставке Виктор Антонович Карпенко. Он понимает, как это важно передать эстафету тем, кто будет идти дальше.

Григоренко Клара
РОДИНА ПОМНИТ

Кажется, совсем еще недавно его ладонь ласково трогала головки стриженных под «ежик» двух подрастающих сыновей. А теперь они иногда в шутку его не отцом, а дедом называют.

Борис Михайлович не обижается — дед он и есть. Самый настоящий: двоих внуков имеет.

— Красавинский род продолжат… — любит повторять Борис Михайлович.

И вспоминает, как много лет назад, в летний знойный день 1942 года, его, восемнадцатилетнего паренька, провожали в армию. Мать и сестра тревожно смотрели на него покрасневшими от слез глазами, а отец — кадровый рабочий, коммунист, человек сильной воли и благородного сердца — крепился. На прощанье обнял сына, сказал негромко:

— Надеюсь на тебя. Помни, что ты из рода Красавиных. Будь достоен его…

Слова эти, как заповедь, запали в душу Бориса. Помнил он о них и когда служил в отдельном запасном инженерном полку, и когда сражался в составе Мелитопольской бригады на 3-м и 4-м Украинских фронтах.

…Разведчики получили срочное задание — занять плацдарм на Крымском берегу и обеспечить переправу войск и техники через Сиваш. Готовилось Крымское наступление, и теперь именно от них зависело, как успешно будет развиваться оно на своем самом важном — начальном—этапе.

И вот занят плацдарм у станции Войтовка. Разведчику Красавину во время вылазки удалось захватить «языка», который сообщил ценные для командования сведения. Переправа техники началась немедленно. На паромах. Паромы вязли, и их приходилось тащить волоком.

Стыли ноги в разбухших сапогах, судорогой сводило напряженные мускулы рук. А Борис, смахивая со лба пот, казалось, не чувствовал усталости, таща вместе с другими по колено в холодной осенней воде тяжелые неуклюжие паромы.

Здесь, на Сиваше, яркое подтверждение нашли слова отца о крепком корне Красавннского рода — тридцать восемь раз туда и обратно переходил залив худощавый паренек.

За успешное проведение разведки и форсирование Сиваша младший сержант Красавин был награжден орденом Красной Звезды.

Длинны дороги войны… В послужном списке Бориса Михайловича — участие в боях за освобождение от фашистского порабощения Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Советское правительство удостоило его многих правительственных наград. Среди них орден Славы. Его он получил за спасение жизни командира батальона.

Вражья пуля подстерегла разведчика в Будапеште. После продолжительного лечения в госпитале командование направило Красавина на учебу в Ленинград. Здесь он встретил День Победы.

В июле 1945 года Бориса Михайловича вызвали в отдел кадров. Пожилой человек с погонами полковника пригласил его сесть.

— Как вы смотрите, — начал он, — если мы направим вас на работу в органы госбезопасности?

Это предложение было для него неожиданным.

— Подумайте, прежде чем дать ответ, — спокойно и неторопливо продолжал полковник. — У чекистов работа нелегкая. Это — фронт без линии фронта, где борьба ведется не только против внешнего врага…

— Смогу ли? — подумалось Борису. И тут вспомнились

отцовские слова: «Красавинский род всегда был крепким, сынок…» А с небольшого портрета прямо в глаза курсанту-фронтовику пристально смотрел худощавый человек в гимнастерке — Дзержинский. С юношеских лет восхищался Борис рыцарем революции, сама жизнь которого стала немеркнущим подвигом, примером беззаветного служения высочайшим идеалам.

Полковник, чуть прищурив глаза, наблюдал за Красавиным. С ответом не торопил, понимая, что происходит в душе сидящего перед ним человека.

Борис встал:

— Я согласен.

Получая направление на работу в Стрелковский райотдел МГБ Дрогобычской области, Красавин был детально проинформирован относительно враждебной деятельности банд украинских буржуазных националистов, с которыми ему предстояло бороться.

— В общем, работа тебе предстоит нелегкая, товарищ Красавин, — сказали в министерстве. — Верим, что справишься…

Борис Михайлович понимал, что ему придется постоянно быть, как говорится, в самой гуще народа, не только ловить бандитов, но и помогать людям строить новую жизнь… Хватит ли на все сил, выдержки?

Первое боевое крещение на новом поприще принял, как говорится, без раскачки, почти сразу, как только приехал.

Руководитель бандгруппы по кличке Бурлака был матерым и хитрым врагом. Кулак по происхождению, оуновец по убеждениям, он люто ненавидел Советскую власть. Эту свою звериную ненависть бандит вымещал на простых, честных людях.

Бурлака возглавил бандгруппу, состоявшую из таких же головорезов, как он сам. Бандит не останавливался ни перед чем. Он удавил своего двоюродного брата, который заявил, что намеревается явиться с повинной. Разработал план убийства секретаря комсомольской организации села Евы Конив…

Банду, скрывающуюся в лесу, чекисты били по частям. Но коварному и осторожному Бурлаке удавалось все время уходить невредимым. Однако шансов на то, что удастся уцелеть и остаться безнаказанным, у Бурлаки оставалось все меньше и меньше. И бандит лютовал с удвоенной яростью.

Однажды вечером к Борису Михайловичу пришли два пожилых крестьянина. Поздоровались и заговорили, как со старым знакомым.

— Дело у нас к вам, товарищ начальник… Рассказать кое-что

надо…

Красавин хорошо знал этих людей. Крестьяне рассказали, что в селе Недельном к бандитской связной приходил человек из боивки Бурлаки. 8 ноября они решили расправиться с местными активистами, а заодно прихватить у связной продукты, которые она загодя приготовит.

Срочно был собран весь оперативный состав.

— Основная задача нашей группы — ликвидировать Бурлаку, — сказал Красавину начальник райотдела МГБ майор Губанов. — Продумайте все до мелочей: малейшая оплошность — и спугнете зверя…

«На этот раз надо во что бы то ни стало покончить с ним, — думал про себя Борис Михайлович. — Желательно взять живым… Пусть его судит советский суд, люди, которым он причинил столько горя…»

На задание группа из пяти человек, возглавляемая Красавиным, вышла во второй половине дня. Сначала ехали на подводе, потом шли пешком. Быстро пересекли размокшее от дождей поле, остановились на опушке.

— Соблюдать полнейшую тишину, действовать, как условились, — отдал распоряжение Красавин и первым шагнул под сумеречный свод леса.

За ним, растянувшись цепочкой, шли остальные. Красавин, невысокий, щуплый, не шел, а скользил между деревьями, и они словно расступались перед ним, уступая дорогу. Ни одна веточка не хруснула под его ногами, ни один сучок не зацепил одежду…

Хата стояла у самого леса. Чекисты подползли к ней вплотную и залегли, спрятавшись за небольшим кустарником. Начало темнеть, и тут Красавин заметил, как, пригнувшись, к дому подошли трое.

Двое стали неподалеку от двери, третий постучал в нее. Дверь тотчас же открыла женщина и тихо сказала:

— Все приготовлено, как приказывали… Подождите немного…

По тону, каким связная говорила с бандитом, Красавин понял — это и есть Бурлака. Женщина скрылась в доме. Бурлака, сказав что-то своим сообщникам, шагнул в открытую дверь и бесшумно закрыл ее. Оставшиеся перед домом сняли с плеч автоматы.

— Охрану выставил… — прошептал Красавин. Лежавший рядом с ним молодой солдат Дерябин, крепкий и кряжистый, предложил, наклонившись к командиру:

— Может, попробовать их снять?..

— Нет, не стоит, — ответил Красавин. — Попробуем подобраться к дому поближе.

Чекисты бесшумно скользнули вперед, но тут у одного бойца хрустнул под сапогом камешек. Бандит, стоявший перед дверью, вздрогнул, повернулся в ту сторону, откуда раздался хруст, и вскинул перед собой оружие.

Красавин понял, что подобраться к дому незамеченными уже не удастся.

Автоматная очередь вспорола моросящие сумерки и скосила обоих охранников. Зазвенело разбитое стекло, и из окна выскочил Бурлака. Пригибаясь, он побежал к огородам.

— Не стрелять! — Красавин бросился за бандитом. Тот оглянулся через плечо, приостановился — и над ухом чекиста просвистела пуля. Бандит резко свернул вправо и устремился к лесу.

— Не уйдешь! Получай по заслугам…

Выстрел Красавина был точным. Так был ликвидирован бандитский главарь — матерый оуновец Бурлака. Один из охранников тоже был убит, второй ранен и захвачен чекистами. Вскоре остатки банды были ликвидированы.

«Решительность и чекистская смекалка. Оперативность и умение быстро ориентироваться в обстановке. Личное участие в сложных операциях по ликвидации бандитов. Смелость и инициативность». Как много кроется за этими скупыми, лаконичными строчками характеристики, полученной коммунистом, чекистом Красавиным от командования.

Товарищи, работавшие с Борисом Михайловичем, говорят, что этот человек не знал страха, действовал всегда так, как диктовало ему чувство долга. А сколько сделал Красавин для вывода бандитов с повинной! И не раз, встречаясь с ними лицом к лицу, он был без оружия. Бесшабашность молодости? Нет. От природы решительный, Красавин был и невооруженный силен перед врагом сознанием правоты своего дела, высокой убежденностью. Он так же тонко разбирался в человеческой психологии, обладал удивительным свойством, которое называют умением найти подход к человеку. Поэтому было у него столько верных друзей и помощников среди населения тех районов, где он работал. Уважали его за честность, скромность, заботливое отношение к людям, за мужество и личную отвагу.

Говорят, что о человеке судят не по годам, а по делам. И в этой житейской мудрости — большой смысл. Борису Михайловичу Красавину было двадцать шесть, когда он был назначен заместителем начальника отдела МГБ в Турковском районе на Львовщине.

И здесь, на новом месте работы, Красавин принимает самое

активное участие в жизни района, достойно несет свою чекистскую службу. Коммунисты райотдела не один раз избирают его секретарем партийной организации, а население города — депутатом местного Совета.

Уж сколько лет прошло, а у Бориса Михайловича не стерлись воспоминания о тех днях, когда разгром банды Гайдамаки в Турковском районе навсегда освободил этот край от бандитской нечисти. Чекисты готовились к этой операции тщательно, продумав все до мелочей, чтобы не упустить главаря и его подручных…

А разве забыть Борису Михайловичу те майские дни, когда оперативной группой под его руководством был пойман с поличным и разоблачен опасный преступник по кличке Богдан, оуновец и предатель, бежавший от суда народа… Возмездие настигло его.

…Время, говорят, быстротечно. Что-то оно высвечивает в памяти, будто события вчерашнего дня, что-то оставляет в тени, как прошлое, к которому нет возврата. Борис Михайлович не очень разговорчив, когда речь идет о его личном героизме, участии в операциях, которых больше ста. Но зато охотно рассказывает, как буйно проклевывались ростки новой жизни даже в отдаленных горных районах, как помогало местное население бороться с врагами Советской власти…

Привольно раскинулись колхозные поля на Дрогобыччине и Турковщине. Стремительно несут свои воды хрустальные горные потоки. Радостно живется людям на этой щедрой и благодатной земле. Родина помнит, Родина знает тех, кто отвоевал у черных сил зла светлый день обновленного края. Отчизна высоко оценила подвиг чекиста Красавина, наградив его своей высшей наградой — орденом Ленина.

Танитовский Валентин
ПОДПОЛКОВНИК ГЛУШЕНКО

В осенний день 1944 года поезд Киев — Черновцы приближался к конечной станции. Михаил Силыч, сидя у окна вагона, внимательно разглядывал незнакомые места. В кармане его кителя лежало предписание, в котором значилось, что он, майор Глушенко, направляется в распоряжение Управления НКВД по Черновицкой области для прохождения дальнейшей службы.

Глушенко впервые на Буковине. Взор его привлекали непривычные для него горы, стройные сосны, аккуратные домики, доверчиво льнувшие к горным склонам. Михаилу Силычу вспомнилось, как он, четырнадцатилетний паренек, после окончания четырех классов сельской школы работал на железной дороге. То было в двадцатые годы, когда шла напряженная борьба с классовым врагом, упорно не желающим сдавать свои позиции. А в тридцатые его, тогда уже комсомольского вожака, товарищи направили на работу в органы государственной безопасности. Первые шаги на оперативной работе… Учеба… И снова работа,

работа… В борьбе с врагами закалялась воля и оттачивалось чекистское мастерство, вырабатывалось умение отличать непримиримых врагов Советской власти от случайно попавших под их влияние, запутавшихся людей.

Подъезжая к вокзалу, поезд замедлил ход. Черновцы…

В областном управлении майор Глущенко явился на доклад к начальнику. Здесь определялось его новое место службы, и он вначале немного волновался, рассказывая полковнику о своей прежней работе, о том, как в начале войны обеспечивал выполнение заданий по эвакуации на Восток оборудования промышленных предприятий Донбасса, выявлял и обезвреживал вражеских лазутчиков, диверсантов… Михаил Силыч понимал важность своей работы в тылу, но все же хотелось туда, где, по его мнению, непосредственно решалась судьба Родины. Так и писал он в рапортах с просьбой отправить его на фронт. Но командование неизменно отвечало Глущенко, что обеспечение безопасности тыла, где ковалось оружие победы, не менее важный участок…

Начальник управления слушал майора не перебивая, а когда тот закончил, коротко ознакомил его с оперативной обстановкой в области и сообщил о назначении начальником Заставновского райотдела НКВД.

— Ну как, справитесь? — спросил полковник, протянув руку для прощания.

— Постараюсь оправдать доверие.

— Должны справиться, — утвердительно сказал начальник управления. — Ваша задача — немедленно приступить к ликвидации бандитского подполья в районе. Обстановка там сложная. За последнее время оуновцы совершили ряд кровавых террористических актов. В селе Сергиях зверски уничтожили целую крестьянскую семью. Самого хозяина и его жену убили выстрелами в голову, а трем малышам размозжили головки о камень… — полковник помолчал, передвигая на столе папку. Глущенко тоже молчал, пораженный услышанным.

— За что же они так?.. — наконец спросил он.

— Односельчане избрали хозяина делегатом на съезд буковинцев… Или еще одно злодеяние, — продолжил начальник управления. — В селе Черный поток бандиты ночью увели из дому председателя сельсовета Котика и его жену. Утром их трупы обнаружили на берегу Днестра. Я рассказываю все это для того, чтобы вы знали, с кем придется иметь дело.

…От Черновиц до Заставно доехали быстро. В райотделе Михаила Силыча встретил его заместитель, старший лейтенант

Стеценко.

После знакомства и расквартирования Глущенко попросил Стеценко принести карту района и подробно доложить обстановку. Из всего услышанного следовало, что в Заставницком районе активно действуют две банды — Юрася и Скригуна. Кулаки укрывают бандитов, предупреждают о появлении чекистов, снабжают продуктами.

К исходу дня поступило сообщение о том, что оуновцы совершили нападение на село Кучеров, где сожгли здание сельсовета. Для расследования Михаил Силыч направил туда оперативную группу. Не успели еще разобраться в случившемся, как утром 14 ноября стало известно, что подобное злодеяние совершено бандитами и в селе Таутры. Глущенко решил лично расследовать это дело и выехал на место происшествия вместе со своим заместителем.

Таутры — в четырех километрах от Заставного, и лошади быстро доставили тачанку в село. У здания сельсовета прибывших встретил председатель.

— Что наделали, что наделали!.. — причитал он, обращаясь к Стеценко, которого хорошо знал. При этом председатель то и дело поглядывал на майора.

— Начальник райотдела НКВД Глущенко, — представил наконец его Стеценко. — Расскажите подробнее, как это все случилось?

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Я ночью спал и ничего не слышал. Утром пришел в сельсовет, а здесь полнейший разгром.

— Никого не подозреваете? — спросил Глущенко.

— Нет, не подозреваю, товарищ майор. Вот в Дорошевцах, я слышал, есть лица, связанные с бандитами.

— Поедем в Дорошевцы, может, там что узнаем, — предложил Михаил Силыч своему заму, садясь на тачанку. — Далеко до них?

— Минут сорок езды. Кони у вас добрые, — заверил председатель…

Проселочная дорога вела под уклон в сторону Днестра. Слева темнел лес, по правую сторону виднелись поля. Когда показалось село, Глущенко приказал ездовому ехать прямо к сельсовету. Кони остановились возле ничем не приметной хаты. Михаил Силыч заметил в окне чье-то лицо.

— А ну, давай зайдем, — сказал он заму, направляясь к крыльцу. — Кажись, нас здесь уже ждут…

В сельсовете их встретил секретарь. Он узнал Стеценко и охотно ответил на поставленные вопросы: назвал жителей

Дорошевцев, которых подозревал в связях с бандитами.

Стеценко посоветовал майору встретиться еще и с директором местного спиртзавода. Его чекисты застали в конторе, которая размещалась в двух комнатах первого этажа заводского помещения. Он радушно встретил гостей, но также ничего не мог сказать о банде.

Не теряя времени, чекисты решили возвратиться в Таутры.

Застоявшиеся лошади дружно вынесли тачанку за село…

В Таутрах, когда они подъехали к почте, навстречу им выбежала телефонистка.

— Стойте, стойте!.. — кричала она, размахивая руками. Ездовой придержал лошадей.

— Только что звонили из Дорошевцев, со спиртзавода. На завод напала большая банда, — взволнованно сообщила девушка.

— Когда напала, мы же недавно оттуда, — удивился Стеценко.

— Не знаю, связь прервалась, — смущенно ответила телефонистка, будто в этом была ее вина.

Глущенко торопливо прошел на почту и, соединившись по телефону с дежурным по райотделу, приказал немедленно выслать усиленную оперативную группу.

— Не задерживайтесь, мы ожидаем в Таутрах.

Когда оперативная группа во главе с Глущенко прибыла в Дорошевцы, бандитов там уже не было. Оуновцы сделали свое черное дело и скрылись. Прежде всего чекисты увидели труп сельского почтальона. Он лежал с простреленной головой недалеко от здания сельсовета. Рядом валялась сумка с выпавшими из нее письмами и пачка газет. У порога конторы в луже крови лежал обезображенный труп директора завода… Когда Глущенко вошел в помещение, перед ним открылась ужасная картина. Видимо, бандиты ворвались сюда внезапно и с порога расстреляли служащих из автоматов. Техперсонал они согнали в небольшую комнату химлаборатории и тоже расстреляли.

Возле спиртзавода собралось много людей. Среди них — рыдающие родственники погибших. Глущенко обратил внимание на молодуху с надвинутым на лоб платком, которая как бы высматривала кого-то в толпе. Селяне настороженно поглядывали на нее. Рядом с Михаилом Силычем слезно причитала пожилая женщина.

— Деточка моя, деточка. Ты же еще и не пожила, — ломая руки, приговаривала она.

— Кто тут у вас? — с сочувствием спросил у нее майор.

— Доченьку мою единственную убили. Боже, боже, что я буду делать. Как мне без нее жить. Господи, кому она мешала…

— Мешала, наверное… Видите, сколько крови невинной пролито, — промолвил Глущенко.

Женщина оглянулась и испуганно отступила от майора в сторону. Михаил Силыч проследил за направлением ее взгляда и увидел позади себя молодуху, которая тут же затерялась в толпе.

Глущенко не был новичок в расследовании кровавых злодеяний, но то, что увидел в Дорошевцах, ошеломило его. Он заметил, что жители села опасались даже заводить разговор о бандитах. Ему было понятно, что только при помощи свидетелей трагических событий можно будет выяснить мотивы преступления, состав банды и место ее укрытия. Михаил Силыч тут же организовал индивидуальный опрос селян.

Первой пригласили женщину, оплакивавшую дочь. Она хотя и боялась, но пришла.

— Товарищ начальник, я сама хотела с вами поговорить, но эта змея так и зыркает, так и следит за всеми.

— Какая змея? — спросил Михаил Силыч.

— Та, что платочек на лоб надвинула, чтобы люди не видели ее бесстыжих глаз. Подслушивает, что народ говорит, и бандитам доносит, а те ночью заявляются для расправы.

— Она что, с бандитами связана?

— А то как же. Два ее брата в банде находятся. Они сегодня были здесь, может, мою доченьку убивали, — всхлипнула женщина, сдерживая рыдание. — Я их видела.

— Как видели! Присутствовали при нападении?..

— Ага, — вытирая слезы, продолжала женщина. — Я шла дочку звать на обед, а тут бандиты выскочили на площадь. Первым их заметил почтальон и побежал к сельсовету. Только не добежал, бедняга… Когда началась стрельба, я перепугалась, за плетнем спряталась. Мне бы выбежать на площадь, так нельзя. Неподалеку подвода стояла, а возле нее — бандит, лошадей сторожил. Тут к нему подбежал кто-то и кричит: «Бегуна ранили. Сейчас принесут…» Я хорошо запомнила разговор между ними. «Какого Бегуна, того, что у Юрася в боевиках?» — спрашивает возчик. «Его самого…» — «А кто?» — «Директор завода, — зло бросил бандит. — Выскочил из конторы и давай палить из пистолета. Его, конечно, тут же уложили, но Бегуну досталось…»

— Потом трое принесли того самого Бегуна и положили на повозку, — продолжала женщина. — «Потерпи, сейчас поедем, — промолвил возчик и поинтересовался у напарника: — Куда доставить?» — «Повезешь в Бридок, к его тетке Иванке», — ответил тот. При этих словах раненый застонал. Видимо, он

слышал разговор. Тут к повозке притащили канистры со спиртом и передали приказ отвезти их в какие-то Буераки. — «Смотри, чтобы спирт у тебя по дороге не испарился. Юрась шутить не любит», — предупредили возчика. Бандиты еще о чем-то говорили между собой, но я не разобрала. О дочке думала.

— Больше никого из них не запомнили? — поинтересовался Глущенко.

— Была с бандитами еще и женщина с пистолетом на поясе. Вела себя, словно командир. Вот только не успела я к ней хорошо присмотреться.

— Ничего, и ее сыщем. А вам большое спасибо, вы нам очень помогли.

У майора Глущенко не было оснований сомневаться в правдивости показаний свидетельницы бандитского нападения. Теперь ему следовало решить, как действовать дальше. Конечно, можно было немедленно арестовать Бегуна, но Михаил Силыч сразу же отбросил этот вариант. Он склонялся к тому, что личный контакт с Бегуном способствовал бы более успешному решению задачи по выходу чекистов на банду Юрася. Как охранник главаря, Бегун должен был знать многое о его связях.

Глущенко пригласил к себе старшего лейтенанта Стеценко, начальника штаба истребительного батальона капитана Ксенофонтова и ознакомил их с полученными сведениями.

— Что это за Буераки, куда возчик должен был доставить спирт? — вопросительно посмотрел он на Стеценко.

— Буераки?.. — задумался тот, — так называется заовраженный участок леса в стороне Бридок. Вот здесь, — уверенно показал на развернутой карте.

— Если возчик должен туда повезти спирт, значит, там его будут ждать, — вмешался в разговор капитан Ксенофонтов. — Может, есть смысл попробовать накрыть их, — он положил ладонь на карту.

— Об этом сейчас рано говорить, — твердо сказал Глущенко. — Главная наша задача — Бегун. На встречу с ним поедет со мной старший лейтенант Стеценко. На всякий случай возьмем с собой фельдшера, все-таки едем к раненому.

— Не мало ли вас. Вдруг на бандитов нарветесь, — засомневался Ксенофонтов.

— Операцию следует провести скрытно, чтобы кроме нас никто не знал о ней. Возьмем с собой небольшое прикрытие и все…

Село Бридок на самом берегу Днестра утопало в садах. С

востока к нему подступал лес, изрезанный сухими оврагами. Весной по этим оврагам устремлялись к реке талые воды, а летом овраги заростали буйным разнотравьем и кустарником.

Когда тачанка остановилась в придорожных кустах на окраине села, уже сгущались сумерки. Стеценко спрыгнул на землю и исчез в кустах. Через некоторое время он снова появился, шепнул что-то майору и уверенно повел лошадь влево от дороги, к реке. Шли осторожно, окна некоторых хат светились. Наконец старший лейтенант остановил лошадей.

— Приехали, — шепнул он… В окне хаты горел свет.

«Не спят», подумал Глущенко и, организовав охрану, вместе со Стеценко направился к дому.

— Собаки не слышно, — шепнул Стеценко, когда они ступили во двор, посредине которого виднелся колодезный журавель.

— А она хозяйке, видать, ни к чему, лишний шум только мешал бы ночным гостям. Большая семья у нее?

— Нет, сама давно овдовела, дочка замужем в Черновцах. Одна Иванна живет. Пойдемте?

— Давай лучше подождем, — придержал его майор. — Может, там кто из бандитов есть.

Прошло несколько напряженных минут… Вдруг дверь хаты со скрипом отворилась, и на пороге появилась женщина с ведром в руках. Она направилась к колодцу.

Майор знаком показал Стеценко, чтобы тот зашел со стороны хаты, а сам направился к женщине, набиравшей воду.

— Добрый вечер, хозяюшка.

— Ой, кто это! — испуганно воскликнула та, чуть не выронив из рук ведро.

— Свои, свои, не пугайтесь, тетка Иванна, — вмешался старший лейтенант, появившийся с другой стороны. — Посторонние в хате есть?

— Никого нет. Я и племянник больной, — молвила женщина, настороженно всматриваясь в ночных гостей.

— Если посторонних нет, тогда пошли, — предложил Стеценко, пропуская хозяйку вперед.

— Племянник чем болеет? — поинтересовался майор.

— Чем болеет?.. Так… Полез на чердак сена сбросить и напоролся на вилы. Теперь лежит и стонет…

В хате на кровати в одном белье лежал молодой человек крупного телосложения. На груди у него и на левом бедре виднелась грубая повязка из домотканой материи, через которую проступали кровавые пятна. У кровати в тазу валялись окровавленные тряпки. Даже при слабом свете керосиновой лампы было заметно, что он сильно бледен.

— Почему вы врача не позовете? Ему же совсем плохо, — повернулся майор к хозяйке, пытавшейся в это время незаметно запихнуть ногой под печку узел окровавленной одежды. — Как звать вашего племянника?

— Степаном кличут, Степаном. А доктора у нас в селе нет, в район нужно. Как же ночью ехать?

— Не нужно в район. Я так… — сквозь стон неожиданно промолвил раненый.

— Как не нужно. Вы же здесь изойдете кровью, — возмутился майор, показывая на окровавленные тряпки. — Позовите фельдшера, пусть перевяжет его, — сказал Михаил Силыч старшему лейтенанту.

Вскоре фельдшер докладывал майору:

— Нога у него ничего, пуля прошла на вылет через мякоть: кость не задета. А ранение в грудь… — покачал головой. — Необходимо срочное хирургическое вмешательство, иначе ему не жить.

— Что же вы, тетка Иванна, обманываете, — заговорил Стеценко. — На вилы напоролся… У него в груди пуля застряла. Помрет ваш Степан, если сейчас же не повезете в больницу.

— Как я его повезу?

— Не хочу я умирать! Спасите меня, спасите. Я жить хочу!.. — неожиданно громко воскликнул Бегун.

— Жить хочешь!.. А те, в которых ты сегодня стрелял на спиртзаводе, разве они жить не хотели?! — жестко промолвил майор, шагнув к кровати.

— Я не стрелял, — напрягшись, снова застонал Бегун. — Проверьте мое оружие, я правду говорю, что не стрелял. Тетка Иванна, принесите его, оно в сарае за бочкой.

При этих словах хозяйка охнула и бросилась к майору.

— Пан начальник, если Степан говорит, что не стрелял, значит — не стрелял. Он такой, он даже курицу не может зарезать. Крови боится.

— Крови боится, а в банду пошел, — заметил старший лейтенант.

— Проводник Юрась заставил. Приказал, чтобы Степан вступил к нему в боевку, иначе, сказал, если не вступит, всю нашу родню порешит.

— Если не Степан, кто же тогда стрелял? — спросил Глущенко.

— Не знаю, я там не была. Но он все расскажет! Расскажи, расскажи все как есть, слышишь, — бросилась она к постели.

— Успокойтесь, — остановил ее Глущенко. — Мы поможем вашему племяннику, доставим к врачу. Вам не трудно

говорить? — спросил майор у раненого.

— Не трудно, пан начальник. Все скажу, только не оставляйте меня здесь, помогите добраться до больницы…

Бегун рассказал, что нападение на спиртзавод совершили банды Юрася и Скригуна. Эти две банды прикрывали проводников ОУН Остапа, Ворона, краевую проводницу Мотрю и референта по пропаганде Смелого, направлявшихся на сборище бандеровских главарей, которое должно состояться следующей ночью в селе Васловцы. Когда бандиты проходили лесом мимо Дорошевцев, Мотря приказала разгромить в селе спиртзавод и ликвидировать всех его служащих за то, что они работают на Советы… Бегун также рассказал, что бандиты остановились на дневку в лесном массиве Буераки и завтра вечером выступят в направлении села Васловцы. Проводники с личными охранниками прибудут к месту сборища, а банды Юрася и Скригуна, как резерв охраны, расположатся за селом…

— О нашем свидании и разговоре никому ни слова, — прощаясь, предупредил Глущенко хозяйку. — Доставку Степана в больницу организуем немедленно.

— Никто, пан начальник, от нас и слова не узнает. Вам же большая благодарность за проявленное милосердие к племяннику и за то, что поможете ему выбраться из той багнюки, в которую затащили его националисты.

…Майор Глущенко решил на основе полученных сведений как можно скорее провести операцию по ликвидации банд Юрася, Скригуна и участников ояновского сборища.

Началась напряженная работа.

В Васловцы и ближайшие от них села под соответствующим прикрытием направлялись квалифицированные разведчики, которые должны были наблюдать за передвижением бандитов. Боевые группы чекистов скрытно занимали намеченные пункты. Операция осложнялась тем, что на это сборище ожидалось прибытие проводников из соседних районов. Кто конкретно и какими маршрутами прибудет, Бегун не знал. Группу непосредственного захвата главарей возглавил сам Глущенко.

На следующий вечер события в Васловцах разворачивались по разработанному чекистами плану. Когда бандитские проводники собрались в сарае, стоявшем на подворье местного кулака, участники группы захвата обезвредили наружную охрану, и Глущенко предложил ояновцам сложить оружие. В ответ бандиты открыли огонь, пытаясь вырваться из окружения. В жестокой схватке большинство из них было обезврежено. Живыми захватили только Мотрю, санкционировавшую злодейскую акцию

на спиртзаводе в Дорошевцах, и военного референта краевого провода ОУН по кличке Шанка. Впоследствии Мотря и Шанка предстали перед военным трибуналом и получили по заслугам.

Банды Юрася и Скригуна были блокированы чекистами и вскоре прекратили сопротивление.

Так под руководством Глущенко закончилась первая операция, сыгравшая важную роль в ликвидации оуновского подполья в Заставновском районе…

Михаил Силыч с сотрудниками райотдела провел еще несколько операций по обезвреживанию бандитских групп. Под его руководством был ликвидирован оуновскии проводник по кличке Лев, обезврежена «боивка» Лебедя, разгромлены и уничтожены остатки куреня Лугового. Чекистская деятельность майора Глущенко была положительно оценена руководством. Вскоре его перевели на работу в Управление НКВД по Черновицкой области…

Михаила Силыча редко можно было застать в кабинете. Большинство времени он находился в районах области, возглавляя проведение боевых операций.

Осенью 1945 года чекисты получили сигнал, что в лесном массиве недалеко от Вижницы имеется схрон, который периодически посещают два вооруженных бандита. Была организована засада. Оуновцев взяли живыми. После некоторого запирательства они назвали свои клички — Смерека и Спичка — и сообщили, что являются боевиками проводника Хмары, который с двумя другими охранниками находится неподалеку в своем бункере. Так как укрытие Хмары по размерам небольшое, то Смерека со Спичкой при его появлении в этих местах располагаются здесь, в лесном схроне. Бандиты также рассказали, что в настоящее время Хмара ожидает в своем схроне прибытия проводника бандгруппы Зоряна.

Глущенко решил брать не только Хмару с его боевиками, но и Зоряна. Важно было не упустить время. Оперативная группа чекистов скрытно вышла к опушке леса. На ней возвышался невысокий курган, в котором, со слов Спички и Смереки, и был оборудован схрон. Метрах в пятнадцати от кургана виднелся одинокий ветвистый куст. Чекистам пришлось вести наблюдение издали. Ничто не нарушало тишины. Лишь легкий ветерок шелестел в поредевшей листве да лесные пичужки подавали свои голоса. В конце дня на кургане появилась человеческая фигура и тут же исчезла. Это был наблюдатель. По-видимому, наступило время прибытия Зоряна.

Опасаясь, как бы не упустить его в потемках, Михаил Силыч решил передвинуться к одиночному кусту, откуда удобнее было

наблюдать за схроном. Вскоре у кургана появилось трое.

«Зорян с боевиками», — решил Глущенко. Двое прибывших скрылись за вершиной. Третий с оружием наготове настороженно осмотрелся. Внимание его привлек одинокий куст…

Неужели заметил? Палец Глущенко замер на спусковом крючке. Бандит снова осмотрелся и медленно направился к кусту. «Заметил, — решил майор. — Сейчас выстрелит…» Бандит не стрелял. Михаил Силыч мог бы снять его из своего автомата, но в его планы не входило преждевременно спугнуть обитателей схрона. По тому, как охранник вглядывался в сторону леса, Глущенко понял, что оуновец его не заметил. Не обнаружив ничего подозрительного, тот зашагал обратно к кургану.

«Все… Хорошо, что я не стрелял», — облегченно вздохнул Глущенко и подал своим людям сигнал: окружить бандитское убежище.

В это время на опушке леса появился случайный охотник с собакой. Пес, почуяв незнакомых людей, поднял лай. Теперь уже и охранник заметил чекистов. Открыв огонь из автомата, он побежал в сторону леса. Однако далеко убежать ему не пришлось. Меткая очередь скосила бандита. В это время из схрона выскочил его напарник. Он швырнул гранату в сторону нападающих и тут же был сражен пулей.

Наступила тишина. На кургане больше никто не появлялся.

— Хмара, Зорян, выходите, сопротивление бесполезно, — крикнул Глущенко. В схроне молчали. — Считаю до трех, не сдадитесь, забросаем гранатами. Раз… два… — начал считать майор.

— Не стреляйте, мы сдаемся, — послышалось из-под земли. Выброшенные из отверстия лаза, к ногам чекистов упали два немецких автомата и обрез от винтовки.

— Мало… Пистолеты где? — строго молвил Михаил Силыч.

Извиваясь, словно две змеи, по пожухлой траве покатились ремни с кобурами.

— Выходите по одному, — последовала команда, и из укрытия появились оуновские бандиты с поднятыми руками…

В 1949 году Михаила Силыча Глущенко, теперь уже подполковника, перевели на работу в УМГБ по Львовской области. И здесь ему довелось вести активную борьбу с хитрым и коварным противником.

Погожим октябрьским утром секретарь Нестеровского райкома партии Полторак и председатель райисполкома Довганик выехали на легковой автомашине в сторону села Добросин. Неподалеку от населенного пункта Пилы машину

обстреляли из засады бандиты. В ходе перестрелки Довганик погиб. Оуновцы захватили его портфель с документами, пистолет и скрылись.

На место происшествия прибыла оперативная группа УМГБ во главе с подполковником Глущенко. Следы оуновцев привели к населенному пункту Замочек.

— Где-то здесь затаились бандиты. Дальше по открытой местности они не рискнут бежать. Кто из местных жителей мог бы приютить преступников? — спросил Михаил Силыч.

— Товарищ подполковник, — ответил ему старший лейтенант Петренко, сотрудник Нестеровского райотдела МГБ. — Мы располагаем сведениями, что иногда они находят пристанище у здешней жительницы Евгении Л. Муж ее два года тому назад умер, детей нет. Проживает она вдвоем с братом.

— Что ж, возьмите ястребков и осмотрите подворье этой Евгении, — распорядился Глущенко. — Я к вам подойду. Где ее хата?

— Вон, третья отсюда, — показал Петренко.

Организовав поиск в других подозрительных местах, Глущенко поспешил к дому, где уже проводил осмотр старший лейтенант. Евгения стояла у крыльца и безучастно смотрела на то, как ястребки осматривали коровник. Подполковник поздоровался с хозяйкой.

— Вы знаете, что они ищут? — спросил он.

— Спрашивали про бункер, где прячутся бандиты, а я, товарищ начальник, ей богу, ни сном ни духом ни про каких бандитов не ведаю, — быстро заговорила женщина.

— Нехорошо, Евгения, божиться напрасно. Оуновцы убийство совершили, след их сюда привел, а вы — «ни сном ни духом». Вокруг же люди живут, им все видно, — кивнул подполковник в сторону улицы.

— Ничего я не знаю: кто убивал, кого убивали. Думаете, если одинокая женщина, так на нее можно что угодно наговаривать, — поднесла она край кофты к глазам…

— Коровник осмотрели, — доложил Петренко, выйдя навстречу подполковнику. — Ничего не обнаружено. Сначала подозрение вызвал свинарник: пусто в нем, и настил из досок сухой. Видно, давно свиней здесь не держали. Подумал, что под полом вход в схрон, однако ошибся. В хате, на чердаке проверили — тоже ничего.

— В стодоле?.. — внимательно посмотрел на старшего лейтенанта Глущенко.

— Проверили. Сено там лежалое свалено. Ястребки потыкали щупами — и ничего.

— А как же ваши сведения?

— Сигнал точный. Приходили раньше к ней бандиты, — глянул Петренко в сторону хозяйки.

— Раз вы так уверены, тогда ищите. Посмотрите еще раз в хате. Под печку загляните. Оуновцы часто под печками лаз в схрон устраивают, замаскировав его дровами. Только поаккуратней, не нарвитесь на бандитскую пулю.

— Да мне не впервой, — бросил на ходу Петренко, поспешив с двумя ястребками в хату. Хозяйка проводила их недобрым взглядом и снова приняла безразличный вид.

«Где же бандюги могут прятаться, Полторак говорил, что их было пятеро? — думал Глущенко. — Чтобы пятерым укрыться, необходимо капитальное убежище. Может, на огороде схрон вырыт?.. Вряд ли. Огород хорошо просматривается со стороны». Михаил Силыч перевел взгляд на соседнее хозяйство и увидел мужчину, наблюдавшего из-за угла своего сарая за тем, что делается во дворе соседки…

— Товарищ подполковник, зайдите в хату, — прервал его размышления появившийся на крыльце Петренко. Хозяйка настороженно последовала за Глущенко.

— Посмотрите, что я нашел в печи, — старший лейтенант приоткрыл железную заслонку. Михаил Силыч заглянул в темный зев и удивленно присвистнул.

— Ничего себе, — оглянулся он на остановившуюся у порога Евгению, лицо которой от волнения побледнело. В печи на железном противне лежал большой свежезажаренный окорок.

— Для каких гостей вы приготовили такое угощение? — спросил Глущенко у Евгении.

— Это не для гостей. Для себя зажарила, — ответила хозяйка, стараясь подавить волнение.

— Не много ли на двоих?..

— Мы с братом кабанчика закололи и решили… — не отвечая на вопрос, начала Евгения, но тут же растерянно смолкла, очевидно, вспомнив доклад Петренко подполковнику о пустом заброшенном свинарнике.

— Закололи, значит. Где же остальное мясо, и где вы держали того кабанчика? — Глущенко будто не замечал замешательства хозяйки. — Может, скажете, что выкормили его у соседа или окорок у него одолжили?.. Для бандитов это мясо приготовлено, вот для кого, — уверенно продолжил Михаил Силыч, глядя на Евгению. — Где они прячутся?..

Женщина молчала.

— Бандиты должны быть здесь, — наклоняясь к Петренко, шепнул подполковник. — Ищите вход в схрон или отдушину из

него.

Вскоре Глущенко доложили, что у стены стодолы в земле обнаружили отдушину в виде круглой дыры, притрушенной сеном. С другой стороны этого строения выявили второе такое же отверстие.

— Вход в убежище, очевидно, в стодоле под сеном, — предположил Глущенко и приказал отбросить сено в сторону. Здесь между двух бревен оказалась крышка, прикрывающая лаз.

Приняв все меры предосторожности, бойцы опергруппы жердями приподняли крышку. В это время из схрона кто-то попытался выбросить гранату. Однако бандит поторопился. Крышка люка еще недостаточно открылась, и граната, ударившись об нее, упала обратно в схрон. Сразу раздался взрыв…

Позже из схрона извлекли убитых и раненых бандитов, пострадавших от разрыва собственной гранаты. Среди них был труп главаря банды Кочевого, организовавшего нападение на автомашину, в которой ехали Полторак с Довгаником. В схроне обнаружили портфель с документами Довганика и его пистолет.

…В Радеховском районе объявилась банда Остапа. Чекистам стало известно, что Остап со своими охранниками периодически посещает хутор Крили, где имеется тайное убежище. Хозяин хутора недоброжелательно относится к оуновцам, но скрывает это, опасаясь расправы с их стороны. Глущенко решил лично встретиться и поговорить с Крилем…

Февральской ночью двое осторожно подошли к одинокой усадьбе, расположенной неподалеку от шоссе Львов — Радехов. По небу плыли темные тучи.

— Пришли, товарищ подполковник, — шепнул сотрудник местного райотдела МГБ Потапов.

Стрелки часов показывали полночь. За плетнем едва виднелась хата с темными окнами и надворные постройки.

— Где схрон находится? — спросил Глущенко.

— Погреб для картошки видите, в нем лаз в схрон.

— Не попадем ли мы в ловушку?

— Никак нет. На случай появления бандитов хутор прикрывает оперативный наряд.

— Пошли, — подполковник шагнул в сторону хаты. Потапов, обгоняя его, подошел к окну и постучал в стекло.

В хате молчали. Потапов постучал громче. Через некоторое время в окне показалось лицо.

— Кто? Чего надо?..

— Хозяин, выйди на минуту, разговор есть, — позвал

Потапов.

— Сейчас иду, — послышалось после непродолжительного молчания.

Вскоре в сенях звякнул засов, раскрылась дверь и на пороге появился хозяин в накинутом на плечи полушубке.

— Кто такие, чего надо? — снова спросил, вглядываясь в ночных гостей.

Глущенко представился.

— Извините, товарищ начальник, заходите в хату, — дрогнувшим голосом промолвил хозяин.

Сени разделяли хату на две половины.

— Кто здесь есть? — спросил Глущенко, поведя лучом фонарика на дверь справа.

— Посторонних никого. Жена, дети спят, — ответил хозяин.

— А здесь? — показал Михаил Силыч на противоположную дверь.

— И там никого, — открыл хозяин дверь в комнату слева. Глущенко посветил фонариком и, убедившись, что хозяин говорит правду, переступил порог.

— Заходите, разговор будет, — позвал он его. Потапов, оглядевшись, запер входную дверь на задвижку, шагнул за ними в комнату. Хозяин занавесил окно, зажег лампу.

— Как вас звать-величать? — спросил подполковник.

— Криль моя фамилия. Николай Криль. Так и хутор называется — Крили, — пояснил хозяин.

— Так вот, товарищ Криль, пришли мы к вам в такое неурочное время, чтобы, так сказать, без свидетелей выяснить, кто вам дороже: Советская власть или те бандиты, что по ночам людей убивают?..

— Какие бандиты… — растерялся хозяин от прямо поставленного вопроса. — Никаких бандитов я не знаю.

— Знаете, знаете, Криль. Лучше будет, если сами расскажете, когда последний раз был у вас Остап с его головорезами.

— Товарищ начальник, никакого Остапа я в глаза не видел. Если не верите, могу…

— Не нужно, не клянитесь, — остановил его Глущенко. — Мы сейчас вместе с вами спустимся в схрон и вытащим наружу все, что там оставили бандеровцы. Как тогда вы посмотрите нам в глаза?..

Глущенко говорил уверенно потому, что знал о бандитских документах и оружие, спрятанном в схроне на хуторе.

— О чем вы?.. — неуверенно промолвил Криль.

— О том бандитском укрытии, лаз в которое оборудован в погребе для картошки.

— А-а… Так бы сразу сказали, — обреченно протянул хозяин и рассказал, что на его хуторе действительно некоторое время укрывался Остап со своими охранниками. Однако неделю назад они ушли.

— Надоело мне, товарищ начальник, быть как между молотом и наковальней, — говорил Криль. — По ночам бандиты приходят, берут что вздумается. Еще угрожают: если пикнешь, мол, кому-нибудь — повесим… Как жить, скажите. У меня же детишки малые, жена? — сокрушенно смотрел он на подполковника.

— Кончать нужно с оуновцами, тогда люди спокойно заживут, — твердо ответил Глушенко. — И вы должны в этом нам помочь.

— Легко сказать кончать… — Криль замолчал, но после некоторого раздумья все же продолжил. — Был у меня Остап позавчера ночью. С ним еще трое. Постучали. Открыл я, а на крыльце они с мешками. Остап говорит: «Запрягай, Николай, лошадей в сани, отвезешь нас». — «Куда?»— спрашиваю. — «Там увидишь», — отвечает. Запряг я лошадок, положил в сани те мешки с харчами и поехали. Привез я их за Дмитриевский лес на болота. Бандиты забрали поклажу и ушли. Остап приказал мне ехать домой и чтобы никому ни слова. Думаю, товарищ начальник, что схрон ихний где-то там. На болотах или в лесу.

— Вы могли бы показать то место, куда привезли бандитов?

— Могу, отчего же. Место приметное, — согласился хозяин.

…Подполковник решил не мешкая организовать поиск бандитского укрытия. Оперативная группа с добровольным проводником выехала на место. Слева по пути раскинулся Дмитриевский лес, справа болота, поросшие редким кустарником. От опушки леса вдаль уходил широкий канал, вырытый мелиораторами. Местами глубина его достигала более двух метров. Недалеко от канала Криль остановился.

— Здесь, товарищ начальник. Сюда я их привозил, — заявил он.

Начался поиск бандитского убежища. Глущенко с Потаповым, осмотрев значительный участок леса, вышли на опушку, к болоту. Здесь их внимание привлек песчаный холм на берегу канала.

— Пошли поближе посмотрим, — предложил подполковник.

У подножья холма они обнаружили люк схрона.

— Что будем делать? Одни мы бандитов не удержим, а люди наши в лесу разбрелись… Сделаем так. Я возьму на прицел выход из укрытия, и если бандиты полезут, постараюсь их задержать. А вы тем временем направляйтесь в лес за подкреплением.

— Есть, товарищ подполковник.

Глущенко, оставшись один, занял удобную позицию неподалеку от люка и приготовил автомат. Он ощутил запах жареного сала с луком, очевидно, где-то рядом была отдушина.

Вскоре показалась группа бойцов, проводившая поиск. Заметив сигналы, которые подавал подполковник, они заторопились к нему и блокировали схрон.

Бандиты, видимо услышав шум, отбросили крышку люка и выпустили несколько очередей из автоматов. Меткий огонь чекистов не позволил им высунуться из схрона, и те начали выбрасывать гранаты. Огонь из схрона не был прицельным и вреда нападающим не причинил.

Глущенко громко приказал бандитам сдаваться, но те молчали. Вдруг из схрона донеслась длинная автоматная очередь, послышались неясные крики и все смолкло. Ястребки, опережая подполковника, с оружием наготове подступили к люку. В это время со стороны канала послышалась подозрительная возня, и в его обрывистом берегу образовалось отверстие, из которого вылез измазанный глиной бандит. Пригибаясь, он побежал по тонкому льду канала. Чекисты заметили беглеца.

— Стой, стой!.. — закричали они, и над головой бандита прошла автоматная очередь.

— Не стрелять!.. Брать живым, это Остап, — крикнул Глущенко. Несколько бойцов бросились в погоню. В это же мгновение тонкий лед треснул, и бандит, испустив отчаянный крик, провалился в воду.

Пока ястребки нашли жерди, пока разбили лед и разыскали тело, бандит был уже мертв.

Как установили позже, в схроне имелись два выхода: главный — у подножья холма, и запасной — в обрывистом берегу канала, к которому вел подземный лаз. Главарь банды, убедившись в безвыходности положения, застрелил своих сообщников и пытался незаметно уйти от чекистов, но тщетно.

Был и такой эпизод в биографии отважного чекиста.

В селе Бартков бандиты замучили семью Шмалевского. Начальник управления приказал Глущенко выехать с оперативной группой на место происшествия и найти преступников.

Село Бартков раскинулось по обе стороны асфальтированного шоссе. Его окружали поля, неподалеку протекала речка, с восточной стороны подступал лес.

Хата Шмалевских находилась на краю села, недалеко от речки.

Опергруппу, прибывшую на место преступления, встретила настороженная толпа местных жителей. Во дворе перед домом

валялся пес с рассеченной топором головой. Глущенко прошел в хату. Картина жестокой расправы открылась перед ним. В лужах крови лежали зверски зарубленные топором хозяин, его жена, дочь и малолетний сын.

Михаил Силыч выяснил, что несколько дней назад в сельсовете проводилось собрание бедноты, на котором Шмалевский выступил с призывом раз и навсегда покончить с оуновцами. Там же обсуждался вопрос о создании колхоза в Барткове. Подполковник решил поговорить со сторожем магазина сельпо, который и в ту ночь был на своем посту. Выбрав момент, когда тот в одиночестве курил на скамейке, Глущенко подсел к нему с папиросой в руке.

— Разрешите, дедушка, прикурить?

— Прошу, — протянул старик Михаилу Силычу свою цигарку, предварительно сдув с нее пепел.

— Почему не отдыхаете, вам же ночью дежурить?

— Сколько мне старому нужно. Подремал маленько — и как штык, — притопнул он ногой. — А вы все ищете тех, кто Шмалевских порубил.

— Точно, ищу. Только никак не пойму, за что они их так?…

— За что… — посмотрел старик на Глущенко. — Не следовало ему затрагивать бандитов на том собрании. Он же прямо сказал: «До каких пор мы будем терпеть захребетников. Хлеба дай, мясо дай, деньги на бофоны тоже-тянут. А кому нужен этот их боевой фонд. Пора кончать с оуновскими душегубами», — вот они и кончили его.

— Откуда вам известно про его слова?

— Как же мне не знать, если я собственными ушами слышал. Присутствовал на том собрании.

— Из посторонних там никого не было? — поинтересовался Глущенко.

— Какие посторонние. Одни бедняки свои нужды перебирали.

— Кто же донес оуновцам о выступлении Шмалевского? Может, кто подделался под своего.

— Подделался, говорите… — задумался старик. — Подождите, подождите… разве что Липовец. Вон, к слову, он стоит возле подводы у склада.

Подполковник как бы невзначай бросил взгляд на пожилого селянина.

— Я его хорошо знаю, по соседству живем, — тихо рассказывал сторож. — Хозяйство его не такое уж бедное. При фашистах все тянулся за националистами. А сейчас к колхозу примазывается. Только утверждать, что это он донес бандитам, не буду. Не хочу брать грех на душу.

«Нужно поинтересоваться этим Липовцом», — решил Глущенко и поблагодарил сторожа за беседу.

— Не за что, это вам спасибо. Начальник, а не побрезговали со стариком душевно поговорить.

К концу дня Михаил Силыч направился в сельсовет, где должны были собраться все участники опергруппы. По дороге ему вновь повстречался Липовец. «Следит он за мной, что ли», — подумал, направляясь к крыльцу.

В кабинете председателя старший группы охраны общественного порядка вместе с секретарем сельсовета составляли график дежурства ястребков. Через открытое окно подполковник увидел Липовца. Тот стоял у крыльца и делал вид, что рассматривает вывешенную на стенде газету.

— Товарищ подполковник, вы где ночуете? — громко спросил старший группы охраны.

Глущенко заметил, как Липовец шагнул ближе к окну, прислушиваясь к разговору.

— Заночуем у Заблоцкого в стодоле. Там у него сено свежее, — так же громко ответил Михаил Силыч, продолжая следить за поведением Липовца.

— Вы же там всей группой не поместитесь, тесно будет, — усомнился секретарь сельсовета.

— Ничего, со мной останется пару человек, остальные уезжают в райцентр, — продолжил Глущенко.

Присутствующий при разговоре майор Щербаков удивленно взглянул на своего шефа, но подполковник незаметно моргнул ему. Михаил Силыч видел, как Липовец, дослушав их разговор, заторопился прочь.

«Заглотнул живца. Иди, иди», — улыбнулся Глущенко, глядя вслед коренастой фигуре в серой куртке из грубого сукна. Тут же он отозвал в сторону майора Щербакова и рассказал ему о возникших подозрениях.

— Смотри, гад какой, — тихо произнес Павел Иванович и, выйдя из кабинета, распорядился большей части участников опергруппы готовиться к возвращению в райцентр. Вскоре автомашина с чекистами выехала из села…

Наступил вечер. На площади перед зданием сельсовета собирались вооруженные ястребки. Глущенко с крыльца наблюдал, как молодые ребята готовились в наряд, проверяли оружие, весело переговаривались. Но все же в их поведении чувствовалась напряженность, вызванная необычностью обстановки.

Михаил Силыч закурил, обдумывая детали предстоящей операции. В это время мимо крыльца прошел сельповский сторож

и знаком позвал подполковника за собой. За углом дома под ветвистым кустом сирени старик остановился, нетерпеливо переступая на одном месте.

— Пан начальник, — взволнованно заговорил он, когда Глущенко подошел поближе. — Не ходите ночевать к Заблоцкому. Туда придут бандиты.

— Какие бандиты, откуда вы знаете? — насторожился Михаил Силыч.

— Нате, читайте сами, — протянул сторож сложенный вчетверо клочок грубой бумаги с корявой записью:

«Главный эмгебист ходит по селу и все выспрашивает про Шмалевских. Ночевать будет в стодоле Заблоцкого. С ним осталось еще два эмгебиста, остальные уехали на автомашине в райцентр. Очкур», — прочел Глущенко при свете, падающем из освещенного окна.

— Как это к вам попало?

— Я говорил вам, что моя хата стоит рядом с хатой Липовца, — пояснил сторож. — Уже начало смеркаться, когда вижу — бежит домой Липовец. Так спешит, аж запыхался. Прибежал в хату, лампу зажег, сел за стол и что-то пишет. Мне со двора все видно. Написал он, сложил свою писанину, лампу задул и на улицу. Я за ним. А он побежал на кладбище, оно тут неподалеку. У могилы своей жены, покойницы, Липовец сунул записку под камень и назад. Я подождал, пока он уйдет, забрал записку и скорей сюда, к вам, ее показать. Это же он, гад, бандитам знак подает.

— Очень хорошо, что принесли. Теперь нужно ее побыстрее положить на то место, где вы ее взяли. И так, чтобы никто не заметил.

— Все сделаю, товарищ подполковник, не сомневайтесь. Но и вы остерегайтесь.

— Спасибо, дедушка. Большое вам спасибо. Очень важно, чтобы эта записка таки попала к бандитам…

Жители Барткова уже готовились ко сну, когда подполковник Глущенко и два его сотрудника не таясь прошли к Заблоцкому. Там еще не спали. Михаил Силыч покурил с хозяином во дворе, заказал хозяйке на утро парного молока и направился к стодоле.

Хозяин постоял еще несколько минут, послушал, как гости укладываются на сене, и отправился к себе в хату…

Глубокой ночью со стороны речки к усадьбе Заблоцкого подкралось шесть зловещих теней. Один бандит, с ручным пулеметом, молча устроился неподалеку от калитки, взяв под прицел постройки двора и подходы с улицы. Другой, с автоматом, обеспечил прикрытие со стороны огорода. Четверо остальных

направились к стодоле: прислушались и, не услышав ничего подозрительного, распахнули ворота. Луч фонарика выхватил из темноты три фигуры, укрытые шинелями. И тут же длинными очередями ударили бандитские автоматы.

— Готовы. Даже не пикнули. Кончай стрелять, уходим, — промолвил тот, что светил фонариком.

В это мгновение яркий свет выпущенной ракеты осветил все вокруг, и громкий голос подполковника Глущенко скомандовал: «Бросай оружие, руки вверх. Вы окружены!»

Бандиты от неожиданности замерли. Первым пришел в себя главарь банды. Стреляя на ходу, он рванулся в проход между сараем и стодолой, но его остановил Щербаков. Ловким приемом майор сбил с ног и обезоружил бандита.

Остальные бандиты сами побросали свое оружие и остались стоять с поднятыми руками. При ярком свете фар подъехавшей автомашины хорошо были видны их заросшие многодневной щетиной, перепуганные лица.

А западню эту для них устроил подполковник Глущенко. Заподозрив Липовца в связях с бандитами, он разыграл спектакль с ночевкой и отправкой опергруппы во главе с майором Щербаковым в райцентр. На самом же деле на месте ночевки Михаила Силыча из сена были сделаны куклы. Чекисты накрыли их своими шинелями, а сами, выбравшись из стодолы через лаз в задней стене, присоединились к опергруппе, которая незаметно вернулась в село и окружила подворье Заблоцкого.

В результате этой операции была ликвидирована банда Крука, совершившая ряд кровавых преступлений, в том числе расправу над семьей Шмалевских.

Можно было бы привести еще много примеров боевой деятельности подполковника Глущенко, которые свидетельствуют о незаурядном чекистском мастерстве, преданности делу Коммунистической партии и Советской власти. Михаил Силыч награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени и многими медалями. Его оперативная работа отмечена также Почетным знаком «Заслуженный чекист».

Непримиримый к врагам, Михаил Силыч был человеком чутким, гуманным. Он никогда не ставил перед собой самоцелью арест преступника. Там, где этого можно было избежать, он старался обойтись мерами профилактики. Кроме того, он был натурой глубоко лирической, любил природу, живопись. Правда, в суровое время ему было не до рисования. Лишь уйдя на заслуженный отдых, чекист Глущенко смог заняться любимым делом. Его картины, воспевающие красоту родной земли, бережно

хранят родные и близкие Михаилу Силычу люди.

Карпий Владимир
ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОГО ДОЛГА

Приезжая в Москву, он, как правило, посещает Музей Великой Отечественной войны.

Подолгу останавливается возле Знамени Победы, водруженного над рейхстагом мужественными воинами — сержантом М. Егоровым и младшим сержантом Н. Кантарией. Двадцать дней развевалось оно тогда над разгромленным фашистским логовом, а затем, как самая драгоценная реликвия, было отправлено в Москву. Сейчас находится в музее. И вспоминаются старому солдату при взгляде на этот символ нашей Победы грозовые дни и ночи, нелегкие дороги войны.

Вот и недавно майор КГБ в отставке Александр Васильевич Лешин — работник Львовского производственного объединения «Микроприбор», приехав в Москву, снова побывал в Музее Великой Отечественной войны. Стоял в раздумье возле Знамени Победы, а в памяти, словно кадры кинохроники, возникали

эпизоды далеких боевых чекистских будней.

Как и все военные документы, этот приказ Военного совета Сталинградского фронта был строг и лаконичен. Получили его солдаты перед самым боем. И начинался он долгожданными словами: «В наступление, товарищи!»

В приказе, который взволнованно слушал Александр Лешин вместе со своими боевыми друзьями, говорилось:

«Великая честь выпала сегодня нам — идти в сокрушительный бой на проклятого врага. Какой радостной будет для нашего народа каждая весть о нашем наступлении, о нашем продвижении вперед, об освобождении нашей родной земли! Мы сумели отстоять волжскую твердыню — Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги.

Приказываю: войскам Сталинградского фронта перейти в решительное наступление на заклятого врага — немецко-фашистских оккупантов, разгромить их и с честью выполнить свой долг перед Родиной».

Это было в ночь на 20 ноября 1942 года. В строю стояли те, кто мужественно вынес на своих плечах все тяготы обороны волжской твердыни, те, для кого нерушимой заповедью стали слова: «За Волгой — земли нет!» Теперь они без передышки должны снова идти в бой. И они были готовы к этому, хотя стольких товарищей уже потеряли.

Сюда, под Сталинград, лейтенант Лешин прибыл после окончания Ашхабадского военно-пехотного училища, прибыл как раз накануне решающего наступления. А началось оно массированной артподготовкой. Потом в бой вступили танки, пехота. Пока застигнутые врасплох гитлеровцы пришли в себя, наши войска уже прорвали переднюю линию их обороны, но враг все же нашел в себе силы ответить контрударом.

На роту, в которой лейтенант Лешин был заместителем командира, обрушились гитлеровские танки. Если бы они прорвались, то зашли бы в тыл рвущимся вперед войскам. Это прекрасно понимал каждый боец.

Они стояли до конца. Лишь потом Александр осознал, что чудом уцелел в том бою. А вышел он из него уже совсем другим. Не только возмужавшим, но и понявшим цену жизни, смерти, испытавшим силу любви и ненависти, воочию убедившимся в том, что значит для советского человека чувство патриотизма, долга, верности великим идеалам.

Вскоре со Сталинградского фронта молодого воина переводят на Южный. Александр Лешин становится командиром роты особого назначения 5-й ударной армии под командованием генерала Цветаева. Он принимает участие в боях за Ростов, за

Донбасс. Особенно памятным в этот период для лейтенанта Лешина стало сражение за высоту Пик, где фашисты сосредоточили внушительные силы, существенно затрудняющие развитие наступления наших войск. На проведение операции генерал Цветаев давал три дня. Однако на партийно-комсомольском собрании роты, в которой, кстати сказать, было 235 бойцов, решили покорить Пик на день раньше. Тот, кто воевал, поймет, сколько жизней должен был спасти этот день, вырванный у ожесточенно обороняющегося врага.

Ночная разведка донесла, что фашисты разместили на высоте несколько десятков артиллерийских и минометных орудий, а у ее подножья соорудили заградительные оцепления из колючей проволоки, вырыли глубокий ров. Одним словом, не собирались фашисты просто так уступать этот жизненно важный для них на данном участке оборонительный рубеж…

На что же надеялся он, молодой командир роты особого назначения, планируя вместе со своими боевыми товарищами на сутки раньше овладеть высотой?

В первую очередь, на мужество воинов, которые были под его командой. Но не только на это. Еще на силу нашего оружия, смекалку ребят, их желание во что бы то ни стало добиться успеха. К тому же, ему не давала покоя мысль о том, как избежать слишком больших потерь. Лейтенант Лешин понимал: необходимо прибегнуть к военной хитрости. Оставив с той стороны, откуда враг предвидел удар, один взвод, он приказал остальным бойцам под покровом ночи пробраться к высоте с тыла.

Командир роты был с теми бойцами, которые, предприняв отвлекающий маневр, первыми бросились на врага. Поверив, что именно отсюда наносится главный удар, гитлеровцы сосредоточили на этом направлении чуть ли не все свои силы. Но наши бойцы, несмотря на шквальный огонь, метр за метром все же продвигались вперед. Обороняющиеся держались из последних сил. И в самый критический момент боя, когда казалось, что атака вот-вот захлебнется, основные силы роты Лешина нанесли удар по фашистам с тыла. Враг дрогнул и обратился в бегство.

В этом бою Александр Васильевич был ранен. И все же он до конца оставался среди сражающихся бойцов, руководил их действиями. Уже потом, в госпитале, врач скажет ему: «Ну, брат, ты и силен. По крайней мере, не меньше двух часов находишься на ногах с раздробленной ступней, и еще вести бой… Молодец!.. Ничего, мы тебя быстренько отремонтируем, еще не только повоюешь, но и танцевать будешь…»

Сентябрь сорок третьего. Снова фронт. Лешин снова

командир роты особого назначения. И снова — ранение. Под Васильевкой Запорожской области напоролся на мину… Искалечены ноги, изуродовано лицо…

После госпиталя офицера Александра Лешина послали в Москву на курсы. В январе сорок четвертого — он в Киеве, готовит бойцов 1-му Украинскому фронту. Здесь находит его и первая боевая награда — орден Отечественной войны II степени — за взятие высоты Пик…

Но недоволен офицер: его место в действующей армии, на фронте — твердо убежден Лешин и шлет командованию рапорт за рапортом. В конце концов его просьбу удовлетворяют.

И снова он командир роты особого назначения. В составе тогдашнего 522-го полка 107-й дивизии 1-го Украинского фронта Лешин принимает участие во Львовско-Сандомирской операции, освобождении от гитлеровских захватчиков порабощенного польского народа. День Победы он встречает в Дрездене.

Однако Александр Васильевич решает не оставлять воинской службы. Командование пошло ему навстречу и направило Лешина в органы государственной безопасности.

Сначала был контрольно-пропускной пункт «Брест». А потом, учтя его знания туркменского и персидского языков, начальство перевело Лешина в Ашхабад.

Да, сын куйбышевского рабочего-большевика, он знал эти языки. Василий Никанорович Лешин по зову партии и сердца в 1926 году приехал в Ашхабад помогать молодой республике преодолеть вековую отсталость.

Саша Лешин рос мальчиком пытливым, как и отец — трудолюбивым. Его интересовало буквально все. Не мудрено, что, кроме туркменского, успешно осилил и персидский язык — заинтересовала парня культура древнего народа, решил философские фолианты древних персов проштудировать в оригинале. Кончил техникум, собирался в институт, однако помешала война. Семнадцатилетний юноша послал письмо К. Е. Ворошилову с просьбой взять его на фронт. В конце концов Александра зачисляют курсантом Ашхабадского военно-пехотного училища…

И вот он снова в Ашхабаде. Ходит живописными улицами, радуется щедрому южному солнцу, интересному назначению. Грустит, что нету родителей: навсегда отошли они. Василий Никанорович умер в сороковом. Мать, Татьяна Петровна, — в декабре сорок второго.

Итак, Туркменистан. Только что он был в управлении, встречался со старыми, опытными чекистами, с уважением

слушал их напутственные слова.

— Ответственность берете на себя очень большую, — говорил ему Яков Артемович Федоренко, человек, который работал в ВЧК еще тогда, когда возглавлял ее Ф. Э. Дзержинский. — Помните, что слово «чекист» воплощает в себе первозданную чистоту, которую вложили в нее Владимир Ильич Ленин и Феликс Эдмундович Дзержинский. Не запятнайте его. Будьте верны нашим традициям, ленинским идеалам, нашему государству и народу. Ибо вы призваны быть их защитниками…

— Мы разбили коварного и сильного врага. Для советских людей наступили мирные дни. Но только не для нас, чекистов, — предупреждал Костин Александр Дмитриевич…

— Да, в нашей работе много опасностей, приходится не раз выходить на вооруженного врага, — присоединился к беседе еще один опытный чекист Флоред Давидович Цебескверадзе. — Но вместе с холодным умом, железной волей, непоколебимой стойкостью мы обязаны еще обладать чутким, добрым, отзывчивым сердцем. Мы всегда должны быть готовы помочь человеку. И никогда нельзя забывать, что цена даже малейшей нашей ошибки слишком высока…

Такой вот получился у них разговор. Искренний, доброжелательный, поучительный. А. В. Лешин был рад ему. Сердцем понял, что люди, с которыми ему предстоит работать, — настоящие коммунисты. Они никогда не подведут, в трудную минуту поддержат, помогут. Вот с кого он должен лепить свой характер, брать пример. Но не копировать их жизнь, а строить свою…

И вот первое задание. Лешину поручают разоблачить коварного и опытного врага, занимающегося среди ашхабадцев подрывной пропагандой, сеющего сомнения, упаднические настроения, пытающегося отравить молодые души. Действовал он под кличкой Старик осторожно, так, что у чекистов не было почти никаких улик против него. Нужны были веские доказательства, чтобы добыть их, не спугнув врага. Лешин решил проникнуть в его окружение. Руководство одобрило эту идею.

Александр Васильевич так тонко повел «игру», что не только вышел на Старика, не вызвав при этом у него никаких подозрений, но и сумел завоевать его доверие, попасть в число особо приближенных.

Наконец Лешин выяснил, где, когда и с кем проводит «занятия» Старик, сея зерна ненависти к Советской власти. Вот только никак не удавалось установить, где прячет он идеологически вредную литературу, которой широко пользуется во время своих «лекций». Дело в том, что Старик был очень

осторожен.

Ни разу никому из своих слушателей не разрешил он даже подержать в руках эту вражескую стряпню. И тогда чекисты решили провести обыск в доме Старика, который жил, а это тоже установил Лешин, на окраине Ашхабада.

Получив санкцию прокурора, они в присутствии понятых тщательно осмотрели подворье, жилище Старика, но ничего подозрительного так и не обнаружили. Неужели так и придется уходить с пустыми руками?

Уже когда они направились к калитке, Лешин вдруг вспомнил: в саду есть умывальник, но воды в нем почему-то нет. Да и вообще ему никогда раньше не приходилось видеть, чтобы кто-то мыл там руки. Может быть, тайник под ним?

Так оно и оказалось. Благодаря смекалке, наблюдательности Александра Васильевича был изобличен коварный и опасный враг.

Вспомните начало пятидесятых годов. Американский и английский империализм развивал против Советского государства «холодную войну». Сколько агентов капиталистических разведок, диверсантов со всех сторон устремились тогда в нашу страну. Но бдительно стояли, как и стоят, на страже наших священных рубежей советские пограничники.

Был тогда среди них и А. В. Лешин.

— С 1958 года я служил офицером на советско-афгано-иранской границе, — рассказывает Александр Васильевич. — В то время на этом стыке границ была для пограничников самая горячая точка. Ведь в Афганистане и в Иране при власти стояли силы, которые не противились использованию территории их страны для антисоветских провокаций. Вот и засылало Центральное разведывательное управление отсюда своих лазутчиков.

Из Центра передали: есть вероятность, что будет предпринята попытка перехода границы бывшим вражеским агентом, который только что вышел из мест заключения, где отбывал наказание за враждебную деятельность.

Конечно же, в первую очередь необходимо было усилить бдительность, а также перекрыть возможные пути подхода к границе. Лешин решил установить наблюдение за мостом через Каракумский канал, «встретить» здесь подозреваемого и, «проводив» его до границы, задержать при первой же попытке ее нарушения.

Через несколько дней поступило новое сообщение:

подозреваемый «вынырнул» в Чарджоу — областном центре, уже невдалеке от государственной границы.

Лешин убедился в правильности своего расчета. Все шло так, как он и предвидел: нарушитель двигается по направлению к мосту.

Прошел один день, второй… А подозреваемый как в воду канул… За подсчетами Лешина, он уже должен был выйти к мосту.

Ждали еще два дня. Безрезультатно.

Может быть, он уже преодолел канал в другом месте? Но Александр Васильевич тут же отбросил это предположение. Ведь ширина канала — почти полторы сотни метров, плюс быстрое течение. Только первоклассный, хорошо тренированный пловец мог решиться на то, чтобы самостоятельно добраться к противоположному берегу. Согласно же характеристике, полученной на предполагаемого нарушителя, явствовало, что в физическом отношении это человек средних возможностей.

Что же делать? Кое-кто из офицеров уже не прочь был снять усиленные наряды и на канале, и на границе. Но офицер А. В. Лешин категорически возражал против этого. Наоборот. Не ослабляя наблюдения за мостом, он еще больше усилил наряды в местах вероятного появления лазутчика. Одним из таких нарядов нарушитель и был взят. Но как же ему удалось незамеченным пройти мост?

— А он и не проходил там, — улыбается Александр Васильевич.

— Как же так? — удивляюсь. — Сами же говорили, что нужно обязательно было перейти мост, чтобы продолжить путь к границе. Разве он не перешел на тот берег канала?

— Не перешел, а переплыл, — поправляет А. В. Лешин. — Преступник оказался далеко не таким хлипким, как информировали нас из Центра. В Чарджоу он понял, что за ним следят. Поэтому решил добираться до границы пешком, окольными путями. Двести двадцать километров прошел по пустыне, причем шел только ночью. Через Каракумский канал перебрался вплавь. Когда его задержали, при нем были обнаружены данные стратегического значения, собранные во время поездок по стране, предпринятых уже после освобождения из заключения. Они предназначались для передачи в ЦРУ. Таким образом, уже однажды провалившийся агент надеялся вернуть себе расположение хозяев. Но замыслам предателя не суждено было осуществиться. Впрочем, как и замыслам многих других врагов социалистической Отчизны, обезвреженных чекистами и пограничниками.

В 1964 году Александр Васильевич снова в Бресте, в городе, где начиналась его чекистская деятельность. Он получил назначение на должность офицера контрольно-пропускного пункта «Брест».

Люди старшего поколения, наверное, еще помнят, как в то время здесь был задержан изменник Родины Петровский. Об этом много писали центральные газеты. Но тогда журналисты не назвали фамилий тех чекистов, которые приняли активное участие в разоблачении оборотня. Что же, наверное, так было надо. Сегодня хочу назвать одного из них — майора КГБ А. В. Лешина.

— Он отказался от своей Отчизны, предал ее, — рассказывает Александр Васильевич. — Выехал на постоянное жительство в Федеративную Республику Германию. В Мюнхене был завербован западногерманской разведкой. И вот после двух лет пребывания за рубежом предатель вдруг начал «беспокоиться» судьбой родного брата, который проживал в Латвии. Наше гуманное правительство выдало ему частную визу, и он прибыл в СССР. Но, как выяснилось, больше всего интересовали его объекты военного значения. Он также пытался завербовать своего брата, который, к чести, отказался. Вы бы видели, как жалок и перепуган был этот отщепенец, когда мы его арестовали…

С июля 1969 года Александр Васильевич работает на Львовщине. И здесь он бдительно нес службу, выполняя ответственные задания, участвуя в сложных и опасных операциях.

Несколько лет тому он вышел в отставку. Живет во Львове. Как и город, где он родился, — Куйбышев, как и Ашхабад, где прошла его юность, так и Львов стал для него родным. Ибо здесь живут его друзья, соратники, здесь он служил, честно выполняя свой долг, охраняя его, как и всю страну, от врагов.

Майор в отставке… Нет, не в отставке Александр Васильевич Лешин. Сполна отдает он обществу, людям свои знания, приобретенные в Минском госуниверситете, Высшей партийной школе при ЦК Компартии Белоруссии. Ведет активную общественную работу, являясь членом совета ветеранов КГБ по Львовской области. Часто встречается с молодежью, и не только родного производственного объединения «Микроприбор», а и многих других предприятий. Внимательно слушают ветерана юноши и девушки. Поучительна его жизнь, с которой можно брать надлежащий пример. Пример верности долгу, присяге, Родине, любви к людям.

Приезжая в Москву, он всегда посещает Музей Великой Отечественной войны. Подолгу останавливается возле Знамени

Победы. Вспоминает солдат суровые дни и ночи, жизнь свою вспоминает, друзей… И проплывают в памяти события, годы. Как бурная река проплывают. Волна за волной, волна за волной… Не сосчитать, не запомнить всех, в один мйг не осмыслить. Но все они живут в сердце ветерана…

Посетив столицу, обязательно побывайте в Музее Великой Отечественной. Может быть, вам и удастся случайно встретить там этого человека высокого долга.

Антоненко Борис
В ПОЕДИНКАХ С ПРОТИВНИКОМ

Более двадцати лет знаю я заслуженного юриста республики подполковника Андрея Рапоту. Знаю его как скромного человека, опытного чекиста, который расследовал ряд сложных дел по разоблачению происков вражеской агентуры, изменников Родины.

…Как-то в одно погожее летнее утро я заметил возле газетного киоска группу людей, которые что-то оживленно обсуждали. Оказывается, они только что прочитали сообщение органов государственной безопасности о постыдной миссии подданного Великобритании Андрея Климчука и обменивались мнениями по этому поводу.

— Вы только подумайте, что позволяют себе националисты, — сказала молодая женщина.

— Мало им пролитой крови, — возмущенно промолвил мужчина с орденскими планками на груди.

Услышал я и такое:

— Что ни говорите, а молодцы наши чекисты!

Мне как прокурору уже были известны обстоятельства задержания Андрея Климчука. Вскоре я встретился с ним.

— Ваши претензии к следственным органам? — было моим первым вопросом.

— Что вы, никаких претензий!

Передо мной сидел молодой человек, получивший перед выездом из Англии в СССР задание оуновских зарубежных центров передать по указанным адресам антисоветские материалы и деньги. На вид ему было года двадцать два, не больше. Прыщеватое, удлиненное лицо, чуть раскосые глаза. Он затравленно осматривался вокруг: очевидно, ему долго вдалбливали там, за границей, что в советских следственных органах работают не люди, а звери. И теперь, втянув голову в плечи, он ожидал чего-то страшного.

Внешне Андрей Климчук никак не был похож на «сильную личность» в духе западных боевиков. На первый взгляд могло показаться, что это скромный, неопытный молодой человек. В действительности же он очень хорошо понимал, на что идет.

Вместе со следователем Рапотой мы начали первый допрос. Когда он был закончен, я невольно усмехнулся. Мой коллега удивленно спросил меня:

— Почему вы улыбаетесь, товарищ прокурор?

— Знаете, о чем я сейчас подумал? Неужели там не нашлось никого другого, кроме этого, не имеющего и малейшего понятия об Украине, паренька, кому можно было бы поручить такую ответственную миссию, как «освобождение» украинского народа?

Андрей Рапота засмеялся, а сидевший напротив Климчук, услышав перевод этих слов, покраснел. Возможно, он впервые почувствовал, в каком жалком и глупом положении оказался.

Андрей Климчук родился в графстве Гемпшир на юге Англии в семье Михаила Климчука — украинца по национальности. Его мать англичанка. Судьба мальчика была заранее определена. Он должен стать инженером, решили родные. В детстве отец часто рассказывал Андрею о далекой и незабвенной Украине.

Мальчик сначала не понимал, почему же тогда отец выехал оттуда? А тот, в свою очередь, считал, что сыну рано знать о всех зигзагах его, скажем откровенно, неблаговидной жизни.

Михаил Климчук рос в зажиточной семье и сызмальства воспитывался в националистическом духе. Когда ему было уже около тридцати, пошел добровольцем в дивизию СС «Галичина», которая была сформирована гитлеровцами при помощи националистических заправил и с благословения главы униатской церкви Андрея Шептицкого на оккупированной

территории западных областей Украины. Михаил Климчук верой и правдой служил захватчикам.

Ознакомившись с родословной Андрея Климчука, в частности, установив, что его отец служил в дивизии СС «Галичина», я вспомнил некоторые факты из истории этого янычарского военного формирования. Добровольцами в него шли только сынки кулаков и униатского духовенства, оуновские головорезы и уголовные преступники.

Летом 1944 года юго-западнее Брод войска 1-го Украинского фронта окружили и разгромили восемь фашистских дивизий, в том числе дивизию СС «Галичина». Ее жалкие остатки были оттянуты гитлеровцами дальше на запад, где использовались в карательных акциях против партизан. В мае 1945 года в Альпах несколько подразделений галицких эсэсовцев разоружили англичане.

Оставшись после окончания войны за границей, Михаил Климчук несколько раз менял свое местожительство. Конечно же, оуновские зарубежные центры не выпускали его из поля зрения. Наконец, женившись на англичанке, он стал подданным Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Когда Андрею исполнилось семь лет, родители разошлись. Отец поехал в Лондон и начал работать контролером на железной дороге, а мать второй раз вышла замуж. Вскоре у Андрея появился младший брат Стивен и сестра Диана. Андрей успешно закончил школу и, сдав экзамены, поступил в высшее учебное техническое заведение. Через год он оставил его, намереваясь продолжить учебу в педагогическом колледже на севере Англии. Под влиянием отца Андрей сблизился с ровесниками, родители которых были выходцами с Украины. Им тоже изо дня в день прививали зоологическую ненависть ко всему советскому, к социализму. И вот Андрей Климчук стал членом СУМа (так называемого Союза украинской молодежи).

— Почему бы тебе, Андрей, во время летних каникул не побывать в одном из спортивных лагерей украинской молодежи? — однажды предложил ему отец. — Познакомишься с украинцами…

— Какие же они, папа, украинцы, если родились в Англии и знают лишь отдельные украинские слова…

— Не говори так, сынок. Ты еще многого не понимаешь. Вот поэтому и советую тебе поехать в один из молодежных лагерей. Побудь там, присмотрись…

В «спортивных» лагерях, где проводили каникулы сынки оуновцев и бывших гитлеровских колаборационистов, Андрею вскоре тоже начало казаться, что украинский народ «порабощен»,

что не существует никакой настоящей украинской культуры, поскольку ее насильно русифицируют и т. д.

Рано или поздно Андрея намеревались отправить на Украину, но сначала он должен был посетить ряд других стран. Так, во время очередных каникул Андрей ездил во Францию, ФРГ, Швейцарию, Польшу… Конечно, для этого нужны были немалые деньги, но те, кто делал на него ставку, не скупились.

1977 год. В Европе наблюдается потепление политического климата. Советский народ новыми трудовыми свершениями готовится отметить славное 60-летие Великого Октября. Чтобы отвлечь внимание мировой общественности от успехов СССР в коммунистическом строительстве, от достижений социалистических стран, апологеты империализма пытаются во что бы то ни стало оживить призраки «холодной войны». Наши недруги поднимают шум по поводу «нарушения прав человека» в Советском Союзе.

Именно тогда вспомнили об Андрее Климчуке его опекуны. В свое время лондонская газета «Гардиан» и некоторые другие буржуазные издания опубликовали материалы, разоблачающие работу специально созданного при английском МИД так называемого «отдела исследования информации». Этот засекреченный отдел (теперь его переименовали на «отдел зарубежной информации». — *Б. А.),* укомплектованный «специалистами по Восточной Европе», которые сбежали на Запад после окончания второй мировой войны, занимался подрывной антикоммунистической деятельностью. Его сотрудники и решили использовать Андрея Климчука в своих целях.

Под видом туриста он должен был посещать социалистические страны и налаживать контакты с предателями и отщепенцами, действующими под маской «борцов за права человека». Рекомендуя Андрея своим хозяевам, Диксон (псевдоним одного из националистических руководителей. — *Б. А.),* очевидно, отметил:

— Этот парень может справиться и с более сложным заданием. На вид неказистый, одевается скромно, уравновешенный. К тому же, воспитан в духе любви к земле его предков. Стремится как можно лучше овладеть украинским языком. Внешне похож скорее на венгра, чем на англичанина…

— Будем иметь в виду эту кандидатуру, — пообещал один из шефов Диксона.

Андрей Климчук закончил второй курс колледжа.

Он уже подумывал, что было бы неплохо и этим летом куда-нибудь поехать. Но, когда приблизительно прикинул возможные расходы, стало ясно, что на собственные деньги поездку не

осуществить. Он решил провести летние каникулы со своей девушкой на морском побережье в Англии.

— Алло, Андрей! Как поживаешь? Давно не виделись, куда собираешься на каникулы? — однажды спросил его по телефону отец.

— Остаюсь в Англии. Не хватает денег.

— Могу помочь твоему горю.

— Буду только благодарен.

Но вскоре с Андреем встретился не отец, а сам Диксон.

— Поедешь в Советский Союз, на Украину. Там, на Львовщине, у вас есть родственники, ты с ними встретишься. Но это не главное. Ты должен передать нашим единомышленникам некоторые вещи, в частности туфли.

— И все поручение?

— Не спеши, сделай сначала это. Скажешь им, что необходимо активизировать агитацию против Советов, особенно перед их праздником.

Теперь давай обсудим, как тебе лучше добраться во Львов. Поедешь с большой группой туристов. Так надежнее. Советы в последнее время расширяют туристский обмен со многими странами, и этим необходимо воспользоваться. Когда прибудете в Москву, группа будет разбита на несколько меньших. Ты окажешься в той, которая поедет на Украину. Побываешь во Львове. Именно там и состоится твоя встреча с нужными людьми. Как ты смотришь на это?

— Согласен.

— Отец передаст тебе подарки для родственников. Особенно береги туфли, ясное дело, стараясь не привлекать к ним внимания.

— Я все понял, но ведь это же опасно.

— Тебе нечего беспокоиться. В случае, если там что-то пронюхают, постарайся отказаться от всех вещей, дескать, они не твои. Если и это не поможет, скажи, что незнакомые люди попросту попросили тебя их передать. О нашей встрече никому ничего не говори.

— Когда отправляться в поездку?

— В начале августа. Хорошенько подготовься. Возьми с собой фотоаппарат. Документы будешь оформлять на общих основаниях вместе с остальными туристами. Постарайся поближе познакомиться со своими спутниками.

Вскоре в составе большой туристской группы Андрей Климчук вылетел в Советский Союз. Когда он прибыл в Киев, откуда его путь уже непосредственно пролегал во Львов, то сделал в своем дневнике такую запись: «Люди здесь серьезные,

оказывается, им мы не нужны, но мне кажется, что в общем они приветливые».

1 августа 1977 года, находясь уже в конечном пункте своего путешествия, Андрей Климчук явился по указанному адресу и через несколько минут был задержан.

Да, плохи дела наших идейных противников, если им приходится всерьез рассчитывать на климчуков и им подобных «поборников прав человека» и «освободителей порабощенной нэньки», которых они засылают в нашу страну.

Во время моей очередной встречи с Климчуком следователь Рапота, который вел дело, спросил его:

— Кто такой Джеймс Диксон?

— Не знаю. Он мне вручил туфли и деньги на поездку в СССР. Вещи я должен был передать по указанному адресу, что я и сделал.

— Вам заранее было известно, что в туфлях — пленки и советские деньги? — спрашиваю его.

— Да, и я об этом говорил Диксону, но он меня успокоил, что все будет хорошо.

— Вам было известно о том, что на фотопленке тексты антисоветского содержания, призывающие к подрывной деятельности против нашей страны?

— Известно.

— Есть ли у вас какие-либо просьбы?

— Прошу дать указание доставлять мне свежие газеты на английском языке.

Подполковник Рапота тут же сделал соответствующую запись и сказал:

— Книги, газеты на английском языке вы будете получать.

— Вы удовлетворены ответом?

— Да.

На мой вопрос: «Как вы расцениваете свои действия в нашей стране?» Климчук ответил:

— Виноват.

— Подумайте, у вас есть время. Если возникнут вопросы к прокурору, можете мне написать.

— Мне уже сказали об этом.

Находясь под арестом, Андрей Климчук, обдумав свои действия, решил написать открытое письмо тем, кто заслал его на Украину.

В нем, в частности, говорилось: «…Вы втянули меня в такое нелепое мероприятие (авантюру), через которое я могу потерять десять лет своей молодой жизни. Я провел в СССР несколько месяцев и увидел настоящую демократию, действительно

свободную Украину, счастливых людей».

10 октября 1977 года он написал заявление прокурору:

«В канун шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции я хотел бы просить у вас разрешения на подачу мной Советскому Правительству просьбы о помиловании. Я сознаю свою вину и признаю себя виновным. Я никогда больше не совершу ничего подобного. Я готов выступить на пресс-конференции, если мне будет предоставлена такая возможность, чтобы разоблачить подрывную деятельность ОУН за рубежом, по вине которой я был арестован».

Вскоре Климчук написал заявление в адрес Советского правительства, в котором, кроме просьбы о помиловании, говорилось:

«…Я увидел, что при Советской власти люди не бедные, в СССР высокий жизненный уровень, люди здесь высокообразованные. В одном из колхозов, который я посетил, одиннадцать человек с высшим образованием, почти вся молодежь получила среднее образование. Это большой контраст по сравнению с досоветским периодом, когда неграмотность здесь была обычным явлением. Оуновская литература призывает, чтобы на Украине поднять восстание против Советской власти. Это очень грустная ошибка. Я уверен, что украинская советская нация, которая входит в состав Советского Союза, не поддержит подобных призывов. Во время своей поездки я не заметил никакой „подпольной деятельности“, кроме мрачной вражды к ОУН. Говоря „мрачной“, я имел в виду, что люди, как правило, при слове „ОУН“ сразу становятся „мрачными“.

Лично я верю в демократическое мирное сосуществование на земле».

И далее:

«…Если Советское Правительство проявит гуманность по отношению ко мне, я обещаю у себя дома рассказать о действительном положении вещей, которое существует на Советской Украине, рассказать о кровавых действиях ОУН после окончания второй мировой войны. ОУН использовала меня как орудие в преступлениях. Теперь я понимаю и знаю намного больше об украинцах. Я обвиняю Организацию украинских националистов в том, что она втянула меня в эти антисоветские действия, которые привели к моему аресту».

Между следователем Рапотой и арестованным Климчуком сложились официальные отношения, предусмотренные законом. Спокойный тон, логическая последовательность вопросов, настойчивость при выяснении деталей привели к цели. Работники следственных органов убедились, что перед ними неопытный

молодой человек, воспитанный в духе ненависти к Советскому государству. Правда победила. Климчук сам убедился в пагубности пути, на который его толкнули оуновцы.

В тот январский вечер в помещении Львовского Дома ученых собрались писатели, журналисты, деятели культуры из разных областей Украины. Арестованный — подданный Великобритании Андрей Климчук попросил разрешения встретиться с ними, чтобы сделать свое заявление.

Ответственный секретарь Союза журналистов Украины Владимир Стадниченко открыл пресс-конференцию и предоставил слово Климчуку. Последний зачитал заявление. В нем он подробно рассказал о том, как получил задание от представителя ОУН в Англии Джеймса Диксона, как пытался его выполнить. Климчук говорил, что в СССР к нему отнеслись гуманно, что он сознает свою вину, что никаких претензий к следственным органам Советского Союза не имеет, ибо они действовали согласно закону. Климчук также заявил, что ему была предоставлена возможность обстоятельно познакомиться с жизнью советских людей, их материальным положением, с образованием и культурой на Украине, побывать в селе Перетятичи, у земляков отца. Он посетил также музеи, театры и на основании личных наблюдений и впечатлений решительно заявляет, что его мнение о Советской стране коренным образом изменилось.

Климчук заявил, что осуждает свои преступные действия против Советского государства, что он просил Советское правительство отнестись к нему гуманно, простить ему преступление, что он никогда больше не будет заниматься подрывной деятельностью против СССР.

Писатели и журналисты обратились к нему с вопросами.

После этого руководитель пресс-конференции показал присутствующим вещественные доказательства виновности задержанного: изъятые у Климчука пленки с антисоветскими текстами, десять тысяч рублей крупными купюрами, обувь, в которую были вложены деньги и пленки. Затем он заявил:

— Поступило сообщение, что Президиум Верховного Совета СССР, руководствуясь гуманными чувствами и учитывая искреннее раскаяние Андрея Климчука, освободил его от уголовной ответственности с последующим выдворением за пределы Союза Советских Социалистических Республик.

Когда эту фразу перевели Андрею Климчуку, он вздрогнул и опустил глаза.

На этом пресс-конференция закончилась.

Да, издавна понятие гуманности отождествляется с такими

понятиями, как чуткость, сочувствие, доброжелательность, одним словом — с человечностью.

Государство, его правительство могут проявить гуманность к любому человеку, совершившему преступление против государства или отдельного лица. При этом принимаются во внимание поведение преступника, то, как он лично оценивает свои действия, учитывается общая политическая обстановка, последствия преступления.

После пресс-конференции следователь не мешкая подготовил постановление об освобождении Климчука из-под стражи и о прекращении уголовного дела. Надо было видеть, с какой надеждой и вниманием вслушивался он в каждое слово этого документа, зачитываемого Андреем Никифоровичем.

После отъезда горе-туриста в Англию в газете «Дейли телеграф» была напечатана статья Ричарда Бистона о деле Андрея Климчука и деятельности украинских националистических центров в Великобритании. При этом журналист особо подчеркнул, что в беседе с ним А. Климчук «не жаловался на плохое отношение к нему во время следствия». Легко представить себе, с каким злорадством наши идейные враги использовали бы в подрывных и провокационных целях факт малейшего нарушения законности, даже самую незначительную погрешность, допущенную следователем в ведении этого неприглядного дела одураченного националистическими заправилами юнца. Но чекисты не дали им такого шанса.

…В одном из пограничных сел на Львовщине был задержан некий Аполлон Барчук, пробиравшийся к границе.

Через некоторое время следователь Андрей Рапота встретился с нарушителем.

В кабинет вошел мужчина лет двадцати пяти.

— Садитесь, Барчук, — предложил чекист. — Давайте познакомимся. Я буду вести следствие по вашему делу. Моя фамилия Рапота. Надеюсь, понимая свое положение, будете вести себя разумно. Пока что вы задержанный, но, согласно закону, я обязан решить вопрос о вашей дальнейшей судьбе. Если будут основания, я должен взять санкцию у прокурора на ваш арест или освободить вас. Зачем вы пробирались к границе?

— Об этом долго рассказывать.

— И все же…

— Хорошо, скажу откровенно, хотел перейти границу.

— Зачем?

— Это длинная история, но придется рассказать…

— Слушаю.

— Родом я с Ровенщины. Там же окончил среднюю школу, после чего завербовался на работу на стройки Донбасса. После службы в рядах Советской Армии работал в Харькове на заводе, там поступил на вечерний факультет политехнического института.

— Значит, вы учились в институте?

— Да, учился, но недолго. Если говорить откровенно, учеба тяготила меня, поэтому я бросил институт и продолжал работать. Потом поехал в Киев, удалось устроиться. Неплохо зарабатывал, жил в хорошем общежитии. И все же в поисках легкой жизни я решил нелегально перейти границу и остаться там.

— Значит, у вас созрело решение покинуть, вернее, изменить Родине?

— Да.

— Что ж, давайте сегодня на этом нашу беседу закончим, вы не возражаете?

— Согласен.

Так следователь Рапота познакомился с Барчуком.

После первого допроса Андрею Никифоровичу не давала покоя одна мысль: «Кто перед ним — обыкновенный человек, который случайно споткнулся, или враг, притворяющийся таким вот простачком теперь, когда его задержали?»

На следующий день следователь был у прокурора.

— Заканчивается срок предварительного заключения Барчука, вот материалы, прошу дать санкцию на арест. На первом допросе задержанный заявил, что решил изменить Родине, перейти границу. Жду вашего решения, товарищ прокурор.

Прокурор, обстоятельно ознакомившись с материалами дела, сказал Рапоте:

— Перед тем, как санкционировать арест, Барчука допросит заместитель прокурора области, а потом решим этот вопрос окончательно.

После допроса арест был санкционирован, и Барчуку в тот же день было предъявлено обвинение в попытке перейти границу…

Рапота внимательно рассматривал изъятую у нарушителя нарисованную схему, на которой были обозначены населенные пункты, старательно нанесены их названия и еще какие-то пятизначные цифры, знаки, неразборчивые записи.

«Довольно странный план», — думал Андрей Никифорович. И вдруг его словно осенило: «Не номера ли это воинских частей? Правда, здесь много и других пометок. Необходимо посоветоваться со специалистами», — решил следователь.

Специалисты пришли к выводу: «На схеме не только значатся номера воинских частей, но и нанесен план расположения одного

из военных объектов, технических средств его охраны».

И снова встреча с Барчуком.

— Сегодня мы будем беседовать об обнаруженных у вас документах. Объясните каждую цифру, каждый знак и вот этот план.

— Это мои личные записи. Они не представляют для вас интереса.

— Вы, Барчук, хитрите.

— Нет. Просто, когда шел, записывал населенные пункты, отмечал расстояния…

— А что это за объект, — Андрей Никифорович пододвинул схему с планом поближе к нарушителю.

— Сейчас точно не припомню. Кажись, плантация хмеля.

— Говорите, хмель? А может, что-то другое?

— Нет, хмель.

— В таком случае, отложим нашу беседу на некоторое время. Я должен выяснить, есть ли в этом районе плантации хмеля.

— Не надо выяснять, это военный аэродром. Я несколько часов наблюдал за ним.

Во время следующего допроса Андрей Никифорович не спешил задавать вопросы, которые, казалось, напрашивались сами собой: зачем арестованный чертил план военного аэродрома, отмечал населенные пункты около него, кому намеревался передать эти сведения. Он избрал другую тактику, а именно — выжидания. Уяснив особенности характера арестованного, Рапота понял, что тот не сможет долго молчать, дабы побыстрее избавиться от неопределенности своего положения, со временем сам даст все объяснения. Так оно и случилось. Через несколько дней, во время очередного допроса, на котором и не упоминалось о схеме, Барчук неожиданно сказал:

— А знаете, ведь все мои записи предназначались для западных разведслужб.

— Следовательно, вы, Барчук, собирали сведения, представляющие собой государственную тайну, с целью передачи их нашим врагам?

— Выходит, так.

— Что же толкнуло вас на это.

— Можно, я отвечу на этот вопрос в следующий раз, сейчас не могу, голова болит.

— Пожалуйста.

Следующая их встреча состоялась через день.

— Так на чем мы остановились в прошлый раз? — спокойно спросил Андрей Никифорович.

— Почему я стал шпионом и предателем Родины.

— Совершенно верно. Вы, очевидно, за это время хорошо продумали ответ.

— Конечно.

— Тогда я слушаю.

— Прежде всего вы, очевидно, удивлены, почему я без лишних запирательств, так легко сознался в своем грехопадении.

— Давайте, Барчук, уточним: преступлении.

— Да, преступлении. Дело в том, что мои родственни на Ровенщине когда-то симпатизировали бандеровцам. С временем, когда я подрос, прошлое моих родителей, знаком ство с националистической литературой, сохранившейся дома, повлияли на меня определенным образом, начало расти мое недовольство Советской властью.

Как я уже говорил, закончив десятилетку, поехал работать на Донбасс, начал понемногу избавляться от тех настроений, лучше узнал жизнь, вступил в комсомол. Затем служба в рядах Советской Армии. После демобилизация, работая в Днепропетровске, в Харькове, а затем в Киеве, жаловаться ни на что не мог, но, включая транзисторный приемник, ва внимательнее прислушивался к зарубежным радиоголосам. Наслушался я этих передач, а тут еще ссора с любимой женщиной. Все это, как говорится, подействовало на меня отрицательно. Вспомнил я снова о старом и решил готовиться к побегу. Я думал: допустим, появлюсь за границей без ценных данных — кому я нужен? Вот и решил собирать сведения о различных военных объектах. Даже двинувшись в путь, продолжал вести записи. И вот я перед вами. Теперь я должен отвечать. Пребывая под арестом, я многое передумал и пришел к выводу, что совершил большую глупость. Не знаю, как отнесется к моему искреннему раскаянию правосудие, но я хочу откровенно рассказать обо всем этом на суде.

— Расскажите там правду и только правду, — посоветовал Андрей Никифорович.

Суд, рассматривавший дело, учел смягчающие вину обстоятельства: раскаяние подсудимого и то, что он фактически не успел причинить вред нашему государству. Сейчас Барчук отбывает наказание.

Если Андрею Рапоте пришлось потратить немало времени на расследование дела Барчука, то дело по обвинению Степана Недалекого он провел быстро.

…Рабочий день в таможне приближался к концу. Вдруг на КПП остановились «Жигули», из машины вышел средних лет мужчина и быстро направился к административному корпусу.

Когда декларация была прочитана, дежурный инспектор Константин Пелехатый, взглянув на приезжего, предложил принести вещи для досмотра. Вещи были принесены, и таможенник сказал:

— А теперь пройдемте к автомашине.

Турист умоляюще посмотрел на него и тихо промолвил:

— Прошу автомашину не досматривать. Вы понимаете, меня многие знают, мне неудобно, я отблагодарю…

Инспектор окинул приезжего изучающим взглядом и вместе с пограничником пошел досматривать машину.

— Что-то заднее сидение слишком твердое.

— Пружины такие.

— Тогда давайте вместе посмотрим.

Турист молчал. Когда вынули спинку заднего сидения, на лице сержанта-пограничника отразилось неподдельное удивление:

— О, да здесь целый склад! — воскликнул он. — Смотрите, чего тут только нет: платки, парики…

Из-под сидения вытащили еще много контрабандных товаров.

— А теперь снимите запасное колесо.

— Там нет колеса, в чехле — вещи, — едва слышно ответил приезжий.

Действительно, вместо колеса в чехле лежали японские платки. Их было много. В багажнике автомашины лежали коробки. Под ними нашли отрезы дорогого материала… Наконец контрабандные товары были выгружены из автомашины.

— Перенесите товар в зал таможни, — приказал туристу инспектор.

— Не буду переносить.

— Вы обязаны это сделать.

— Я знаю свои обязанности.

Затем добавил уже другим, умоляющим тоном:

— Не позорьте меня перед народом.

Пелехатый настоял на своем, и турист сам перенес выгруженные вещи.

— Мы вынуждены передать дело следственным органам, — заявил начальник таможни…

Перед Андреем Никифоровичем Рапотой сидел человек, который когда-то закончил тот же факультет того же университета, что и он. И ему было особенно неприятно встречаться с ним при таких обстоятельствах. Следователь прекрасно понимал, что Недалекий совершил преступление, и он должен как можно тщательнее расследовать это дело.

— Вы обвиняетесь в контрабанде. Получена санкция

прокурора на ваш арест, познакомьтесь с постановлением и распишитесь.

— Вы меня арестовываете?

— Да, вынужден это сделать, поскольку вы совершили преступление.

— Я не согласен.

— Вы же юрист, должны понимать…

— Следствие еще не разобралось во всех деталях, а вы санкционируете содержание под стражей. Надо сначала расследовать дело, а затем арестовывать.

— Вы не будете отрицать тот факт, что перевозили в большом количестве и на большую сумму контрабанду на собственной автомашине?

— Нет.

— А для чего вам понадобилось столько дефицитных вещей?

— Вы хотите меня обвинить в намерении перепродать товары?

— Да, кроме контрабанды вам будет предъявлено еще и обвинение в спекулятивных намерениях. Подумать только, одних женских париков — пятьдесят восемь штук. Зачем вам столько?

— Заказывали знакомые.

— Сколько же у вас найдется таких знакомых?

— Не считал, но вы необъективны, я буду жаловаться, прошу разрешения на встречу с прокурором.

— Постановление об аресте подписано прокурором, но коль вы требуете, то мы предоставим вам возможность переговорить с ним.

Встреча состоялась, и прокурор подтвердил:

— Вы совершили тяжкое преступление и привлекаетесь к уголовной ответственности. Предварительные меры — содержание под стражей — приняты законно.

Сидя под арестом, Недалекий лихорадочно думал, как сбить следователя с правильного пути. И вдруг ухватился за мысль, которая показалась ему спасительной: а что, если я встретил, конечно, случайно, земляка на территории Польши и он попросил меня отвезти обивку для мебели знакомым. Записал мой адрес, телефон, я, в свою очередь, его, но потерял бумажку. Зовут моего земляка Федор Ефимович…

Но это была только первая часть версии, сочиненной Недалеким. Дальше он брался утверждать, что оставил у Федора Ефимовича машину, и тот загружал ее без него. Утром, мол, наш горе-турист выехал в направлении границы и только в таможне узнал, что его земляк передал знакомым не ткань для обивки мебели, а большое количество кристалона, парики, японские

платки и другие товары. Следовательно, он всего лишь жертва собственной доверчивости и человеческого коварства. Пусть ищут «Федора Ефимовича» на территории Польши.

Рапота до конца выслушал доказательства задержанного:

— Вы долго думали над этим? — спросил следователь.

— Почему вы задаете этот вопрос?

— Долго ли вы думали над этой версией?

— Это правда.

— Что же, придется проверить.

— Вы необъективны.

— В чем выражается моя необъективность? В том, что буду проверять выдвинутую вами версию?

Недалекий молчал.

— Вы знаете фамилию того, кто загружал товары в Катовице?

— Нет.

— И вам все это доверили?

— Как видите.

— Значит, вы знали, что перевозите?

— Не знал.

— Вы просили таможенника не досматривать машину.

— Это неправда.

— Но при этом присутствовали и другие лица.

— Это неправда.

— Тогда придется вызвать их и устроить вам очную ставку.

— Согласен.

Затем Недалекий заявил:

— Прошу дать мне лист бумаги, хочу написать заявление на имя прокурора области, чтобы вас отстранили от следствия по моему делу. Вы ведете расследование с предубеждением.

— Прошу объяснить, в чем вы усматриваете мою необъективность?

— Вы придираетесь ко мне.

— Нет, арестованный, не придираюсь, я изобличаю вас вашими же заявлениями. Если хотите, вот вам лист бумаги, пишите.

Через день заявление Недалекого лежало на столе прокурора, а вскоре обвиняемый получил ответ: «Оснований для отвода следователя по вашему делу нет. Следствие ведется объективно».

На очередном допросе Рапота спросил:

— Скажите, обвиняемый, вы и сейчас настаиваете на версии относительно случайного знакомства в Катовице?

— Настаиваю. Кстати, я хочу внести дополнение: то, что я встретился с мужчиной в Катовице, может подтвердить Екатерина Трепехальская, находившаяся в то время в Польше. Она видела

меня с ним вместе.

— Хорошо, допросим Екатерину Трепехальскую, а также через польских коллег попытаемся разыскать и вашего знакомого.

Вызванная на допрос Трепехальская дала обстоятельные показания о своих дружеских отношениях с семьей Недалеких.

— Вы ездили с Недалеким в Катовице?

— Я его встретила в Катовице, но ездила туда поездом.

— Где именно вы встретили Недалекого?

— На одной из улиц, случайно.

— Вы видели его одного?

— Да, он был один.

— И никто посторонний, когда вы беседовали, к вам не подходил?

— Нет, никто. Правда, какой-то гражданин попросил у Недалекого прикурить — и больше ничего.

— Возможно, между ними произошел какой-то разговор?

— Нет, никакого разговора не было.

Во время очной ставки Трепехальская подтвердила свои показания.

Из Польши пришло сообщение, что никакого «Федора Ефимовича» там не было и в помине.

По делу Недалекого были проведены очные ставки, собраны данные в отношении того, где он лично покупал товары, и виновный предстал перед судом.

Суд признал Степана Недалекого виновным и определил ему меру наказания — лишение, свободы сроком на восемь лет.

Любащенко Иван
БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Было теплое июльское утро. Солнце, вынырнув из-за кромки леса, озарило окна вагонов скорого поезда. Роберт Кристнер заворочался и открыл глаза. Задернул на окне занавеску и посмотрел на часы. Поезд приближался ко Львову.

Старинный украинский город встретил американского туриста утренней прохладой. Он легко сошел по ступенькам вагона. Подтянутый, элегантный, с портфелем в левой руке. Следом за пассажиром шел носильщик с увесистым чемоданом из желтой кожи. Наняв такси, Кристнер поехал в гостиницу «Интурист». Примерно через час, посвежевший от принятого душа, он вышел из гостиницы. На нем был серый костюм, модные туфли с блестящими застежками.

Уверенным шагом турист направился вдоль проспекта Т. Г. Шевченко к троллейбусной остановке. Со стороны могло

показаться, что Кристнер хорошо знает Львов. На самом же деле, он попал сюда впервые. Расположение же улиц, площадей, направления маршрутов городского транспорта, дислокация промышленных объектов были знакомы ему по путеводителям, подробным описаниям, хорошо изученным задолго до приезда в этот город.

На нужной остановке Кристнер сошел с троллейбуса, снова оглянулся по сторонам и свернул в боковую улочку. Внимательно рассматривал дома, заборы, заводские корпуса. У одного из важных промышленных объектов американец на минуту задержался. Прошел дальше, потом возвратился на старое место. Заметив невдалеке сквер, утопающий в густой зелени, он направился туда.

Вскоре Кристнер снова был в троллейбусе, который вез его в центр города. Он и не предполагал, что на его появление у важного промышленного объекта кто-то мог обратить внимание. Но его заметили молодые рабочие. И не только заметили — наблюдали некоторое время за ним, видели, как фотографировал их родной завод.

И пока американец ехал в гостиницу, разговор о нем уже вели львовские чекисты.

Полковник Иван Петрович Череваш срочно пригласил к себе Кузнецова.

— Есть новое задание, Иван Иванович, — обратился он к нему.

— Слушаю вас…

— У одного из львовских заводов появился человек с фотоаппаратом. По виду иностранец. Сделал несколько снимков предприятия. Потом сел в троллейбус и поехал по направлению к центру. Думаю, следует расспросить служащих «Интуриста».

Кузнецов не мешкая вызвал машину и буквально через пятнадцать минут был уже в гостинице. Администратор — светловолосая, симпатичная девушка, взглянув на ручные часы, сообщила:

— Да, сегодня утром, около трех часов тому, к нам прибыл новый жилец…

Открыла журнал регистрации и добавила:

— Роберт Кристнер, 1933 года рождения, уроженец Сан-Антонио, штат Техас. В настоящее время проживает в штате Невада, является служащим библиотеки конгресса США и аспирантом Джорджтаунского университета. Советский Союз посетил в качестве туриста.

— Как он одет? — спросил Иван Иванович.

— Право, не заметила…

Дежурная по этажу, где занял номер-люкс американец, дала о нем более подробные сведения:

— Гость занял номер примерно в десять. Минут через сорок вышел из него переодетый в серый костюм, в скрипучих бежевых туфлях с застежками. — Она подумала, потом добавила: — У иностранца был фотоаппарат. Он спустился вниз. С тех пор я не видела его.

Это описание полностью совпадало с тем, которое составили звонившие к ним в управление молодые рабочие. Иван Иванович вышел из гостиницы и смешался с толпой. Он прохаживался по тротуару и внимательно наблюдал за входом в «Интурист». Наконец интересующий Кузнецова человек появился у гостиницы.

Кристнер поднялся в номер, переоделся и спустился в ресторан. После завтрака опять направился к троллейбусной остановке. Целый день колесил по городу. Его видели возле памятника Мицкевичу, у проходной городка воинской части, рядом с Доминиканским костелом, в аэропорту, на железнодорожной станции… Памятники старины турист фотографировал открыто, не таясь. Военный городок сфотографировал из-за кустов, а в аэропорту и на железнодорожной станции делал какие-то записи в блокноте. В тот день успел побывать и в квартирах некоторых львовян. Направлялся он туда уверенно, будто к давним знакомым. В гостиницу возвратился лишь когда стемнело.

Поздно вечером, сидя в своем кабинете, Кузнецов размышлял о странном поведении туриста. Куда он торопится? Целый день на ногах, целый день колесит по городу, не боясь вызвать подозрение. А может быть, он не разведчик, а просто турист? Тогда почему украдкой фотографирует важные объекты. Зачем понадобилась ему записная книжка в тех местах, которые не должны интересовать туристов? А если допустить, что хозяева Кристнера дали ему на пребывание во Львове совсем мало времени.

Тут Кузнецова вызвал Череваш. Первым делом полковник спросил:

— Как вел себя наш подопечный?

— Судя по всему, он очень старательно выполняет чье-то задание.

— Что ж, интересно… — неопределенно протянул Череваш.

— Конечно, голыми руками его не возьмешь, — продолжал Кузнецов. — То, что Кристнер фотографировал завод, военный городок, железнодорожный узел, аэропорт, — уже в какой-то степени доказательство, что этот турист разведчик. Но в случае задержания он может сослаться на то, что фотографировал эти

объекты просто ради интереса. Доказательство, что американец шпион, кроется в его снимках и записной книжке. Интересен такой факт: когда фотографировал памятник Мицкевичу, Доминиканский костел, тогда записной книжки не вынимал. В аэропорту же, на железнодорожной станции ему она вдруг понадобилась. Причем записи делал торопливо, украдкой, оглядываясь при этом по сторонам.

Череваш поднялся из-за стола и в раздумье начал мерять кабинет медленными шагами. Иван Иванович молча наблюдал за своим начальником, не мешал ему думать. Наконец полковник остановился у окна и, не оборачиваясь, сказал:

— Ты, конечно, прав. Записная книжка и снимки Кристнера представляют для нас интерес. Кроме того, следует повстречаться с теми людьми, с которыми общался Кристнер, понаблюдать за его дальнейшим поведением.

Утром Кристнер спустился в ресторан. В зале было немноголюдно. Он занял свободный столик, заказал завтрак. Закурил. Вскоре на его столе появились яичница, салаты, графинчик с водкой.

В это время в зал вошли два молодых человека. Осмотревшись, они направились к столику Кристнера.

— Можно? — спросил один из них.

— Да, да, пожалуйста, — радушно ответил турист на чистом русском языке.

Парни присели. Тот, что был немного постарше, указав на коробку сигарет, поинтересовался:

— Америка?

— Да, наши, американские, — с гордостью произнес Кристнер. — Можете закурить.

— Вы так хорошо знаете русский?

— О, я давно изучаю ваш прекрасный язык!

У столика появился официант. Когда парни делали заказ, американец с удивлением смотрел на них.

— Бутылку на двоих?! — переспросил Кристнер. — А не много ли?

— Мы привыкшие, — услышал он беззаботный ответ. — Да и вы, думаем, поможете…

— Хо, хо! — громко рассмеялся турист и потянулся к своему графину. — Тогда давайте начнем с моей?

— Не откажемся, — согласился парень помоложе. — Но вначале разрешите представиться. Меня зовут Николай, моего друга — Александр. А вас?

— Роберт, турист. Путешествую по вашей стране.

Американец наполнил рюмки. И потекла за столом беседа.

Сначала, как принято, о погоде, о красоте Львова. Потом Роберт поинтересовался, где его знакомые работают, что читают, слушают ли передачи зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. Начал расспрашивать о львовских заводах, о продукции, которую они выпускают. Снисходительно посматривая на своих русских знакомых, Кристнер, видимо, радовался, что напал на таких простаков. Они, по его мнению, были слишком наивны и поэтому так откровенны с иностранцем…

А Кузнецов в это время беседовал с львовянами, с которыми накануне встречался американец. Чекист узнал, что Кристнер дарил им американские газеты и журналы с антисоветскими статьями, открытки пропагандистского характера.

После завтрака Кристнер, выйдя из гостиницы, направился в центр города. Он то и дело заговаривал с прохожими, интересовался слышимостью во Львове зарубежных передач на английском и русском языках, задавал провокационные вопросы.

На следующее утро американец из Львова выехал в Киев. В пути он продолжал делать пометки в своей записной книжке, иногда фотографировал прилегающую к железной дороге местность, станции. Причем старался делать это незаметно для окружающих; выходил с фотоаппаратом в тамбур вагона, заходил в туалет. Своему спутнику по двухместному купе он подарил несколько американских журналов.

И в Киеве Роберт Кристнер продолжал фотографировать важные объекты. Там он познакомился с жителем Днепропетровска С., находившимся в служебной командировке. Расспрашивал его о промышленных предприятиях Днепропетровска, выпускаемой ими продукции.

Затем американский турист отбыл в Баку. Здесь он был замечен далеко от города, у бухты с военными кораблями. В Волгограде, куда Кристнер выехал из Баку, он тоже фотографировал важные народнохозяйственные объекты, заводил знакомства в гостинице и ресторане. Сомнений у чекистов уже не было: Кристнер — шпион. В Волгограде его задержали. При обыске на нем был обнаружен пояс с вложенными в него записями разведывательного характера и фотопленками. На фотопленках были запечатлены бухта с военными кораблями, аэропорт, многие важные промышленные объекты.

В ходе допроса Кристнер давал путанные и невразумительные объяснения, однако признался, что пленки и записи, обнаруженные у него в поясе, принадлежат ему. Пытаясь оправдаться, заявил, что собирал недозволенные данные якобы несознательно.

На основании неопровержимых материалов о шпионской деятельности Роберта Кристнера, полученных чекистами Львова и других городов, Министерство иностранных дел СССР сделало соответствующее представление посольству США в Москве о недопустимости использования туризма в разведывательных целях. Кристнер был выдворен за пределы СССР. Все центральные газеты тогда опубликовали корреспонденцию «Американский турист — шпион».

Прочтя ее, Череваш сказал:

— Поздравляю тебя, Иван Иванович. Ведь это ты начал дело, ты первым пришел к выводу, что американский турист — шпион, и фактически доказал это. В общем, заслужил еще одну благодарность.

…Сложными иногда бывают судьбы у людей. Не думал не гадал Иван Иванович Кузнецов, что станет чекистом. В детстве мечтал стать преподавателем русского языка и литературы, быть похожим на своего любимого учителя Николая Григорьевича Минаева. И еще хотел во всем подражать отцу, быть всегда таким, как он: упорным в достижении цели, справедливым в обращении с людьми, добрым и отзывчивым человеком.

Любовь к литературе зародилась в его сердце, быть может, потому, что рос он в селе Тарханы Пензенской области, в тех самых Тарханах, где прошли детские годы великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Казалось, сам воздух пропитан здесь поэзией…

На отца хотел походить потому, что любил его, гордился им. С тех пор, как помнил себя, всегда видел отца в окружении односельчан, которые глубоко уважали Ивана Матвеевича Кузнецова. Он стал организатором колхоза, возглавил полеводческую бригаду. Когда началась Великая Отечественная война — ушел на фронт. Храбро сражался с гитлеровцами, но радости окончательной победы над лютым врагом так и не познал. В одном из боев в 1943 году был сражен осколком снаряда.

О гибели отца Иван узнал в Сызрани, где учился в первом Московском ордена Ленина Краснознаменном авиационном училище. В апреле 1942 года комсомольцы средней школы села Тарханы подали в военкомат коллективное заявление с просьбой направить их после окончания школы в действующую армию. Среди них был и Кузнецов-младший. Пройдя за полгода ускоренный курс обучения, он попал на фронт в качестве радиомеханика по обслуживанию радиооборудования самолетов ПЕ-2. Воевал в составе отдельного разведывательного авиационного полка 8-й воздушной армии. Освобождал от врага

Запорожье, Мелитополь, Крым.

Потом полк сражался в Закарпатье, участвовал в боях за Бреслау. Иван Кузнецов был в то время уже стрелком-радистом. Имел на своем счету десятки боевых вылетов. Вместе с пилотом Героем Советского Союза Василием Борисовым одним из первых приземлился в восставшей Праге. Здесь и закончил войну. Вскоре старшину Кузнецова перевели в другую часть. Готовился поступать в военную академию, а попал в контрразведку.

Трудно было вначале постигнуть нелегкую чекистскую службу. Но рядом находились умудренные опытом борьбы с врагами нашей Родины старшие товарищи. Они и учили Ивана Ивановича сложной и порой опасной работе по обезвреживанию шпионов и диверсантов. Операция по разоблачению Роберта Кристнера была не первой и не последней для Кузнецова.

…Время уже близилось к полудню, когда на пограничном контрольно-пропускном пункте появился новенький зеленого цвета «Фольксваген». Машина ехала из Польской Народной Республики. В ней сидели два белобрысых, длинноволосых юнца в джинсах, измятых хлопчатобумажных рубашках с изображением экзотических красавиц. Это были туристы из Голландии. Подавая свои паспорта пограничникам, парни беззаботно улыбались, весело переговаривались между собой. Иван Иванович Кузнецов был в тот день тоже на КПП. Досматривая вместе с таможенниками нехитрый багаж молодых людей, который вмещался в одном старом чемодане и двух спортивных сумках, слушая их веселую болтовню, он все время думал о том, что слишком уж большой контраст являет новенький «Фольксваген» с костюмами и багажом Рейдона и де'Ярхера (именно эти имена значились в паспортах). Откуда у них эта машина?

Вдруг взгляд чекиста задержался на дверцах автомобиля. Они оказались не совсем обычными. В «Фольксвагенах», которые ему приходилось видеть до этого, дверцы были плоскими, а в этой машине почему-то выпуклые. «Что бы это значило? — подумал Кузнецов. — Наверное, там что-то спрятано?» Иван Иванович распорядился, чтобы машину туристов пропустили без таможенного досмотра.

Во Львове голландцы разместились в «Интуристе». В тот день из гостиницы не выходили. А на другой день с утра выехали в город. Проехали несколько километров, свернули на проселочную дорогу и остановились в перелеске. Один из парней открыл капот автомашины и начал копаться в моторе, другой стал разбирать дверцу. Он что-то вытаскивал и складывал в спортивную сумку. Их, естественно, запечатлели на пленку, дали возможность беспрепятственно возвратиться во Львов. На другой день

повторилась та же история. Только теперь туристы таким же способом опустошили другую дверцу «Фольксвагена». Вели себя беспокойно, озабоченно.

Пробыв во Львове двое суток, выехали на Киев. Не успели за горизонтом скрыться очертания пригородов Львова, как из «Фольксвагена» посыпались на обочину дороги листовки, брошюры. Задержали их под Бродами. Предъявили им фотографии, разбросанные листовки, брошюры, нашли точно такую же антисоветскую литературу в их спортивных сумках.

Неопровержимые улики сыграли свою роль. Парни заявили, что их завербовали американские разведчики. Купили для поездки в СССР машину, напичкали ее листовками, литературой антисоветского содержания, проинструктировали, где и как ее распространять, снабдили деньгами и отправили в путь. Рассказывая все это, Рейдон вытирал рукавом слезы. Щуплый, с рыжей бородкой де'Ярхер стоял молча, потупив глаза.

— А вы что нам скажете? — спросил его Иван Иванович.

— Обманули нас, — де'Ярхер поднял глаза и начал рассказывать свою невеселую историю: — Как-то вместе с Райдоном зашли в кабачок выпить пива. Встретили там приятеля, который недавно вернулся из туристической поездки по вашей стране. Разговорились. Приятель рассказал нам столько интересного, что мы только удивлялись. Вот тогда Рейдон и произнес злополучную фразу, с которой все и началось:

— Как бы мне хотелось побывать в России! Но где взять деньги для поездки?

И тут же из-за соседнего столика поднялся и подошел к нам пожилой господин.

— Есть возможность заработать, — произнес он по-немецки, но с явным американским акцентом.

— Мы — бедные студенты. Чтобы учиться, подрабатывали мойщиками посуды в ресторанах, подсобниками на стройках. Получали, конечно, гроши. На такие деньги в туристическое путешествие не двинешься. Поэтому предложение пожилого господина заинтересовало нас. Через несколько минут на нашем столике появились бутылка вина, раскошная закуска. Наш новый собеседник был щедр, так и светился благожелательностью, и мы клюнули на крючок.

Только через несколько дней догадались, что он — американский разведчик, но к этому времени столько ему задолжали, что отступать было некуда: оставалось или поехать по его заданию в вашу страну, или же очутиться из-за долгов за решеткой. Выбрали первое. Думали: авось пронесет. Вскоре на имя Рейдона был куплен «Фольксваген», и мы отправились в путь.

Остальное вы уже знаете, — закончил рассказ де'Ярхер и снова опустил глаза.

Учитывая чистосердечное признание голландских студентов, их глубокое раскаяние в совершенном преступлении и просьбу о снисхождении, было принято решение не привлекать Рейдона и де'Ярхера к уголовной ответственности. Через несколько дней их выдворили за пределы нашей страны.

Часто к своей грязной работе западные шпионские службы привлекают и дипломатов. Однажды во Львов пожаловали важные господа. И не из-за рубежа, а из американского посольства в Москве: военно-воздушный атташе Кертон, помощники военного атташе Хейтауэр и Далквист, сотрудник атташе Кооп. Приехали, как они заявили, познакомиться с городом.

Но уже в первый день направились к военному городку одной из частей, дислоцирующихся во Львове, стали незаметно наносить в блокноты план его расположения, фотографировать. Выяснить истинную причину приезда американских дипломатов, сковать их разведывательную деятельность было поручено группе чекистов во главе с Кузнецовым.

…Они поднимались рано угром. Наскоро позавтракав, покидали гостиницу. Скупали в киосках и магазинах справочники и путеводители по Львову, покупали по несколько экземпляров газет, выходящих в нашем городе, научно-техническую литературу. Дипломатов все время тянуло к воинским частям. Причем вели они себя так нахально, что даже влезли на забор, отделяющий военный городок от улицы. Им, естественно, намекнули, что дипломатам такие вещи непозволительны. Американцы извинились, пытались оправдаться. А на другой день были замечены на железнодорожном узле. И здесь им не повезло.

Выезжая из Львова в Барановичи, американцы пытались занять отдельное купе, но четвертым пассажиром оказался Иван Иванович. Когда поезд тронулся, он открыл чемоданчик, вытащил из него колбасу, сыр, нарезанный хлеб и разложил все на столике. Иностранцев к трапезе не приглашал. Перекусив, влез на верхнюю полку.

В пути следования дипломаты вели визуальное наблюдение за местностью, делали снимки, записи в блокнотах. Кроме того, при помощи портативного радиоприемника с шестью диапазонами они проверяли слышимость радиостанций, контролируемых американской разведкой.

«Сдав» из рук в руки американских дипломатов барановичским чекистам, Иван Иванович рассказал им обо всем увиденном и услышанном в пути. Из Барановичей американцы

выехали в Минск, потом в Киев… Когда накопилось достаточно сведений о шпионской деятельности, их задержали. Они также имели с собой нательные пояса с фотопленками, сведениями разведывательного характера. Министерство иностранных дел СССР вынуждено было сделать соответствующее представление посольству США, и дипломаты-шпионы были выдворены из нашей страны.

…Однажды во Львов из Западной Германии пожаловал на автомашине некто Ковальский. Выдавал себя за добропорядочного немца, в туристскую поездку по нашей стране взял престарелую жену и двух великовозрастных внуков.

Но чекистам показалось странным поведение господина Ковальского. Вместо посещения театров, музеев его почему-то тянуло в старую часть города, где жили в основном коренные львовяне. Он внимательно осматривал дома, заходил во дворы, поднимался по скрипучим лестницам на верхние этажи. Ясно было, что немецкий турист кого-то искал. Но кого?

Кузнецов обратился за помощью к хозяйке одной из квартир, в которую стучался Ковальский. Из разговора с ней чекист узнал, что турист из ФРГ разыскивает жившего раньше в этом доме фотографа.

— А на каком языке он разговаривал с вами? — спросил Иван Иванович.

Хозяйка сделала удивленное лицо.

— На нашем, украинском, — ответила она.

— А вы знали этого фотографа?

— Нет. Но люди говорят, что здесь действительно жил когда-то фотограф и что он якшался с фашистами.

— А имени этого фотографа, случайно, гость не называл?

— Кажется, называл…

Женщина задумалась, но вспомнить так и не смогла.

— Извините, — развела она руками. — Не запомнила… Пришлось чекисту переговорить с самим Ковальским. Тот притворился, что украинского и русского языков не знает. Заявил, что разговаривает только по-немецки. Цель вылазок в старую часть города, посещение квартир старожилов объяснил так:

— Я большой любитель фотографии. Имею на родине собственную фотолабораторию. А из книг узнал, что во Львове живет старый и опытный мастер фотодела. Имя его забыл, но запомнил, что живет он в старой части города. Вот хожу и расспрашиваю о нем.

Кузнецов все больше и больше убеждался в том, что Ковальский вовсе не немец, за которого выдает себя, что он хорошо знает Львов, был каким-то образом связан с фотографом,

который в годы фашистской оккупации сотрудничал с гитлеровцами.

Кто же он, господин Ковальский? Прежде всего, надо узнать имя фотографа, выяснить, с кем он общался в годы войны. Не было ли среди его знакомых Ковальского? И каким образом этот Ковальский был связан с ним?

Пока «добропорядочный немец» со своим семейством совершал на автомашине путешествие по маршруту Львов — Житомир—Киев—Харьков—Одесса—Львов, чекисты Львовщины установили его личность. Дело было непростым. Ведь прошло столько лет после войны! И все же ниточка была найдена. Правда, была она слишком тонкой и короткой. Не хватало фактов, свидетелей. Это и не позволяло задержать туриста из ФРГ. Чекисты не имели права на ошибку. И даже когда он снова прибыл во Львов, чтобы следовать дальше, к границе, чекисты пока не имели веских доказательств, тот ли это Ковальский, который в годы войны служил в немецком карательном отряде, расстреливал советских граждан.

Эти доказательства были получены только в тот день, когда господин Ковальский уже приближался к Ужгороду. Кузнецов со своими помощниками выехал на «Волге» следом за ним. Ковальский задержался на некоторое время в Ужгороде. Чекисты поехали вперед, чтобы встретить его автомашину за городом. На сигнал автоинспектора «турист» спокойно остановил машину, отрулил ее на обочину дороги и с любезной улыбкой открыл дверцу. Но тут его взгляд упал на группу людей, одетых в штатское. В одном из них он узнал Кузнецова. Улыбка так и застыла на лице Ковальского, а в глазах появился страх.

— Я честный и добропорядочный немец, — забормотал он невнятно. — Я не совершал ничего противозаконного.

Ковальскому предъявили ордер на арест, сообщили причину. Он, естественно, все отрицал. Ему показали старые фотографии времен войны, где он был запечатлен в эсэсовской форме, с автоматом в руках.

Потом нашлись и свидетели злодеяний Ковальского. Состоялся суд. Каратель получил по заслугам.

Так закончилась еще одна успешная чекистская операция, в которой Иван Иванович Кузнецов принял непосредственное участие.

Как-то на совещании работников органов государственной безопасности Иван Иванович увидел в президиуме седого человека в форме генерала. Что-то знакомое показалось ему в этом человеке. Доброе, слегка задумчивое выражение глаз,

манера держаться. Пригляделся получше, неужели Минаев? Тот самый Николай Григорьевич Минаев, который учил его в школе русскому языку и литературе, воспитывал в нем любовь к Родине, прививал ему чувство ненависти к ее врагам… Как же он мог изменить своей любимой профессии? Видимо, так было нужно. Наверное, и его в трудный час Родина призвала исполнить свой долг, отдать ей свои знания, жизненный опыт…

Взгляд Кузнецова был буквально прикован к Николаю Григорьевичу. И тот почувствовал это. Минаев повернулся в сторону Кузнецова, посмотрел на него: в глазах генерала вначале появилось выражение удивления, потом они засветились доброй отцовской улыбкой.

В перерыве они встретились. Обнялись, расцеловались. После совещания долго ходили по городу. Вспоминали о прошлом, рассказывали друг другу о себе, делились планами на будущее. На память об этой встрече домашняя библиотека Кузнецова пополнилась еще одной книгой с дарственной надписью. На титульном листе сборника «Воронежские чекисты рассказывают…» было написано: «Кузнецову Ивану Ивановичу — собрату по профессии и бывшему ученику на добрую память, с пожеланиями счастья и крепкого здоровья. Николай Григорьевич Минаев. Начальник Управления КГБ по Воронежской области».

Мне не раз приходилось встречаться с Иваном Ивановичем Кузнецовым — скромным интеллигентным человеком с добрыми, проницательными глазами, доброжелательной улыбкой. Он с удовольствием делился своими мыслями о прочитанных книгах и увиденных спектаклях, радовался успехам своей жены — специалиста-филолога. Мне было известно, что его уважают и любят молодые чекисты, которым он передает свой опыт и знания, помогает выигрывать поединки с врагами.

И я посчитал своим долгом рассказать людям о нем.

Любащенко Иван
БОЕЦ НЕЗРИМОГО ФРОНТА

Этот очерк о львовском чекисте Иннокентии Ивановиче Сорокине мне хочется начать с дневниковой записи генерал-майора А. И. Сорокина «Строки победы» из книги «На земле, в небесах и на море», вышедшей в Воениздате в 1985 году. В ней читаем: «Нежданно-негаданно в Москву нагрянул мой брат Иннокентий. Шутка ли: не виделись семь лет! Это закаленный фронтовик, его походно-боевое имущество все на нем. Даже отсутствует вещевой мешок…

Захватывающие фронтовые рассказы брата затянулись далеко за полночь. Иннокентий выполнял обязанности заместителя начальника особого отдела дивизии, возглавлял оперативные группы при выполнении специальных заданий, уничтожал фашистских разведчиков и предателей. Если описать воинский труд чекиста, эпизоды не уместились бы и в объемистую книгу».

Воинский труд чекиста!.. Как это точно сказано о нелегкой

службе Иннокентия Ивановича Сорокина! Шестнадцать лет жизни отдал он чекистскому труду. Всякое было за эти годы — приходилось вступать в поединки с фашистской контрразведкой, с оуновской агентурой и бандеровцами.

Первую награду — именные часы — он получил еще в 1937 году. Потом у него будет еще много наград — боевых орденов и медалей за успешно проведенные чекистские операции.

Расскажем о некоторых из них.

…Шел 1939 год. Фашистская Германия в сентябре напала на Польшу. Через границу на территорию нашей страны хлынул поток беженцев. Перед органами советской контрразведки встала нелегкая задача — выявить среди них немецких агентов. Иннокентий Иванович служил в горотделе НКГБ. Работать приходилось сутки напролет, встречаться с сотнями беженцев. И нельзя было ошибиться, нельзя было допустить, чтобы подозрение пало на безвинного человека.

В это время чекисты обратили внимание на мужчину средних лет, который регулярно бывал в сквере, разместившемся напротив зданий горкома партии, городского управления НКГБ, прокуратуры, почты. Он приходил сюда по утрам, усаживался на скамейку и углублялся в книгу. Но только делал вид, что читал. На самом же деле украдкой наблюдал за входящими в эти учреждения людьми, незаметно для посторонних фотографировал их. Во второй половине дня он появлялся на железнодорожном узле и здесь тоже украдкой пускал в ход фотоаппарат. Когда его задержали, он назвался Вольфом, беженцем из Польши. На допросе сообщил, что до прихода в Германии к власти Гитлера работал в одной из прогрессивных газет фотокорреспондентом. Когда гитлеровские штурмовики начали охотиться за евреями, бежал в Польшу. В Варшаве устроиться по специальности не удалось. Был безработным. А зарабатывал на хлеб, фотографируя людей для документов, иногда удавалось пристроить снимки в газеты и журналы. Так и жил. Теперь вот снова бежал от фашистов и разыскивает свою сестру Эстер, которая будто бы попала в число беженцев. Документы у Вольфа были в порядке. А фотографирует иногда, как любитель. Просто не может жить без фотоаппарата. Предложил посмотреть пленки. На них, мол, только городские пейзажи. В горотделе сделали вид, что поверили Вольфу, и отпустили его.

А на другой день Иннокентий Иванович Сорокин, переодевшись в штатское, в десять утра с букетом цветов сидел в сквере на той самой скамейке, на которой не раз видели Вольфа. Ждать пришлось недолго. Примерно через полчаса подошел Вольф. Уселся рядом с Сорокиным, открыл книгу. Иннокентий

Иванович цепким взглядом окинул соседа по скамейке, вынул из кармана портсигар и закурил «Беломор».

— Закуривайте, — предложил он Вольфу.

— Благодарю, — произнес тот, закрыл книгу и деликатно достал из сорокинского портсигара папиросу. Затянулся, закашлялся.

— Что это за сорт?

— «Беломор».

— Признаюсь, не курил еще таких.

— А что вы курите?

Вольф замешкался. Потом улыбнулся и сказал:

— Ни в Германии, ни в Польше папиросы не курят. Там в основном в ходу сигареты и сигары.

Иннокентий Иванович сразу же отметил безупречный русский язык Вольфа.

Разговорились. Объясняя, почему он с букетом цветов, Сорокин рассказал, что вот уже который день ходит на вокзал к утреннему поезду встречать сестру, но та почему-то не приезжает.

— А откуда вы ее ждете? — спросил Вольф.

— Из Свердловска. Она беженка. Эшелон, в котором она ехала из Польши, проходил через наш город. Я встретил ее, думал, что разрешат жить у меня. Но увы! — он пожал плечами и невесело улыбнулся. — Однако недавно ей все-таки разрешили приехать ко мне. Сообщила, что выезжает. Но, как видите, хожу-хожу на вокзал — и все напрасно.

Вольф в свою очередь тоже рассказал Иннокентию Ивановичу о своих поисках сестры. Так они сблизились. Сорокин пригласил Вольфа к себе домой. Квартира, в которую он привел гостя, была обставлена по-спартански. Одна комната, без удобств, железная койка покрыта байковым одеялом, стол, два стула, этажерка с книгами да черный картонный репродуктор, укрепленный на голой стене.

— Бедно живут советские служащие, — разочарованно произнес гость.

— Зарплата у почтового работника не ахти какая, — ответил Сорокин. — Впрочем, и на эту зарплату было бы можно жить безбедно, если бы не…

— Что если бы не?.. Договаривайте.

— Не верят мне. Из-за сестры не верят. Вот и я разуверился во всем. Пить начал.

Иннокентий Иванович вышел на кухню. Через минуту возвратился оттуда с поллитрой водки, двумя стаканами и куском колбасы.

Вольф пил маленькими глотками, не закусывая, часто курил.

Иннокентий Иванович видел, что Вольф чувствует себя неуверенно. Когда принялись за вторую бутылку, Сорокин перешел с Вольфом на «ты».

А на следующий день он стал гостем Вольфа. Тот снимал комнату в частном доме на окраине города. Комната была хорошо обставлена. Сели за стол. Как радушный хозяин, Вольф угощал Сорокина коньяком. Тот притворился, что опьянел. Вольф уложил гостя на диван. И тут Иннокентий Иванович почувствовал, что хозяин полез к нему во внутренний карман пиджака, вытащил документы. С документами, оформленными на мелкого почтового служащего, у Сорокина все было в порядке…

С того дня Вольф сам стал искать встреч с Иннокентием Ивановичем. Приглашал его домой, заводил разговоры о том, как трудно жить простому человеку при Советской власти. Сорокин иногда не соглашался с ним, иногда поддакивал. С каждой новой встречей он узнавал о Вольфе что-то новое. Ясно было, что он не тот, за кого себя выдает…

Занимаясь Вольфом, Сорокин в это же время вел еще одно дело, связанное с учительницей Н., которая несколько лет назад вышла замуж за немецкого специалиста, строящего в этих местах ГРЭС. Перед нападением Германии на Польшу тот специалист выехал к себе на родину, а учительница с двумя детьми осталась в городе. На словах она отреклась от мужа, но были сведения о том, что она поддерживает с ним отношения через связных. Иннокентий Иванович привлек к работе одного крестьянина из ближнего села, который носил учительнице на дом молоко. Тот выдавал себя за обиженного Советской властью. Рассказывал, что жил раньше зажиточно, имел двух коров, лошадь, большой дом. И все это у него отобрали. Учительница сочувствовала ему, намекала, что Советы долго здесь не продержатся.

А Вольф, между тем, каждый раз открывался Сорокину новыми гранями. Оказалось, что по национальности он не еврей, а немец, что никакой сестры у него нет. К тому же, Вольф начал осторожно прощупывать Сорокина: может ли он оказать определенные услуги. Его интересовала работа почты и телеграфа, станционного узла, ГРЭС. Так шаг за шагом он раскрывал себя.

Да, это был разведчик, работавший по заданию абвера. Его интересовали прежде всего правительственные учреждения, крупные железнодорожные узлы. Когда Вольфа арестовали, у него были обнаружены два советских паспорта на разные фамилии, но с его фотографиями, микропленки, приспособления для тайнописи.

За успешно проведенную операцию по разоблачению

вражеского разведчика приказом Наркома Госбезопасности СССР Иннокентию Ивановичу Сорокину была объявлена благодарность.

Кстати, учительница Н. тоже оказалась не тем человеком, за какого себя выдавала, и была изобличена как немецкая шпионка.

И в годы войны Иннокентий Иванович Сорокин не раз вступал в поединок с гитлеровской разведкой. Особенно запомнился ему один случай с лейтенантом С., который командовал ротой, был высокообразованным офицером, имел безупречную биографию. Москвич. Даже отличился в одном из боев, за что был представлен к правительственной награде. Но вот Иннокентий Иванович обратил внимание на то, что лейтенант почему-то не посещает комсомольских собраний, хотя в его личном деле было записано: вступил в комсомол еще в школе. Завел с ним разговор:

— Почему вы не состоите на комсомольском учете?

Тот ответил:

— Меня исключили из комсомола еще в 1940 году, когда учился в военном училище.

— За что?

— За самовольную отлучку.

Но Сорокин выяснил, что С. в училище не исключался из комсомола, что он был хорошим курсантом.

— Так куда же вы все-таки дели свой комсомольский билет? — спросил Сорокин лейтенанта после того, как уличил его во лжи.

— Потерял.

— И не заявили об этом?

Командир роты впервые смутился. Начал оправдываться, что боялся это сделать, но сам уже понимал, что Сорокин ему не верит. Так шаг за шагом Иннокентий Иванович добрался до цели. И вскоре лейтенант во всем признался. Оказывается, во время отступления наших войск он попал в окружение. Был взят в плен и доставлен в немецкую контрразведку. И хоть в боях с гитлеровцами вел себя достойно, но не выдержал пыток и смалодушничал, согласился работать на абвер. Его подучили, снабдили деньгами и паролями и перебросили через линию фронта для сбора и передачи шпионских сведений.

К счастью, лейтенант С. успел очень мало сделать для немецкой разведки. Учитывая его искреннее раскаяние и личные качества, после соответствующей подготовки ему предоставили возможность искупить свою вину. С ложными сведениями он перешел линию фронта. После этого лейтенант окончил у гитлеровцев разведшколу и был заброшен вместе с диверсионной группой в наш тыл. Группу эту С. сдал советской разведке, а ее

руководителя — матерого немецкого разведчика застрелил сразу же после приземления десанта.

Потом Иннокентий Иванович был направлен в недавно освобожденный город, в котором проработал несколько лет.

До войны здесь жила и работала в Доме офицеров Мария Д. Женщина видная, красивая. Муж у нее был военным летчиком. Сама же Маруся часто выступала в концертах, исполняла старинные русские романсы. Поэтому в городе знали ее многие. Когда началась война, Мария не успела эвакуироваться, уехала в село, жила у родных. Как-то осенью нагрянул карательный отряд эсэсовцев. Родных Марии арестовали, дом сожгли, а ее увезли с собой.

И вот молодая женщина снова появилась в городе. Все чаще и чаще ее стали видеть гуляющей под руку с немецким капитаном, который очень хорошо говорил по-русски. Это был сын белоэмигранта. Для прикрытия он служил в орсткомендатуре, а на самом деле был разведчиком. Он сделал Марию своим секретарем, а потом и женился на ней.

Мария знала в городе многих партийных и советских работников, активистов. Вскоре начались массовые аресты. Подпольщики несколько раз организовывали покушение на предательницу, но все они оказались неудачными. Когда же гитлеровцы отступили, Мария тоже исчезла из города.

И вот Иннокентий Иванович получил задание: выяснить, куда девалась Мария Д. Нелегкое это было задание. Пришлось просмотреть массу документов, опросить десятки людей, написать сотни запросов. И все же предательница попалась. Арестовали ее в самом конце войны в городе Пиллау. Оттуда пришло известие, что задержанная Мария Д. утверждает, что никогда не была на Украине и Белоруссии, родилась в Ивановской области, там сейчас живут ее родители. Это подтверждалось документально. Вскоре ее доставили в город. Иннокентий Иванович так повел следствие, что под давлением неоспоримых улик и фактов предательница вынуждена была во всем сознаться. К тому же, согласно ее показаниям, в городе была обнаружена и обезврежена агентурная сеть, оставленная гитлеровцами…

…Надолго запомнился Сорокину и такой эпизод из его чекистской службы. Как-то в начале 1945 года к нему попросился на прием по личному вопросу сотрудник его же отдела, лейтенант, назовем его Дедовым. Он был молод, в органы контрразведки пришел во время войны, ничем особым в работе пока не отличился. Войдя в кабинет, попросил разрешения

закурить и взволнованным голосом спросил:

— Знаете мою жену Ольгу?

— Да, знаю. Видная женщина…

— Так вот эта видная женщина во время оккупации в городе Б. служила уборщицей у немецкого генерала, — выпалил на одном дыхании лейтенант.

Иннокентий Иванович опешил.

— Уборщицей у немецкого генерала? — переспросил он.

— Да.

— А фамилию этого генерала она не назвала?

— Назвала…

Генерал, имя которого только что назвал Дедов, командовал в городе Б. разведшколой. Это был хитрый и опасный противник. В памяти сразу же возникла Ольга Дедова. Стройная, красивая брюнетка. Иннокентий Иванович не раз видел ее на танцах в Доме офицеров.

— Когда она сообщила вам об этом? — спросил он лейтенанта.

— Сегодня.

— Почему именно сегодня?

— Повздорили, вот и сорвалось с языка. Заявила, что не обеспечиваю ее материально, что она якобы лучше жила, когда служила уборщицей у немецкого генерала.

Через час Ольга Дедова уже сидела в кабинете Иннокентия Ивановича. Поняв, что запираться бессмысленно, она во всем призналась.

— При очередной встрече с резидентом, — рассказала на допросе немецкая шпионка, — получила задание познакомиться с советским чекистом, увлечь его и стать его женой. С лейтенантом Дедовым познакомилась на вокзале. Увидев офицера в чекистской форме, подсела к нему, попросила закурить. Завязался разговор. Выяснилось, что ему предстоит ночь напролет дожидаться своего поезда. Предложила офицеру коротать время не на вокзале, а на квартире близкой подруги. Переночевали. А утром зарегистрировались. Так я и стала Дедовой. Первое задание немецкой разведки было выполнено. Потом поступило второе: завербовать Дедова, заставить его сотрудничать с гитлеровцами. — Рассказывая об этом, Ольга горько усмехнулась. — Живя с Дедовым, я поняла, что он фанатически предан Советской власти, на вербовку не пойдет, а меня изобличит. Так, к сожалению, и случилось…

Хоть Ольга и каялась, однако рассказала на допросе далеко не все. Скрыла, в частности, то, что ей удалось завербовать одного из завсегдатаев танцевальных вечеров в Доме офицеров,

молоденького лейтенанта-интенданта, который стал ее связным. Однако чекист скрупулезно провел расследование. В результате, поняв, что запирательство бессмысленно, Ольга не только выдала своих сообщников, но и помогла советским чекистам успешно провести другие операции по ликвидации вражеской агентуры.

За эти операции Иннокентий Иванович Сорокин был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны I степени.

Потом Иннокентий Иванович расследовал дело одного учителя, который также оказался немецким шпионом, а потом разрабатывал операцию по поимке бывших сотрудников тайной фашистской полиции, потом… Сколько их было этих «потом»! И теперь, спустя много лет, рассказывая о своей чекистской работе, он нет-нет да и задумается, припомнит еще какой-то важный эпизод:

— Ведь я не рассказывал вам еще о встрече в Витебске в ресторане с глухонемым, который впоследствии оказался резидентом гитлеровской разведки…

— А как мы раскрыли матерого английского шпиона…

Мы сидим в уютной квартире Сорокина и ведем неторопливый разговор. Вернее, сижу я, а Иннокентий Иванович прилег на диван — приболел в последние дни. Да и немудрено, ведь ему пошел уже восемьдесят восьмой… И все же как молоды его глаза, какая у него завидная память! Да, ей есть что хранить.